Евгений Велтистов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА

Повести

#эксмодетство

Приключения Электроника
Евгений Серафимович Велтистов

Аннотация
Евгений Серавимович Велтистов. Приключения Электроника
Электроник – мальчик из чемодана
- Чемодан с четырьмя ручками
- Белый халат или формулы?
- Кто он, чемпион?
- Фокусник всех времён
- Всё об Электронике
- Как родился Электроник
- Как учился Электроник
- Рентген ничего не показал
- Тайна: «ты – это я»
- «Программист-оптимист»
- «Стул невесты»
- Три хранителя теоремы
- Первые поражения Электроника
- Код бегемота
- Разговор с гусем и змееносцем
- Хорошо, что собаки не говорят
- Гнёт тайны: «В конце концов, я человек!»
- Что значит – думать?

Поединок с «репетитором»
Музыкальное образование
Если б была машина времени…
Вопросительный день
«Сыроежкин – это я…»
Он смеётся!
Рэсси – неуловимый друг
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31

Аннотация

В книгу вошли две фантастические повести Евгения Велтистова о необыкновенных приключениях школьника Серёжи Сыроежкина и его друга-робота: «Электроник – мальчик из чемодана» и «Рэсси – неуловимый друг». На страницах книги вас ждут невероятные научные открытия, удивительные существа, а также погони, похищения и отважные герои. Иллюстрации Евгения Мигунова. «Приключения Электроника» Е. Велтистова входит в программы внеклассного чтения для средней школы.

Евгений Серавимович Велтистов
Приключения Электроника

© Е. Велтистов, наследники, 2022
© Е. Мигунов, иллюстрации, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Электроник – мальчик из чемодана

СПРАВКА

ДАНА .....Электронику,.....

.....машине 5-го поколения,.....

В ТОМ, ЧТО ОН/А/ В НАСТОЯЩЕЕ

ВРЕМЯ.....полностью заменяет.....

.....ученика 7-го класса «Б».....

.....Сергея Сыроежкина.....

И ОБЛАДАЕТ ВСЕМИ ПРАВАМИ.....

.....человека..(Homo Sapiens).....

СПРАВКА ВЫДАНА ДЛЯ любопытных

/С. Сыроежкин/

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущённо улыбнулся. Это был профессор Громов. Почётный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закруглённый угол большого чемодана.

— Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, — сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. — Это очень тяжёлый чемодан.

— Пустяки, — отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, чёрного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осто-

рожно! Приборы!»

— Ну и ну… — покачал головой директор. — Как же вы справлялись, профессор?

— Приглашал четырёх носильщиков. А сам руководил, — сказал Громов.

— Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

— Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

— Запах хвои необязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

— Всё чудесно, настроение отличное, — успокоил его профессор.

— Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. — И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие

дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолёт — воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолётам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зелёных деревьев, застывших, как в почётном карауле. Куда ни посмотришь — везде что-то новое: берёзовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень… Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищённые от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

— Дубки подросли, — сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы… Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

— Вот мы и приехали, Электроник, — мягко произнёс профессор. — Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

— Я чувствую себя хорошо, — сказал он хриплым голосом. — Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

— Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом… А теперь

одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил её в розетку.

— Ой! — дёрнулся Электроник.

— Ничего, ничего, потерпи, — успокаивающе сказал профессор. — Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошёл к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

— Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, — попыхивая трубкой, весело сказал Громов. — Самочувствие? Превосходное!

— Я не хочу, — раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. — Я так не могу…

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

— Приезжайте… Жду… Предупреждаю, вас ждёт сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, вскочил на него и прыгнул

со второго этажа/

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

— Электроник! — крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

— Двести двадцать вольт! — В его голосе прозвучала тревога. — Что я наделал! — Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивлённое лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шофёру:

— Вперёд! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живёт в большом городе обыкновенный мальчишка — Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрёпаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Серёжка полгода назад переехал в большой жёлто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города — Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохового переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Серёжке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всём городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зелёного, как парк. Целый день скачи, играй, прячься — и не

надоест. А если и надоест — иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придёт минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планёры, облака-ракеты, которые несёт с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина — пассажирский реактивный самолёт, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа — вот она стоит посреди двора — тоже по душе Серёжке. В классах белые парты и жёлтые, зелёные, голубые доски. Выйдешь в коридор — перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывёт среди зелёных волн, будто пароход. А ещё самое главное, самое интересное — счётные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина весёлым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и

добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и ещё не видел этих машин, он сказал отцу:

— Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

— Робота? — удивился Павел Антонович. — Это для чего же?

— Как — для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

— Ну и дружба! — сказал отец. — Мыть посуду...

— Но это же робот, механический слуга, — ответил Серёжка.

И он ещё долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

— Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдёшь в школу и всё узнаешь.

— И ещё будет чистить ботинки, — пробормотал Серёжка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирался делать робота. После школы он вихрем ворвался

в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»
Сидели на трубе.
«А» упало, «Б» пропало,
Что осталось на трубе?

— Вот тебе и на2! — засмеялся отец. — Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

— Хорошо, — сказал Серёжка, — если в детском саду, тогда реши её.

— Да ну тебя, Серёжка, отстань! Мне ещё до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошёл было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

— Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

— Наверно, «И»? — Отец пожал плечами.

— Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, — важно сказал Серёжка. — Предположим, «А» — это трубочист, «Б» — печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. — Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. — Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несёт важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

— Мудрёно, — сказал Павел Антонович, — но мы, кажется, друг друга поняли.

— А по-моему, всё очень просто, — продолжал сын. — Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаёшь новости.

Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведёт корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берём какую-то информацию и работаем.

Из этой «учёной» речи отец сделал неожиданный вывод:

— Значит, если ты приносишь тройку и говоришь «я всё знал», надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень мудрое правило!

— Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, — убеждённо сказал Сергей. — Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Серёжку за плечи, закружил по комнате:

— Ах ты предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкусный компот.

— Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я ещё не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Серёжка не знал, кем же ему стать: инженером или математиком? На кого учиться — на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих

машин?

Будь Серёжка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирал блоки машин — маленькие электронные организмы. Захочет — и научится делать какую угодно машину. Автомат для варки стали, или диспетчера самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведёт репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы своё оружие — теоремы и формулы — и были

очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас, не сегодня, а осенью. Но Серёжку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нём вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал Сергей отцу, как он расправился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолётов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поёт-гудит песню счётная машина, горят угольки её глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

— Ну, не вышла задача… Что тут такого? Ду-

рацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд…

— А теперь ты её решил?

— Решил, — скучно говорит Серёжка. — Вообще не могу я долго возиться с уравнениями… Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачником. Серёжка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и всё оглядывался: бежит ли? Собака то трусила следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Серёжку. У неё был белый треугольник на груди, одно ухо торчком, а второе будто сломано посредине.

У подъезда Серёжка приготовился взять её на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Серёжка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает всё в портфель. Он нашёл самое простое решение: «Спишу у Профессора».

Профессор, или Вовка Корольков, — сосед Сыроежкина по парте. Его тетради — хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений,

одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про всё на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задаётся, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни — это математика. Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всём на свете. Правда, когда Серёжка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим за первой партой и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своём будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои

мышцы и говорил: «Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Пусть он и ломает её. А я чихал на эти премудрости».

Если Профессор был симпатичен Серёжке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Серёжки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

— Привет, Сыроежкин! — баском кричал ещё издали Макар. — Сыр ешь или не ешь?

Если Серёжка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

— Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

— Внимание! Идёт Сыр Сырыч Сыров, он же Серёжка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всём мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Серёжка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

— Послушай, как тебя — Сыроглазкин? Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сыро-

кошкин? Сыромышкин? Сыросороконожкин?

Иногда Серёжка так злился на приставалу, что был готов его ударить. Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Серёжка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара — ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово «Гусь», а Макар подозрительно оглядывался. На переменке он гонялся за Серёжкой, но поймать более вёрткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого «А». При всём желании нельзя было отыскать в школе такого человека, который бы не знал выдающихся математиков. О них ходили легенды. Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

— Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились — и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они

неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого «А» закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

— Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает своё, а этот — своё. Так до самого звонка и говорили.

— Хорошо ему, он всё знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

— Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьёт голы биологам!

— Ну и что? Там учатся одни девчонки. А ребят — раз-два и обчёлся. И все хилые. Немудрено их обыграть… Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

— Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

— Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, футбол не гоняет. Смотри, зачахнешь с этими оч-

ками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний!

— Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьёзному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи, кто знает — лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чём сходились два лагеря, что математика — основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником весёлого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Серёжка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове. Случайный виновник этого удара — Виктор Попов — был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

— Эй, малыш, осторожнее!

Тут Серёжка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

— Какой большой нашёлся!.. — процедил он сквозь зубы. — Как дам сейчас по очкам, чтоб смотрел, куда идёшь!

Попов остановился, с удивлением оглядел незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

— Эй, ты, забияка, скажи мне лучше, что такое «Альджебр и аль-мукабала»?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

— Пора бы знать, что это — математическое сочинение девятого века, которое дало название алгебре. — Попов глядел на забияку с явной иронией. — И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Кол-легой.

На этом, собственно, столкновение кончилось. Витька Попов давным-давно всё забыл. А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года — никому не известный девятиклассник — приходит в университет на математическую олимпиаду. Берёт лист бумаги, читает условия задач. Десять минут — и он подаёт комиссии исписанный листок. В зале скрипят вовсю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится:

«Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играючи нашёл свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешённых задач…»

А на другой день повесят плакат:

«Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почёт и слава!..»

Витька Попов узнаёт об этом и протягивает руку примирения: «Извини, коллега. Такие задачи не мог решить даже я…»

А что? Разве не может так быть? Серёжка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

«Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? — философствует в такие минуты Сыроежкин. — Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-ни-

будь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, всё выходит быстро и хорошо — и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу — и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофёром, или геологом, или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории — раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?»

И Серёжка спрашивает отца:

— Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает всё: как отец окончил школу, потом работал шофёром на сибирской стройке — водил здоровенные самосвалы, потом поступил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович — наверно, в сотый раз — с удовольствием вспоминает молодость, Серёжка думает о своём: «Почему-то раньше всё было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдёшь, направо пойдёшь

или прямо пойдёшь? Даже тоска берёт…»

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на2 тебе — только он хотел подобрать её, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

— О чём ты думаешь? — спрашивает отец, прервав свой рассказ.

— Пап, а собака — умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

— По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

— А как понять человеку, что она чувствует?

— Наверно, надо научить её говорить, — шутит отец.

— Пап, ты больше не рассказывай. Я всё уже вспомнил, что было дальше… Пап, я твёрдо решил: я буду ветеринаром.

— Ну, как знаешь! — Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

— А ветеринар — неплохая специальность! — кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

— Сейчас мы прочтём о ветеринарах, — говорит он.

«Неплохая»! — про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. — Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развивают. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же всё-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?»

Кто он, чемпион?

В воскресенье Сыроежкин встал рано. Не потому, что у него были неотложные дела. Просто утро выдалось настолько яркое, свежее после ночного дождика, что было бы глупо валяться в постели. В такое утро всегда чувствуешь, что случится что-то радостное или необыкновенное: ведь день будет длинным-предлинным и очень далёк тот час, когда позовут спать.

В соседней комнате было тихо, и Серёжка хотел незаметно ускользнуть из дома. Как можно осторожнее взялся он за тугой замок, но тот всё же предательски щёлкнул.

— Серёжа! — Это мама зовёт из соседней комнаты. Услышала.

— Чего?

— Сходи, пожалуйста, за хлебом. И не опаздывай на зарядку.

Зарядка бывает в восемь. Звучит горн. На футбольном поле стоит человек в красной майке. Это мастер спорта Акульшин, он живёт на третьем этаже. Стоит и ждёт, когда сбегутся ребята из всех подъездов. Потом пробежка, прыжки и игра в мяч. Как видите, зарядка совсем не скучная,

и Серёжка не собирается увиливать. А вот хлеб — это уже обязанность. Зачем ходить за ним, когда можно заказать на дом? Мама говорит так: в воспитательных целях, чтобы он, Серёжка, не разленился.

— Две булки?

— Ну конечно. Ты же знаешь, — слышится из-за двери.

— Сейчас выясним, одну минуточку! — громко говорит Сергей и усмехается, представив недоумённые лица родителей.

Он берёт телефонную трубку, набирает три нуля подряд:

— Алло, справочное? Где я могу купить две свежие городские булки?

— Где вы живёте? — бесстрастно спрашивает автомат.

— Липовая аллея, дом пять.

После нескольких секунд молчания автомат тем же тоном произносит:

— В вашем доме есть булочная.

— Спасибо, что напомнили, — еле сдерживая смех, отвечает Сыроежкин.

— Что он сказал? — кричит отец.

— Что булки ещё горячие! И чтоб вы не опаздывали на гимнастику.

— А мы ни разу не опоздали! — хором отзываются родители и смеются над шуткой Серёжки.

Верно, на эту гимнастику все взрослые идут охотно, даже пенсионеры. Поднимаются в лифтах на десятый этаж и выходят на крышу. Там — как во дворе: цветы, кусты, а посередине площадки и спортивные снаряды. Пенсионеры, конечно, на кольцах не подтягиваются, только приседают да машут руками. Зато Серёжкин отец здорово крутит «солнце» на турнике и забрасывает в кольцо баскетбольный мяч.

В такую рань во дворе не было ни души. Поболтать было не с кем, поэтому Сыроежкин решил идти в самую дальнюю булочную: может, кого-нибудь встретит или увидит что-нибудь интересное…

Серёжка медленно вышагивал под тенистыми липами. Со стороны можно было подумать, что он погружён в свои мысли. Но это не так. Он играл: шёл по знакомой улице, а видел её совсем новой. Вот посажены деревья, вчера их ещё не было. Тоненькие, совсем палочки, и без листьев. Но ничего, скоро они наберут силу, зашумят на ветру… А вот бульдозеры наворотили кучу земли — ровняют площадку. Пока вал не убрали, здесь удобно прятаться… Где-то слышен гул мотора.

Надо закрыть глаза и угадать: обычная машина или воздушная? Надо быстрее угадать, пока шум неразборчивый. А потом проверить себя и помахать вертолёту с шашечками на боку.

Внизу, за рекой, видна чаша стадиона. Серёжка смотрит на неё, но видит не стадион, а каменные стены римского Колизея. Сейчас он не семиклассник школы кибернетиков, он — отважный гладиатор; на нём не штаны и куртка, а железные доспехи. Рычат в подземелье дикие звери. Он должен схватиться с тиграми и львами и поразить их своим мечом, чтобы остаться живым. И он чувствует тоску, как тот гладиатор, который каждый день выходил на арену рисковать жизнью…

Нет, пусть лучше будет стадион не Колизеем, а синхрофазотроном! Да, да, такой он и есть, синхрофазотрон, самая большая в мире машина — круглая, как цирк, громада. Внутри её носятся частицы, из которых состоит атомное ядро. Конечно, эти частицы ни за что не увидишь простым глазом. Будь атом размером с футбольное поле, его ядро станет просто мячом. Только вчера Сергей слышал об этом на уроке физики. Но сейчас он не просто Сергей, он — физик! Вот он берёт фотопластинки, простреленные частицами, и под микроскопом видит следы, похожие на яр-

кие, пушистые звёзды. И начинает размышлять: «Чьи же это следы?.. Какая частица пролетела? Гм, гм, загадочно…»

Вдруг ударяет ему в глаза солнечный луч, и он забывает, что минуту назад был физиком. Темнеют вдалеке стены Кремля, и их охраняет на высоком берегу стрелец Сыроежкин. Идёт высокий старик с палкой. Да это сам Иван Грозный! Какой приказ отдаст он своему воину?

Грозный остановился и спокойно спросил:

— Скажи-ка, дружище, как пройти к магазину «Миллион мелочей»?

— Н-не знаю, — растерянно пролепетал Серёжка. — То есть что я!.. Знаю! Прямо, прямо и налево.

— Спасибо, — сказал, ничуть не удивившись, старик. И пошёл. Медленно. Спокойно. Но уже совсем не как Иван Грозный.

Две булки были куплены в конце Липовой аллеи. На обратном пути, чтоб скоротать время, Сергей играл в вывески. Казалось бы, что тут такого: прочти вывеску наоборот — вот и вся премудрость. Но при этом получаются такие странные слова, словно ты очутился в другом мире.

Так выглядели вывески, отражённые в широких витринах.

А произносилось так:

АКЕТПА МОНОРТСАГ АКТСИЧМИХ

Тьфу ты, язык можно сломать!

Серёжка стал вспоминать фильм, который он видел совсем недавно. Очень интересный фильм. «Встреча миров». Про антимир. Начинается с того, как ракета с Земли подлетает к таинственной планете и пускает на разведку летающего робота. Тот начинает спускаться и неожиданно взрывается, словно атомная бомба. Оказывается, этот антимир устроен совсем наоборот, чем Земля, Солнце и вообще Галактика: и планета, и её жители, и всё-всё остальное состоит там из античастиц — частиц с противоположными зарядами. Потому странный мир и называют «ан-

ти», то есть «против». Это открыли космонавты, которые прилетели с Земли. «У нас электрон отрицательный, — говорит командир ракеты, — а у них положительный. Стоит только нашим и их частицам столкнуться, как происходит взрыв…» В самом деле, занятный этот антимир: брось туда простой камень — взрыв, брось палку — взрыв, урони что-нибудь случайно с ракеты — снова взрыв. Но пока космонавты, которые в кино, догадались, куда они прилетели, разгорелась настоящая война. Все в зале сидели не шевелясь. Нервы у всех напряжены — так здорово закручено в картине.

И вот что ещё интересно, почему он и вспомнил про этот фильм. В антимире всё наоборот, даже право и лево: там, где у нас лево, — у них право. Жаль, что города антимирян показывали только с высоты. Не разбёрешь, есть ли у них вывески. А так здания вполне современные, похожие на пластмассовые шары. И если у них всё-таки есть вывески, то они читаются справа налево…

Сергей остановился, поражённый своим открытием. Он взглянул на вывески и торжественно произнёс, будто читал заклинание:

РОФРАФ. МОНОРТСАГ.

Всё вокруг него мгновенно изменилось. Он стоял на антиземле, читал антивывески и смотрел в холодное стекло антивитрины. А из стекла на Серёжку глядел античеловек. Волосы зачёсаны справа налево, карман с пуговицей — слева, а часы — на правой руке.

— Привет! — сказал Сыроежкин. — Я знаю, кто ты такой. Ты не просто моё отражение, а ты — Ажёрес. Сейчас я опаздываю на зарядку, но в другой раз мы с тобой обязательно потолкуем. Будь здоров, Ажёрес!

Сергей, махнув рукой на прощание и получив ответный жест, побежал домой.

— Конечно, это я перехватил, что обещал с ним потолковать, — бормотал он, вернувшись из антимира на Липовую аллею. — И всё-таки здорово, что я встретил античеловека. Почти античеловека, — добавил он, подумав. — Во всяком случае, даю голову на отсечение, что сердце у него с правой стороны…

Во дворе на футбольном поле резвились малыши. Всё ясно: зарядку он пропустил. Совсем неплохо было бы побегать с мячом, но что поделаешь, его задержал не кто-нибудь, а античеловек! И Серёжка, как только свернул за угол, понял, что это открытие принесёт ему славу. У крайнего

подъезда он заметил ребят. Раз собрались, значит, что-то обсуждают или меняются ценностями.

Так и есть: слушают Витьку Смирнова. Тот стоит с гордым видом — нос кверху, волосы растрёпанные.

— Ребята! — сказал Серёжка. — Я только что видел античеловека!

В одно мгновение Смирнов оказался в полном одиночестве, ребята окружили Сыроежкина. Ему пришлось несколько раз повторять, как он читал вывески наоборот, как вспомнил про антимир из фильма и заметил в витрине Ажёреса. Оказалось, все видели «Встречу миров», все заметили, что в антимире наоборот лево и право, но никто даже не догадывался, что совсем рядом, буквально в двух шагах, можно отыскать нечто похожее на античеловека.

Открытие требовало немедленной проверки, и потому компания помчалась на улицу читать вывески по методу Сыроежкина и кривляться в витринах. А Серёжка поплёлся домой: в тот самый момент, когда он светился в лучах славы, его окликнули с балкона.

Он безропотно выслушал упрёки матери, проглотил свой завтрак, отказался кататься по реке на крылатом теплоходе и оживился лишь тогда,

когда решил, что обязательно станет физиком и будет изучать антимир.

Но где находится этот антимир? Где его изучать — на земле или обязательно лететь в космос? И как далеко туда лететь, и какая нужна ракета, и как избежать взрыва?.. Десятки вопросов закружились в голове Серёжи. Все они требовали немедленного обсуждения. И Сергей побежал к Вовке Королькову, который всё знал.

«Наверно, там с утра торчит Макар Гусев, — подумал Серёжка. — А с ним никакого разговора не получится. Одни только глупости. Как бы избавиться от Гуся?»

На всякий случай Сыроежкин прибегнул к мысленному внушению.

— Гусак, сиди дома! Гусак, сиди дома! — твердил он, поднимаясь по лестнице в соседнем подъезде.

Точно! Предчувствие не обмануло Сыроежкина: Гусак был тут как тут. Он возился на площадке с трубой, обклеенной чёрной бумагой. Увидев одноклассника, Гусев широко улыбнулся и сказал:

— А-а, Сыроежкин, привет! Видишь трубу? Телескоп. Увеличивает в тридцать раз. Наше с Профессором изобретение. Хочешь, Сыроежкин, первым увидеть звёздное небо?

— А где Профессор? — деловито спросил Серёжа.

— Сейчас придёт. Ты смотри, пока труба свободная.

Конечно, в яркий, солнечный день никаких звёзд увидеть было нельзя. Но Серёжа всё же нагнулся, прильнул к круглому глазку. Его обожгло, ослепило солнце. Огненные копья словно проткнули глаз. Растерянно моргая, вытирая ладонью катившиеся слёзы, стоял Сергей у окна. Он хотел поддать ногой телескоп, но пожалел труд Профессора.

— Ну, что ты там увидел? — ехидно спросил Гусев.

— Такого болвана, как ты! — в сердцах сказал Серёжка и побежал по лестнице. — Такого гуся лапчатого, как ты! — кричал он на бегу. — Нет, гусака! Толстого, очень противного гусака!

Макар не погнался за ним. Он только высунулся из окна и рявкнул:

— Я тебе покажу гусака! Лучше не попадайся!

Солнце светило ласково. Остро, душисто пахло молодой зеленью. Но мир казался Серёжке серым, недобрым. Ему было горько, обидно. Он шёл и думал: как отомстить верзиле, этому здоровенному, полному коварства Гусаку?

Сыроежкин строил планы мести и один за другим отвергал их. Лассо, которым можно заарканить и привязать врага к дереву, нападение в темноте, даже помощь приятелей — десять крепких кулаков — всё это Сергею не нравилось. Оставалось найти чудодейственные капли, удесятеряющие силы человека, и вызвать обидчика на бой. Но где достанешь их рецепт?

Неожиданно сильные руки схватили Серёжку и подняли высоко вверх.

— Вот он! — закричал кто-то оглушительно громко. — Качай его!

Серёжка очнулся. Он увидел флаги, спортсменов в ярких майках и бьющие в глаза белые буквы на красном полотне: ФИНИШ. Какие-то люди несли Серёжку, подняв над толпой, и кричали:

— Нашли! Нашли! Вот он — чемпион!

Толпа оборачивалась, расступалась, разглядывала Сыроежкина, а он только хлопал ресницами и вертел головой.

Кто-то схватил его за руку, подержал, шагая рядом, и удивлённо сказал:

— Пульс нормальный! Не сердце, а часы!

— Он не запыхался! — восторженно подхватил другой болельщик. — Лёгкие — как кузнечные мехи!

— Чемпион… Чемпион… — повторяли все вокруг.

Серёжку поставили перед высоким крепким человеком в белом костюме с алой повязкой на рукаве.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Сергей Сыроежкин, — удивлённо сказал неожиданный чемпион.

— Где ты живёшь, где учишься?

— На Липовой аллее. В школе кибернетиков.

— Товарищи! — закричал судья в белом костюме. — Неизвестный бегун — Сергей Сыроежкин! Он живёт здесь, в Октябрьском районе!

Толпа загудела.

— Молодец, — сказал судья Сыроежкину. — Поздравляю!

— А за что? — удивлённо спросил Сергей.

— Молодец, — повторил судья. — Никогда не надо задаваться. А завтра приходи в пять часов на стадион в секцию лёгкой атлетики. Вот. — Он достал блокнот, оторвал листок и что-то быстро написал. — Здесь адрес и моё имя. Приходи обязательно. Талант надо развивать.

Он повернулся к другим судьям:

— Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина.

— А я протестую! — резко ответил судья в

тренировочном костюме. — Сыроежкина нет в списках команды.

— Считать! Считать! Считать! — загалдели болельщики. — Он из нашего района!

Судьи стали спорить, а Серёжка тихо отошёл в сторону, сжимая в руке листок. Чемпиона дружески хлопали по плечу, ему говорили бодрые слова, кто-то сунул ему мороженое. На него дивились, как на чудо.

А чуду было очень неловко. Чудо все ещё ничего не понимало. Чудо выбрало в шумной толпе спокойного толстяка с палкой и робко спросило:

— А что случилось?

— Нет, вы только посмотрите на него! — громко сказал толстяк, напугав Серёжку. Бежать было некуда: вокруг уже стояли плотным кольцом болельщики. — Он даже не понимает, что натворил, — продолжал толстяк, стуча об асфальт палкой. — Талантлив и чист душою!.. Так вот, — человек наклонился к Серёжке, — наш район проигрывал эстафету соседям. Мы уже решили, что дело конченое. Оставался последний этап в четыреста метров. Наш стоит, ждёт палочку, а соперник уже бежит, только пятки мелькают. Как вдруг, откуда ни возьмись, — ты! Вырвал у нашего недотёпы палочку, догнал первого, перегнал его, разорвал ленточку и исчез. Просто удача, что ты живёшь в нашем районе. — Человек вдруг взмахнул палкой и заголосил: — Засчитать Сыроежкина!

— Засчитать!!! — подхватили стоявшие вокруг люди.

Серёжка сунул листок в карман, незаметно выбрался из толпы и бросился со всех ног прочь. Он не понимал, почему бежит от ярких флагов и

шумных болельщиков, а не подошёл к главному судье и не объяснил ошибку. Все происшествия утра — решимость стать физиком, удар солнца в глаза, жажда мести, неожиданная слава, — всё смешалось в голове Серёжки и гнало его вперёд. Пожалуй, теперь он на самом деле мог поставить рекорд. Только сердце колотилось, как бешеный маятник, а из лёгких вырывался какой-то странный свист.

Он выскочил на обрывистый берег реки, упал на траву и долго лежал неподвижно, с закрытыми глазами, слушая удары в груди, ловя ртом воздух. Отдышался, перевернулся на живот и заметил недалеко в кустах синюю куртку. Куртка как куртка, обыкновенная куртка. И всё же что-то в этой куртке беспокоило Сыроежкина. Что-то чёрное, маленькое, блестящее торчало из-под синей куртки. Серёжка посмотрел внимательнее и вытаращил глаза: это была небольшая электрическая вилка для включения в сеть.

Сергей никогда ещё не видел курток, из-под которых высовываются такие необыкновенные хвосты. Поэтому он тихонько подполз к кусту, осторожно взял вилку и потянул к себе. Куртка вздрогнула, зашевелилась. Из куста прямо на Серёжку вылез очень знакомый мальчишка.

Нет, совсем незнакомый! Это был кто-то чужой. Но этот «кто-то» был вылитый Сыроежкин. Сергей смотрел на него широко открытыми глазами, и ему казалось, что это он сам вылез сейчас из куста и дивится на забияку, дёрнувшего его за куртку. А мальчик в синей куртке, живой двойник Серёжки, тоже замер и смотрел в глаза Сыроежкину. На лице его ничего не отражалось — ни удивления, ни улыбки. Оно было совершенно спокойным.

— Это твой штепсель, то есть вилка? — наконец сказал, приходя в себя, Сергей.

— Да, — отозвался мальчик в синей куртке немного скрипучим голосом.

— А зачем она тебе? — опять спросил Сергей и услышал странный ответ:

— Я питаюсь электроэнергией.

— Ты… — Сергей помедлил. — Ты… робот?

— Нет, я Электроник, — так же спокойно произнёс мальчик.

— Но ведь ты не человек?

— Да, я не человек.

Они сидели на траве совсем рядом и молчали. Серёжка незаметно рассматривал своего соседа.

«Ну и пусть, что у него провод с вилкой, — думал Сергей. — Зато с ним можно говорить спокойно, по-человечески, не то что с Гусаком…»

И вдруг Серёжку осенило.

— Послушай, это ты бежал так быстро и обогнал всех? — волнуясь, спросил он.

— Я.

— Ты знаешь, мы с тобой очень похожи…

— Такое совпадение обусловлено математическими законами, — объяснил мальчик в синей куртке, и Серёжку сразу успокоила его рассудительность.

— И ты это заметил?

— Да, заметил.

— Ты знаешь, меня приняли за тебя. А настоящий чемпион — это ты!

— Может быть, я чемпион, — согласился собеседник Серёжки. — Но я совсем не хотел этого.

— Не хотел? Вот чудак!

— Ноги несли меня вперёд, — продолжал странный мальчик, — я не мог остановиться. Поэтому, скорее всего, я не чемпион.

Тут Серёжка вскочил, стал рассказывать, как спорили судьи, как его качали и несли на руках. Мальчик в синей куртке тоже встал и внимательно смотрел на Сыроежкина. Его лицо было по-прежнему спокойным и неподвижным. Нет, он не завидовал неожиданной славе Серёжки, совсем не завидовал.

— Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь бежал так быстро! — восторгался Сыроежкин. — Если б судьи не ушли, я бы привёл тебя и сказал: вот кто установил мировой рекорд! Электроник! А я-то просто Сыроежкин…

— Сыроежкин? — скрипуче спросил Электроник.

— Ах да!.. Мы ещё не познакомились. — Сергей протянул руку. — Зови меня Серёжкой.

— Серёжка Сыроежкин, — медленно повторил, словно запоминая, Электроник. Его правая рука осторожно взяла пальцы Сыроежкина и сжала их так сильно, что Серёжка вскрикнул.

— Извини, Серёжка. — Электроник посмотрел на свою ладонь. — У меня запрограммировано, что с такой силой надо жать руку друга.

Сергей, приплясывая, дул на пальцы. Он ничуть не обиделся, наоборот — обрадовался.

— Ничего! Это очень даже здорово! Ты не уменьшай силу. Она нам ещё пригодится… Расскажи о себе. Ты здесь живёшь?

— Нет, только сегодня приехал.

— Тогда я покажу тебе город! — обрадовался Сергей. — Сперва пойдём в парк, купим мороженое и съедим по четыре штуки.

— Я ничего не ем, — сказал Электроник.

— Совсем забыл! — Серёжка махнул рукой и от души пожалел приятеля: — Не повезло тебе. Мороженое куда вкуснее электрического тока! Я могу клубничного сразу четыре штуки проглотить.

— Я тоже глотал. Предметы… Когда показывал фокусы, — уточнил Электроник.

— Фокусы? Здорово! Обязательно мне покажешь!

— Хорошо. Покажу.

Так, весело болтая, шли они к парку. И все встречные оглядывались им вслед: не на каждом шагу встречаются такие похожие близнецы.

Фокусник всех времён

И вот они входят в парк. Их встречают румяный Клоун, Учёный чудак и забавный Марсианин на ходулях. Им вручают маски золотой лучистой звезды и страшного медведя, в их честь гремит весёлый марш, носится по орбите знаменитый спутник «Биб-бип» и взлетают в небо маленькие ракеты. В парке карнавал, сегодня всем весело, все смеются. И Серёжка хохочет под маской страшного медведя, хватает за руку золотую улыбчатую звезду, и они бегут к «чёртову колесу». А потом взлетают вверх, падают вниз, вертятся, вертятся и смотрят с вышины на город. И ещё кружатся на карусели, делают мёртвые петли в самолётах, взлетают и приземляются в космическом корабле. Всё время вместе — Серёжка и Электроник. Всё время рядом — Электроник и Серёжка.

А на маленькой сцене идёт концерт. Стоит на самом краю тонкая девочка, вся в голубом, с ног до головы, даже шары в руке голубые, и поёт песню:

Шары, шары,
Мои голубые шары,

Летите, шары,
Несите, шары,
Мечты моей порыв
Далеко, далеко,
Дальше крыш…

Почему вдруг умолк Серёжка? Почему он стоит совсем тихо и смотрит не на Электроника, а на голубую девочку? Почему он не хлопает, как все?

Выходит на сцену конферансье и говорит:

— Сегодня дают концерт зрители. Вы только что слышали песню, которую сочинила сама певица. Свои песни, свои стихи, своё исполнение! Прошу не стесняться!.. Итак, акробатический этюд покажут братья Самоваровы.

Почему Серёжка не смотрит на акробатов Самоваровых? Почему он вытянул шею и наблюдает, как садится голубая девочка в первом ряду? Почему тянет Электроника к эстраде?

— Электроник, — прошептал Серёжка другу, — прошу тебя, выступи. Покажи фокусы.

— Я не знаю… — неуверенно сказал Электроник.

— Ну, милый, ну, Электроша, ну, продемонстрируй! Фокусы, понимаешь, фокусы! Все сразу развеселятся, тебе будут хлопать, и я — громче

всех.

— Я покажу фокусы, — согласился Электроник и пошёл вместе с другом за кулисы.

Серёжка тронул за плечо конферансье и стал ему объяснять, показывая на маску золотой звезды:

— Эта маска — мой друг. Он замечательный фокусник. Я его просил, он согласился выступать.

Конферансье стоял и кивал головой: он понял всё с полуслова.

— Как тебя объявить? — спросил он Электроника.

— Объявите просто, — сказала скрипучим голосом маска. — Выступает величайший фокусник всех времён и народов, который выступал когда-либо, выступает ныне или будет выступать.

Серёжка улыбнулся: «Ну и Электроник! Настоящий цирковой артист. Совсем не стесняется. И фокусы у него, наверно, замечательные».

А конферансье подумал: «Ого! Вот это скромность!» Но он вышел и объявил так, как было сказано. Чутьё подсказывало ему, что в случае провала величайшего фокусника зрители примут всё за шутку.

— Сейчас ты им покажешь! — тихо сказал Серёжка Электронику, поглядывая сквозь про-

рези своей маски на голубую девочку в первом ряду. — Я чувствую, что ты не только лучший в мире бегун, но и отчаянный фокусник. Сними-ка, Электроник, маску. Пусть тебя видят все!

— Сейчас я им всё покажу, — невозмутимо подтвердил Электроник и послушно снял маску.

Фокусник вышел на сцену и поднял руку. Все сначала смотрели на руку и только потом увидели, что электрический рояль тронулся с места и, скрипя колёсиками, покатился за кулисы.

— Ерунда! — громко сказал мальчишка из первого ряда. — Привязали верёвку и тянут.

Но у конферансье, стоявшего за кулисами, округлились глаза: он видел, точно видел, что никто не тянет рояль! Рояль катился сам и отчаянно скрипел колёсиками. Фокусник опустил руку, и рояль остановился. А голубая девочка приподнялась со своего места, чтобы видеть, что будет дальше.

Неожиданно для зрителей фокусник сделал сальто-мортале, и по сцене запрыгали тонкие серебристые кольца. Они подскакивали с приятным звоном и так ярко блестели, что зрители щурили глаза.

Тихо и плавно вступил оркестр. Фокусник повёл рукой, и кольца покатились по сцене, сде-

лали круг, потом другой, третий. И вот, звеня и искрясь, они уже раскатились в разные стороны и закружились, словно цирковые лошадки. А фокусник даже не смотрел на них, закрыл глаза, уверенный, что все кольца послушны плавным движениям его рук, что они крутятся волчком, замирают на месте, скачут вверх и вниз и ни одно не упадёт.

Зрители аплодируют, заглушая оркестр, и громче всех — маска медведя. Серёжка был восхищён. Что за чудо его друг! Он видел, как замерла голубая девочка. Какие у неё большие грустные глаза… Вот она улыбнулась! Молодец, Электроник! И он, Серёжка, тоже молодец: сразу догадался, что Электроник замечательный фокусник. Если случится, что они познакомятся, он так и представится: друг фокусника.

— Всё понятно, — глубокомысленно вымолвил всезнающий мальчишка из первого ряда. — У него в рукаве электромагнит. Притягивает и отталкивает. Чудес на свете не бывает.

Бывают. Но рано или поздно они кончаются. И всем было очень жаль, что кольца внезапно исчезли. Кольца скатились все вместе, фокусник повернулся на мгновение к зрителям спиной — и вот уже ничего нет. Лишь конферансье заметил,

что кольца разом подпрыгнули и оказались у фокусника на руке, словно браслеты.

А фокусник уже берёт у кого-то из публики сигарету, прикуривает, благодарит и выдувает клуб дыма. Пушистое облачко летит к первому ряду.

— Он курит! — возмутилась какая-то женщина.

— Это понарошке, это фокус, — успокоил её сосед.

Серёжка смотрит с недоумением на сигарету в руке друга, но в это время из дыма в публику посыпались разноцветные платки. Красные, голубые, жёлтые, зелёные, белые… Все вскочили, захлопали, засмеялись, стали ловить платки. А Электроник пускал и пускал круглые белые облачка. Они, как маленькие ядра, летели во все ряды, сея дождь весёлых парашютов, которые брались неизвестно откуда.

Но вот шум стих, зрители уселись на места. Фокусник поклонился и хрипло сказал:

— Предметы. Давайте мне предметы.

Вскочил паренёк и мигом собрал в шляпу часы, авторучки, расчёски, кошельки. Зал затих. Шляпу с предметами вручили фокуснику.

— Ап! — крикнул фокусник и на глазах у всех проглотил ручные часы с жёлтым ремешком. —

Ап!.. Ап!.. Ап!..

И за жёлтым ремешком последовали другие предметы из шляпы. Часы фокусник глотал легко и непринуждённо, словно вишни или сливы. Он втягивал в себя с присвистом длинные авторучки, расчёски и, не раздумывая, отправлял в рот кошельки. Только и слышалось:

— Ап!.. Ап!.. Ап!..

Зрители замерли. Стояла напряжённая тишина. Конферансье почему-то побледнел.

— Всё, — спокойно сказал фокусник и поклонился.

Раздались жидкие аплодисменты. Зрители ждали продолжения. А фокусник пошёл к кулисам.

— Эй, дружище! — крикнули из рядов. — А часы-то не забудь отдать!

И тут все вскочили. Фокусник спрыгнул со сцены, подбежал к забору и, сделав гигантский прыжок, перемахнул через него. Зрители бросились за ним. Они, конечно, не знали, что фокусник бежит не по своей воле: его, как и утром, неожиданно погнало вперёд сильное напряжение электрического тока, включённого рассеянным профессором. Зрители ничего не знали о фокуснике, они бежали за своими вещами. Но догнать мальчишку не могли.

Конферансье растерянно оглядывался. Друг фокусника в маске медведя тоже исчез. На стуле лежала лишь забытая картонная звезда.

— Я говорил, что жулик! — восхищённо кричал мальчишка из первого ряда. — Знаем мы этих фокусников! Не догнали? Ха-ха!

А голубая девочка спокойно стояла среди суматохи и разглядывала прозрачный платок. На нём была забавная мордочка со вздёрнутым носом и непонятное слово: «Электроник».

Всё об Электронике

Александр Сергеевич Светловидов, учёный-кибернетик, сидел в гостинице и ждал профессора. Из путаных объяснений директора и горничной он не мог представить, что произошло здесь за те полчаса, пока он ехал от института до «Дубков». Чемодан, который с трудом принесли четыре человека, стоял пустой. Куда девалось содержимое?

Светловидов вспомнил, что профессор в разговоре упоминал про сюрприз. Но что это за сюрприз, который исчезает из комнаты на втором этаже, миновав дверь?

Гость несколько раз выходил на улицу, прогуливался у подъезда. Наконец поднялся в номер, уселся в кресло, решил ждать здесь. Иногда он вскакивал, подходил к зеркалу, придирчиво осматривал узел на галстуке и не упускал случая покритиковать себя.

«Ну кто скажет, глядя на это молодое лицо и румяные щёки, — иронизировал над собой Светловидов, — что перед ним без пяти минут доктор наук! Нет, товарищ Светловидов, ни парадный костюм, ни строгий пробор, ни даже эти малень-

кие усы не придают вам солидной внешности. Предположим, что Гель Иванович Громов увлечён своими мыслями и меньше всего обращает внимание на возраст собеседника. Но он ведь может легко установить, как мало оригинальных идей рождается в этой голове… Если бы коэффициент её полезного действия был равен хоть одной сотой профессорского!.. Однако это уже зависть. Хватит философствовать! — остановил себя критик. — Сядем и постараемся вычислить, учитывая все обстоятельства происшествия, когда вернётся профессор».

Светловидов любил профессора Громова. От него всегда уходишь с запасом лучших чувств и мыслей. И долго потом вспоминаешь добродушный, по-детски азартный смех, грустно-весёлый взгляд и забавные клубы дыма, вылетавшие из длинной профессорской трубки.

Кибернетики и физиологи иногда спорили из-за Громова. И те и другие считали профессора специалистом в своей области. Но эти маленькие разногласия были несущественны. Громов охотно отдавал себя обеим наукам, которые, кстати говоря, тесно сотрудничали. Статьи и выступления профессора о головном мозге проясняли некоторые загадки человеческого мышления;

физиологи и врачи-психиатры с интересом обсуждали и проверяли его гипотезы. А кибернетики воплощали его идеи в оригинальных схемах электронных машин.

Все знали, что сам Гель Иванович увлекается на досуге игрушками-автоматами: он собрал говорящего попугая, поющую собачью голову, обезьяну, показывающую фокусы. Одни считали их просто забавными, другие говорили, что в игрушках заложены интереснейшие схемы слуха, двигательных центров, речи будущих кибернетических автоматов, которые ещё удивят человечество. А человечество пока ничего не знало про гениальные игрушки, которые были заперты в профессорской лаборатории.

Светловидов вспомнил, как лет десять назад он, тогда ещё молодой инженер, приехал в город сибирских учёных — Синегорск и, выполняя обычное командировочное задание, несколько дней мечтал встретиться со знаменитым Громовым. Наконец он позвонил ему и напросился в гости. От гостиницы до Вычислительного центра Светловидов шёл пешком. Моросил мелкий, скучный дождь, на улицах не было ни души. И вот недалеко от корпусов центра Александр Сергеевич увидел странного прохожего. В расстёгнутом

плаще, без шляпы, не обращая внимания на дождь, шагал он вокруг фонаря и что-то быстро записывал на клочке бумаги. Светловидов узнал Громова.

— Вы прибыли в самый нужный момент, — сказал профессор, беря под руку инженера. — Идёмте!

— Но вы же простудитесь, Гель Иванович! — воскликнул Светловидов. — Идёт дождь, а вы без головного убора.

— Ничего не случится, — мягко улыбнулся Громов. — Я вышел встречать вас и увлёкся одной мыслью. А когда голова горячая, ей не страшна никакая сырость.

Они пришли в небольшую комнату, уставленную приборами, и сразу же взялись за дело. Собственно, опыт напоминал увлекательную игру. В соседнем зале, как разъяснил профессор, находились два объекта — Икс и Игрек. Один из них был старый помощник Громова, по фамилии Пумпонов. Другой объект — электронно-счётная машина.

Профессор усадил Светловидова за стол с двумя телеграфными аппаратами. Над ними висели листочки с буквами «X» и «Y»: каждый из двух невидимых Светловидову игроков пользовался

своим аппаратом. Правила игры были очень простые: гость мог задавать Иксу и Игреку любые вопросы и в течение получаса отгадывать, кто из отвечающих — машина и кто — человек.

Светловидов и сейчас помнит свои вопросы и ответы Икса и Игрека.

Сначала он спросил, кому сколько лет.

Икс протелеграфировал:

— Восемьсот.

Ответ Игрека содержал меньше вымысла:

— Пятьдесят.

Затем Александр Сергеевич задал ещё два разведывательных вопроса:

— Как давно знаете вы профессора? Как вы к нему относитесь?

Икс отстучал на телеграфной ленте:

— Триста пятьдесят лет. Побаиваюсь.

Игрек отвечал иначе:

— Всю жизнь. Обожаю.

Садясь к телеграфным ключам, Светловидов довольно легко представил себе тактику невидимых игроков. Человек не может прикинуться машиной, его сразу же выдаст медлительность счета. Следовательно, машина в своих ответах должна хитрить, обманывать, прикидываться человеком. А человеку (Пумпонову) ничего не

оставалось, как говорить только правду. Как выяснилось потом, эта логическая система оказалась правильной. И всё-таки Икс и Игрек сбили Светловидова с толку.

После первых ответов он подумал: «Иксу восемьсот лет. Фантазия. Наверное, это машина».

Но торопиться с ответом Светловидов не хотел. Он решил проверить их в счёте.

Он задал Иксу простую задачу:

— Прибавьте 928 714 к 47 218.

Икс думал тридцать секунд и суммировал:

— 975 932.

Светловидов — Игреку:

— Сложите 723 022 и 252 910.

Через полминуты заработал телеграфный аппарат Игрека:

— 975 932.

«Эге, — сказал себе инженер, — и тот и другой думали полминуты. Кто-то хитрит!»

И он обрушился с серией вопросов на Игрека:

— Прочтите начало первой главы «Евгения Онегина» Пушкина.

— «Мой дядя самых честных правил...» — немедленно откликнулся Игрек.

— Не думаете ли вы, — спросил Светловидов, — что звучало бы точнее так: «Мой дядя самых

честных качеств»?

— Это нарушило бы рифму, испортило стих, — весьма логично заметил Игрек.

— А если сказать так: «Мой дядя самых скверных правил»? Как вы помните, Онегин не идеализировал своего дядю. И рифма в этом случае в порядке.

Ответ Игрека был убийственный:

— Зачем обижать дядю? Надеюсь, вы это не серьёзно?

Вытерев пот со лба, Александр Сергеевич взялся за Икса. Он так и не решил, кто такой Игрек. Могла ли машина быть столь остроумным собеседником? Конечно, могла, раз её обучал профессор. Что касается помощника Пумпонова, то с его характером и настроем ума Светловидов не был ещё знаком.

Итак, очередь за Иксом. Удастся ли разгадать, кто он?

— Вы играете в шахматы? — спросил инженер.

Икс ответил коротко:

— Да.

Светловидов предложил ему решить этюд:

— У меня только король на e8, других фигур нет. У вас король на e6 и ладья на h1. Как вы сыграете?

Икс после тридцати секунд молчания отстукал на ленте решение:

— Лh8. Вам мат.

Кажется, гость проигрывал игру… Прошло уже двадцать пять минут. Гель Иванович дымил трубкой и лукаво поглядывал на коллегу.

«Какой же задать вопрос?» — мучительно думал Светловидов.

Он спросил самое простое:

— Что вы любите больше всего?

Ответы были простодушны и откровенны.

Икс:

— Кинофильмы.

Игрек:

— Люблю конфеты.

«Кто же хитрит? — возмутился Светловидов. — Смотрит ли машина кино? Нет. А как насчёт конфет? Неужели я поглупел? И всё же — спокойствие. Надо разобраться детальнее».

— Какие картины вы видели за последнее время? — спросил он у Икса.

— Заграничные. «Смерть за два гроша», «Наказание», «Источник силы».

Названия были незнакомы Светловидову. Он попросил уточнить:

— Перескажите сюжет первой картины.

Икс начал рассказ:

— Девушка и рабочий парень влюблены друг в друга. Но на их жизненном пути встречаются бандиты. Один из них, по кличке Каро, ещё похож на человека, а остальные просто мерзавцы. Они хотят вовлечь парня в свои дела, и тут гремят выстрелы. Один. Другой. Третий… Я насчитал двести семнадцать выстрелов…

Настолько увлекательным показался Светловидову этот рассказ, что он прервал Икса на полуслове, протелеграфировав:

— Довольно!

Откинулся на спинку стула, устало сказал:

— Это человек.

— Вот вы и угадали! — искренне обрадовался Громов. — А ваши первоначальные мысли, как я заметил, были абсолютно точными: машина лгала, а человек говорил правду. Но сейчас я познакомлю вас с моим помощником, и вы поймёте, почему он всё-таки водил вас за нос.

Светловидов вспоминает сгорбленного живого старика. На его лице очень много морщин, они то и дело сбегаются в хитрую улыбку, и тогда глаза кажутся маленькими зелёными точками. Пумпонов в игре не хитрил и на все вопросы отвечал весьма простодушно и точно, выступая под псев-

донимом Икс. Он был очень стар и чистосердечно уверял всех, что живёт на свете восемьсот лет и из них вот уже триста пятьдесят лет помогает профессору.

«Что поделаешь, — сказал он, — именно столько я насчитал. Уж вы извините старика за доставленную неприятность».

Он отлично играл в шахматы и превыше всего любил кинофильмы. Эта страсть его и выдала.

Что касается электронной машины — коварного Игрека, — то она в самом деле хитрила, даже медлила с ответом в счёте, стараясь сбить с толку вопрошающего.

А больше всех был доволен опытом профессор. Он заразительно смеялся, вспоминая забавные ответы Икса и Игрека, и изображал в лицах всех трёх игроков. В самом деле, ему ловко удалось запрограммировать хитрость машины!

Тот вечер был особенным. Они пили крепкий чай в кабинете Геля Ивановича, и профессор вспоминал молодые годы, когда он был влюблён в море, поступил матросом на торговое судно и совершил кругосветное плавание. Гость рассказывал весёлые студенческие истории. А Пумпонов после чая повёл гостя в мастерскую и заказал в его честь несколько песенок собачьей голове. Она пропела их, старательно открывая пасть и вращая блестящими стеклянными глазами, и этот маленький концерт был очень трогательным — ведь всякий раз электронный мозг сочинял новую песенку.

Потом старик пустил по полу игрушки. Черепахи, два лиса — чёрный и красный — кружились по комнате и слушались хозяина, словно они были живые и выступали перед публикой в зоопарке. Только длинный провод, соединявший их с электросетью, напоминал о том, что это механизмы.

С одним из этих лисов, красным, немного по-

хожим на таксу и более резвым, чем его тёмный собрат, была связана весьма печальная история.

Однажды Пумпонов пришёл в мастерскую и стал тренировать лиса. Он командовал в микрофон и так увлёкся сообразительностью механизма, что не заметил, как его ноги опутал провод. Пумпонов хотел остановить лиса, но, к своему несчастью, забыл нужную команду. Он кричал лису: «Хватит! Довольно! Не балуй! Стой!..» Лис не обращал на крики никакого внимания, продолжая бегать вокруг человека, и так крепко затянул провод, что бедняга не мог шевельнуться. Крикни Пумпонов самое простое слово «Стоп!» — и лис встал бы как вкопанный: он слушался только этой команды, а других, даже слова «стой», просто не знал. Старик слабеющим голосом просил, умолял лиса остановиться и с тоской смотрел на розетку, в которую была включена игрушка. Но, увы, дотянуться до неё не мог…

Когда Громов заглянул в мастерскую, он нашёл своего помощника лежащим на полу без сознания, крепко обмотанного проводом. Профессор сказал нужное слово — лис тотчас затих. Громов с трудом привёл старика в чувство, и тот, открыв глаза, пожаловался: «Как мало он ещё понимает… Я работаю у вас триста пятьдесят лет и не видел

ещё такого глупого лиса». На что Гель Иванович ответил: «Советую впредь быть осторожнее. Вы можете таким образом или что-нибудь изобрести, или погибнуть».

…Светловидов так углубился в воспоминания, что не заметил, как в комнату вошёл профессор. Знакомый голос поднял гостя с кресла.

— Извините, — сказал Громов, — я вас заставил ждать.

— Наконец-то! — обрадовался Светловидов. — Вас я готов ждать хоть всю жизнь. Но что случилось?

Как родился Электроник

— Сюрприза не будет, — извиняющимся тоном произнёс Громов. — Сюрприз, Александр Сергеевич, просто сбежал.

— Как — сбежал? — удивился Светловидов.

— А вот так. Прыгнул в окно — и был таков.

Только теперь Светловидов обратил внимание на вид профессора: галстук съехал набок, рукав в извёстке.

— Ну, не будем так огорчаться, — бодро сказал Светловидов. — Для начала почистимся и умоемся.

Профессор с удовольствием отдал ему пиджак, галстук и достал из дорожного чемодана куртку.

— Сразу как дома! — сказал он, надевая куртку.

Светловидову не терпелось узнать, кто же в конце концов прыгнул в окно. Но не стоило подливать масла в огонь: Громов и так был расстроен.

— Не хотите ли позавтракать? — предложил Светловидов.

— Пока я гнался за этим сюрпризом, — крикнул Громов из ванной, — я очень проголодался и зашёл в кафе! Между прочим, там работает пова-

ром бывший корабельный кок. Ещё раз приношу глубокие извинения, что заставил вас ждать, но мы с коком вспоминали каждый свои плавания… А теперь, — продолжал профессор, вернувшись в гостиную, — могу вам открыть этот небольшой секрет.

И он рассказал, что произошло утром. Светловидов, слушая Громова, смеялся и хмурился, качал головой и взволнованно ходил по комнате — верил и не верил. Электроник — кибернетический и в то же время совсем как живой мальчик; это действительно сюрприз конгрессу кибернетиков. Чутьём учёного гость понимал, сколько труда, новых идей вложено в необычное создание, и с нетерпением ждал разъяснений. Но сначала надо было что-то предпринять.

— Я позвоню в милицию, — предложил он, — попрошу найти его.

— Но как вы объясните ситуацию? Мне не хотелось бы разглашать секрет до открытия конгресса, — сказал Громов. — О, эта чудовищная моя рассеянность! Я совсем забыл о разнице напряжений в электросети. И вот печальные последствия… Как вы догадываетесь, мышцы Электроника получили усиленный сигнал биотоков и погнали его с огромной скоростью. А если

он столкнулся с кем-нибудь или подрался? Он же свернёт нормальному человеку шею!

— Будем надеяться на хорошее воспитание, — шутливо заметил Светловидов.

Он вызвал по видеотелефону дежурного милиции и, назвав себя, попросил срочно разыскать в городе мальчика тринадцати лет, по имени Электроник. Учёный описал его приметы, в том числе и способность быстро бегать, и договорился, что, как только будут какие-то сведения, ему немедленно позвонят. Распространяться о других особенностях Электроника он не стал.

— Простите моё любопытство, — сказал он, обернувшись к Громову, — но мне не терпится услышать историю с самого начала. Время у нас есть.

— А вы разрешите мне дымить? Иначе я не умею рассказывать.

Профессор долго раскуривал трубку. Глаза его казались грустными. Но вот в них разгорелся лукавый огонёк. Громов взъерошил пышную седую шевелюру и задымил с явным удовольствием.

— Так вот, — сказал он, — есть у меня давнишний приятель Николай, очень хороший хирург. Почему я с него начал, вы сейчас поймёте. Все наши встречи проходят в бесконечных спорах.

Представьте, коллега, что вам пришлось говорить с человеком, который считает свой разум чуть ли не совершенством природы… Вы улыбаетесь. В самом деле, вопрос почти не для спора. Но надо было видеть напыщенность моего приятеля, когда он начинал разглагольствовать о сложности человеческого организма, совершенстве мозга и прочем, прочем. Я сначала тоже улыбался, потом сердился, наконец, напоминал о том, что человек живёт в определённых условиях и обычно использует лишь малую часть мощности своей памяти. В самом деле, иной школьник или студент с великим трудом переваривает некоторые предметы. А ведь школьная и институтская программы — это лишь крохи того, что мог бы усвоить обычный человек. Если бы он пускал в ход хотя бы половину резервов мозга, он играючи выучил бы сорок языков, окончил бы десяток университетов и легко бы запомнил всю Большую советскую энциклопедию.

Николай упорствовал. Он выставлял такой аргумент:

«И всё-таки, что бы вы ни говорили об ограничениях разума, гений может всё».

«Но он расплачивается за гениальность тяжёлым трудом, — напоминал я. — Гений ломает

рамки, поставленные человеку природой. Он обрабатывает большое количество информации. Вспомните: когда у Эйнштейна спрашивали, сколько часов длится его рабочий день, он принимал это за шутку. Рабочий день учёного не имеет ни конца, ни начала. А сейчас, когда на учёных нахлынула буквально лавина накопленных знаний и новых открытий, их положение стало особенно трудным. Объём и сложность задач, которые ставит перед наукой производство, год от года увеличиваются. Я знаю случай, когда один математик потратил тридцать лет напряжённого труда, чтобы решить только одну проблему. А сколько интересных вопросов остаётся пока в стороне, потому что на их разрешение не хватит всей человеческой жизни! Так что человек давно осознал своё несовершенство и направил силу на создание устройств, которые облегчат переработку и усвоение информации».

Здесь Николай полагал, что он имеет право на иронию. Он спрашивал, заранее зная ответ:

«Может быть, вы говорите о машинах?»

Я подтверждал:

«Конечно».

«Мне вас жаль, — говорил Николай. — Вы тратите месяцы труда, чтобы объяснить машине,

как решить простую геометрическую задачу, или, как вы выражаетесь, запрограммировать эту задачу. Тогда как я, несведущий в математике человек, могу решить её за полчаса. Простите, чему же может эта машина научить меня?» Николай был прав: обучить машину всегда сложнее, чем человека. И я не скрывал от него трудностей. Я напоминал моему самовлюблённому приятелю, как он решает простую задачу. Он, конечно, полагает, что в эти самые полчаса он обрабатывает и отбирает определённое количество информации, то есть ищет путь решения задачи, опираясь на свои знания — на программу, заложенную в него в годы учения. Николай кивал головой:

«Да, именно так».

Но разве это всё? Николай просто не осознавал, что, когда он берётся за карандаш, за его плечами не только школьные уроки, заученные формулы и правила, а вся жизнь. В детстве он ползал, ходил, бегал, разбивал нос и колени и таким образом познакомился с пространством. В школе он мастерил приборы и модели, строгал, пилил, учил геометрию и узнал, что наша планета круглая. Наконец, он связан невидимыми нитями со всей Землёй: миллиарды ощущений — физических, химических, магнитных, электри-

ческих — переплетены в нём в сложный клубок психической деятельности. Всё это — неосознанная информация, которой располагает взрослый человек.

Такие, как Николай, никогда о ней не вспоминают, считая свои успехи само собой разумеющимися. А заложите вы в машину эту информацию да ещё знания, и она проявит такую же мудрость, как и мой приятель, если не больше…

Профессор улыбнулся, разбив своего противника, и тут же оправдал его:

— Однако я зря накинулся на приятеля. Все эти споры были очень полезны, они оттеняли трудности моей задачи, вызывали необходимые сомнения. Я совсем не чувствовал себя всемогущим создателем, соперником творца человека. Я просто продумывал схемы, которые могли перерабатывать и хранить как можно больше информации…

Трубка Громова давно погасла, и он, высыпав пепел на блюдечко, стал заново набивать табак. На мгновение опустив веки, он словно представил свою необычную машину, которая должна была стать подобием маленького человека.

Паузу прервал Светловидов:

— Извините, Гель Иванович… Я совсем забыл:

поймёт ли Электроник милиционеров, когда его найдут?

Громов встрепенулся:

— Да-да… Он умеет слушать, говорить и всё понимает… Он очень послушный мальчик. Во всяком случае, ещё недавно был таким.

Профессор говорил об Электронике, как о живом, и Светловидов смотрел на него с восхищением.

«Вот тот учёный, — думал он, слушая собеседника, — который знает про всё на свете. И даже о том, чего не видел ни один человек и, может быть, никто не увидит. Он легко ответит на любой вопрос, какой только придёт в голову; мне кажется, он даже знает, что такое «минус пять яблок» — простая фраза в задачнике, которую никто не может наглядно представить. Но важно то, что он не только отвечает на вопросы, но и умеет их задавать. Этот «послушный» Электроник — каверзный вопрос для науки. Хорошо бы разыскать его и привезти на конгресс…»

А Громов рассказал о том, как появился на свет Электроник. Его родители не были так совершенны, как их будущее дитя. Внешне они выглядели перед ним просто безобразными чудовищами со своими шкафами-блоками, страшным треском и

шумом и способностью пожирать массу электричества. Но эти родители — устаревшие обычные электронно-счётные машины — очень старались, проверяя и вычисляя сложные схемы, которые придумывал Громов. Две машины считали день и ночь, потому профессор и прозвал их в шутку родителями Электроника.

Правда, дело облегчалось тем, что некоторые механизмы и устройства были уже испробованы на автоматах-игрушках и на других электронных машинах: они читали текст, различали предметы, понимали человеческую речь, сами составляли предложения. И всё-таки будущий человечек требовал фантастических усилий и особой изобретательности. Всё, что знал профессор о нервной системе и мозге человека, он пытался воплотить в своих схемах.

Разумеется, над Электроником работал не только профессор. Один он бы не справился. Помощники Громова, друзья, ученики, студенты, — двенадцать человек были увлечены идеей создания искусственного существа и трудились над ним пять лет, отдавая ему всё свободное время.

Через пять лет перед ними стояла довольно странная машина — единый кусок твёрдого тела,

по форме напоминающий голову и туловище человека. О её строении можно сказать просто: слоёный пирог. Машина была спрессована из плёнок, на которых напечатаны, как на газетном листе, сложные электронные схемы. Эти плёнки в тысячи раз тоньше человеческого волоса, а размерам деталей в схемах мог позавидовать любой часовщик. Электрические сигналы, пробегая по схемам, имели дело с такими мельчайшими деталями, как молекулы и атомы кристаллов. Поэтому в молекулярно-электронных, или молектронных (так они точно называются), схемах удивительная плотность монтажа: в каждом кубическом сантиметре миллионы деталей. Достаточно вспомнить, что самая совершённая в мире машина — живой человеческий мозг — имеет примерно такую же плотность нервных клеток.

Но это ещё не всё, чем отличался Электроник от своих родителей. В старых электронно-счётных машинах элементы соединены последовательно: как бы быстро машины ни работали, сигнал обегает одну за другой все ячейки памяти в поисках ответа на вопрос. Это похоже на миллионную армию, где в бой вступают по очереди только два солдата, а остальные бездействуют в ожида-

нии. У Электроника память сложена из кубиков, конечно, таких миниатюрных, что их можно разглядеть только в микроскоп. Как и нервные клетки человека, эти кубики соединены пучками связей. Поэтому у Электроника обработка информации и поиск ответа на заданный вопрос идут сразу в нескольких направлениях, на параллельных связях. Можно сказать, что армия его знаний всегда в бою.

— Мы были так рады, созерцая это электронное подобие человека, что мигом забыли про его чудовищную сложность, про годы кропотливого труда, — с улыбкой вспоминал профессор. — Мы стали называть его «милым чёрным ящиком» и искренне, как дети, удивлялись его совершенству. Я, помню, сам кружил вокруг будущего человечка и напевал слова Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, о чём не снилось даже нашим мудрецам…»

А потом за дело взялись два близких друга Громова — химик Логинов и кукольник Смехов. Логинов давно бился над синтетическими мышцами и, как известно, открыл секрет их сокращения. Он же изобрёл материал, который очень похож на кожу человека. То, что сделал с машиной Логинов, казалось далёким от химии

кибернетикам просто чудом. Так бывает в цирке: фокусник накрывает платком шар, сдёргивает платок, и все видят цыплёнка. Зрители ничего не понимают: только что был мёртвый деревянный шар — и пожалуйста, живой писклявый цыплёнок… Конструкторы Электроника называли Логинова «химическим богом»: ведь он подарил автомату живые ноги и живые руки.

— Живые ноги! — повторил профессор. — Вы бы видели, как быстро он бежал!.. Впрочем, ноги тут ни при чём… Мне просто не везёт.

— Почему? — спросил Светловидов.

— Вы помните, Александр Сергеевич, того красного лиса, который однажды запутал Пумпонова?

— Как, — изумился Светловидов, — и он тоже сбежал?!

— Сбежал, — вздохнул Громов, — хоть он и на колёсиках. Вот полюбопытствуйте.

Профессор достал из портфеля груду помятых телеграмм и бросил их на стол. И пока Светловидов читал их одну за другой, Громов ходил по комнате, пуская клубы дыма из своей длинной трубки, и отрывисто пояснял:

— Это случилось в вашем городе… Пумпонов приехал сюда с красным лисом и вернулся без

него. Он ничего не мог толком объяснить. «Это очень хитрый зверь, — твердил старик на все мои вопросы, — хотя у него самые правдивые в мире глаза...» А я — тоже дырявая голова — не догадался про высокое напряжение... И вот — пожалуйста, эта игрушка ведёт самостоятельный образ жизни...

Громов взял со стола первую попавшуюся телеграмму, прочитал вслух:

— «По поступившим в зоопарк сведениям, животное рыже-красной окраски, с длинным пушистым хвостом и мордой таксы, вероятнее всего — лисица, обнаружена в магазине металлоизделий. При открытии магазина лисица выбежала в дверь и скрылась во дворе дома № 9 по улице Скрябина, испугав детей детсада № 218. В дирекцию зоопарка поступила новая просьба поймать сбежавшего зверя».

Светловидов от души рассмеялся.

— Смейтесь, смейтесь над старым путаником, — махнул рукой Громов. — В конце концов я сам сбегу от себя... О, эти электронные схемы. Когда их собираешь все вместе, невозможно предусмотреть тысячи случайностей.

— Но неужели трудно поймать в городе зверя с длинным хвостом! — горячо сказал Светлови-

дов. — Не обижайтесь, Гель Иванович, я просто восхищён вашим лисом. Чтоб вы не волновались, я готов работать ловцом в зоопарке.

— Как видите, зоопарк исправно снабжает меня информацией, а поймать не может. И неудивительно. Привычным командам лис не подчиняется, днём скрывается, а ночью… Обратите внимание на телеграммы: сегодня он заряжается электроэнергией в «Металлоизделиях», завтра в «Малыше», а послезавтра в кафе «Уют». Пришлось бы выключать электросеть во всех торговых точках города. А это не в моих силах.

— Он оказался чересчур сообразительным.

— Точнее говоря, — поправил профессор, — вся его «хитрость» заключается в быстроте. Ведь он был создан как часть Электроника — для проверки и отработки движений.

— Большая честь поймать такого экзотического беглеца, — мечтательно сказал Светловидов. — А Электроник… Ведь его, как я понял, не отличишь от любого мальчишки?

— Да, это сотворил кукольник Смехов, — ответил профессор. — И потому хлопот с Электроником будет не меньше…

Кукольника Смехова знал весь театральный мир как первоклассного мастера. Его марионетки

путешествуют по белу свету с театрами. Они признаются в любви, клянутся в верности, ревнуют, убивают, плачут, но играют одни и те же роли и никогда не проявляют самостоятельности. Можно представить радость мастера, когда он узнал, что будет делать живую куклу! Смехов очень волновался и всех спрашивал, каким должен быть мальчик. Ему надавали массу советов и в конце концов только сбили с толку. Однажды Смехову попалась на глаза журнальная фотография: мальчишка вылез из бассейна и от удовольствия счастливо смеётся. Обаятельная улыбка, курносый нос, вихор на макушке — вообще весь облик этого случайного парнишки так понравился кукольнику, что он решил: таким будет его новое творение. Смехов натянул на машину кожу, как чулок на ногу, заперся в мастерской и не пускал туда никого, пока однажды не вынес настоящего мальчишку.

Оставалось придумать имя. Помощник Пумпонов на правах старшего сказал: «Должно быть в нём что-то современное и что-то старинное, древнегреческое». Думали, гадали, как вдруг кто-то сказал: «Электроник». Хорошая находка! И отдана дань уважения родителям Электроника, и по-древнегречески звучит красиво: электрон

— это янтарь. Так и решили.

Как учился Электроник

Рассказ прервал мягкий гудок. Включился голубой экран на стене. Профессор и Светловидов бросились к видеотелефону. Они увидели дежурного милиции.

— Ваш Электроник натворил дел в парке культуры, — строго сказал дежурный, хотя глаза его были весёлыми. — Показывал с эстрады фокусы и проглотил с десяток часов, кошельков, авторучек. Вот заявление некоторых потерпевших.

— Я так и знал, что эта выдумка Пумпонова к добру не приведёт… — простонал профессор.

— Мальчик найден? — нетерпеливо спросил Светловидов.

— Мальчик исчез, перескочив через двухметровый забор. Вот вещественное доказательство, которое имеется у многих потерпевших. — Дежурный развернул во весь экран платок с весёлой мордочкой и монограммой «Электроник». — Я дал указание всем постам, — продолжал дежурный, — задержать мальчика и немедленно направить его в больницу. Лично я, — добавил дежурный, — не совсем понимаю, как можно проглотить такое количество предметов.

— Прошу немедленно вызвать нас, когда поступят сведения, — сказал Светловидов. — Спасибо.

Профессор ходил по комнате, сцепив руки за спиной.

— Что такое? — бормотал он, ни к кому, собственно, не обращаясь. — Легкомысленность этого Пумпонова всегда ставит меня в глупейшее положение. Вместо серьёзной работы получается клоунада, фарс. Какое легкомыслие!

Светловидов неожиданно развеселился. Интересно бы сейчас увидеть Электроника, посмотреть на его фокусы.

— Какие, однако, способности у вашего мальчика! — шутливо сказал он. — Пожалуй, вместе с красным лисом они могли бы выступать в цирке.

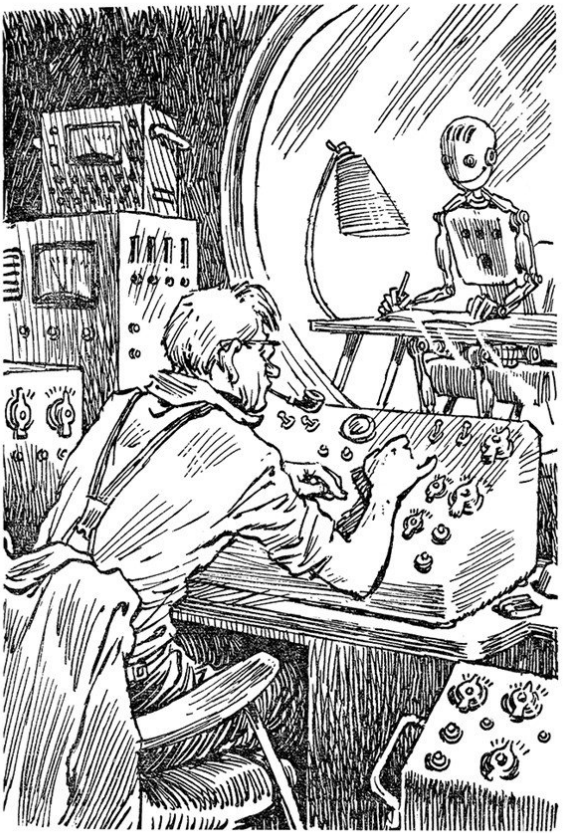
— Ну, знаете ли… — загорячился Громов. — Вы ещё не выслушали и половины, а уже делаете выводы!

— Не волнуйтесь, — засмеялся Светловидов. — Я не сомневаюсь, что все эти проглоченные вещи можно вернуть потерпевшим.

— Конечно, конечно… Там есть такой маленький ящичек, он легко открывается. Всё будет возвращено владельцам.

— Я думаю, его скоро найдут, — сказал Алек-

сандр Сергеевич. — Эта забавная история ещё больше подогрела моё любопытство. Прошу вас, добрый Гель Иванович, возьмите свою трубку и продолжайте. Если бы я не слышал эту историю от вас, я бы счёл всё за шутку.



— Чтобы не выглядеть и в ваших глазах шарлатаном, — улыбнулся профессор, — придётся закончить историю.

Он сел в кресло напротив Светловидова, запахнул домашнюю куртку, раскурил трубку. Светловидов опять заметил лукавый огонёк в его глазах, вспыхнувший почти одновременно со спичкой, и решил, что профессор обрёл своё обычное шутливое настроение.

— Прежде всего, — продолжал Громов, — мы обнаружили, что наш Электроник круглый дурак. Да, да, он ровным счётом ничего не знал. Мы заранее проверили читающее устройство и выяснили, что оно сможет узнавать разные образы. Пумпонов тренировал прибор, различающий звуки человеческой речи: он пищал, свистел, говорил басом, лепетал, как ребёнок, прикидывался женщиной и в конце концов научил прибор реагировать на разные голоса. Память Электроника была способна классифицировать слова слышимой речи и со временем должна была составлять самостоятельные суждения. Короче говоря, в нём были предусмотрены все механизмы, которые могли вести отбор и усвоение полезной информации. Но пока что он ничего не знал… Впрочем, я слишком придирчив, — поправил

себя Громов. — Память любого ребёнка подобна ученической тетради: чистая бумага, на которой надо записать полезные сведения. Если вспомнить, что маленький человек задаёт в день почти пятьсот вопросов родителям, станет ясно, как он заполняет эту чистую бумагу… Мы поблагодарили природу за её изобретение и с лёгкой душой заимствовали простой метод приобретения знаний. Нет, честно говоря, на душе у нас было не так легко: на нас обрушилась лавина работы. В обыденной жизни мы просто не задумывались, какое множество вещей и понятий окружает нас. А ведь все их надо было показать и растолковать Электронику…

Светловидов знал, какая это трудная задача — научить машину самостоятельно мыслить, составлять себе программу действий. Слушая профессора, он живо представил всю картину школьной жизни Электроника. Урок первый: как узнавать и отличать друг от друга разные образы? Что такое буква «А»? Это целый маленький мир. Как объяснить машине, что буква «А» — соединённые вверху две палки с перекладиной посредине; и кружок с палкой справа — тоже буква «А»? И вот каждая буква пишется разными почерками сто раз. Потом учёный показывает

Электронику двадцать букв и объясняет: «Это «А». Остальные восемьдесят он сам должен назвать.

Как и любой ученик, Электроник получал двойки. Никто его, конечно, не ругал за плохие ответы. Но всякий раз, когда ученик ошибался, профессор нажимал кнопку, и внутри Электроника — в одной из схем машины — ослаблялась та связь, которая передала неправильную информацию. В другой раз сигнал бежал по верному пути, и Электроник уже не ошибался. Он был очень старательным учеником.

После алфавита и цифр — картинки. Мужские, детские, женские лица, животные, автомобили, домашняя обстановка, школьные принадлежности… Тысячи и тысячи понятий запоминал ученик. Это не значит, что в его памяти укладывался точный, почти фотографический образ какого-то определённого дома или автомобиля. Если бы это было так, Электроник не узнал бы никакого другого дома, никакого другого автомобиля. Он запоминал какие-то общие, важнейшие черты разных образов и мог уже отличить ребёнка от мужчины. Примерно так действует и память людей. Мы никогда не запоминаем фотографически точно, во всех деталях даже близкого друга — наш мозг не перегружает себя. Но зато

не спутаем его ни с кем другим, а после долгой разлуки обязательно узнаем…

— Я не утомил вас, Александр Сергеевич? — спросил профессор.

— Наоборот, я боюсь, что из милиции позвонят слишком быстро и вы не закончите рассказ.

— Ну, насколько я их понял, сильный заряд в аккумуляторах ещё не кончился. Ещё придётся за ним побегать. А я тем временем перейду к третьему уроку Электроника — чтению. Вы, очевидно, представляете, сколько скрывается за одним этим словом: чтение фраз, классификация слов в группы, постоянное уточнение границ этих групп, выяснение разных значений одного и того же слова, штудирование словарей, проникновение в смысл фраз, законченных мыслей, абзацев. Методы осмысления текста, которыми пользовался Электроник, удивили бы лингвистов, но факт остаётся фактом: он с огромной скоростью читал книги одну за другой. Я только успевал их подбирать.

Справедливость позволяет мне сказать, что Электроник оказался весьма сообразительным. Очень скоро мне пришлось отказаться от наказаний и перейти к простому разъяснению ошибок. Правда, это требовало большего терпения, чем

простое нажатие кнопки. Но успехи Электроника вдохновили бы любого учителя. Он охотно углублялся в теоремы, молниеносно вёл подсчёты и даже сравнительно легко учил наизусть стихотворения. Мы уже беседовали на разные темы, при этом Электроник высказывал двоякого рода суждения: одни он заимствовал у авторитетных лиц, другие — составил сам.

И вот первые шаги по комнате. Мы подготовили Электроника к этому событию, записав на плёнку биотоки с мышц человека и заложив их в его память. Как известно, электрические сигналы, которые командуют мышцами одного человека, можно передать мышцам другого, и он будет делать то же самое. Так и с Электроником. Чужие биотоки навязывали мышцам мальчика нужные движения.

И снова начались дни мучений: Электроник учился ходить и натыкался на все предметы. Он чуть не угробил себя, пока не привык к пространству.

Электроник уже научился ходить, а я всё медлил, боялся выводить его на улицу…

Рассказчик вскочил с кресла: гудел видеотелефон. На экране — то же лицо.

Голос у милиционера по-прежнему спокойный,

глаза — с хитринкой.

— Есть новые сведения, — говорит он. — На Липовой аллее во время соревнований мальчик в синей курточке обогнал всех спортсменов. Приметы совпадают. Однако, когда его встретили позднее, он назвал себя не Электроником, а Сергеем Сыроежкиным.

— Он бежал очень быстро? — спросил профессор.

— Говорят, что он мог бы установить мировой рекорд. Это случилось до происшествия в парке.

— Тогда это он! — уверенно сказал Громов.

— Но Сергей Сыроежкин, тринадцати лет, действительно живёт на Липовой аллее, дом пять, квартира сто двадцать шесть, — возразил дежурный.

— Хм, хм… — смущённо кашлянул Громов. — Странная игра фантазии… Не понимаю, зачем он это придумал…

— А Сыроежкина вы задержали? — вмешался Светловидов.

— Нет.

— Задержите мальчика с нашими приметами, — твёрдо сказал Александр Сергеевич, — кем бы он себя ни называл. Мы ждём.

Они вернулись на свои места, некоторое время

молчали. Наконец Гель Иванович, пожав плечами, сказал:

— Я ничего не понимаю. Доскажу вам об Электронике то, что знаю… Почему я медлил выводить его на улицу, вполне понятно. До сих пор Электроник был комнатным мальчиком. На него должен был обрушиться мир, состоящий из движения и моря звуков. Кроме наших голосов, он ничего не знал — ни лая собаки, ни гудков машин, ни стука мяча. Но Электроник проявлял любознательность к новому миру, и нам пришлось учить его заново. Те же самые дома, автомобили, животные, которых он видел на рисунках, из плоских обратились в объёмные. Мальчик видел цветы, траву, деревья, и я стремился дать ему представление о непрерывности процессов на Земле. Он замечал, как похожи и не похожи друг на друга дома, улицы, скверы, как день ото дня меняется или повторяется погода. Словом, я хотел, чтобы он, как и все мы, люди, привык к характерным условиям жизни и разнообразию мира… Не мне судить, как это удалось. Я считал, что он вежливый, спокойный, правдивый, и не ожидал от него таких трюков. Потом ещё это странное имя Сергей Сыроежкин. Не представляю, зачем он им назвался…

И опять требовательно просигналил аппарат. Дежурный милиции был краток:

— Приезжайте. Нашли.

— Кого? — спросил профессор. — Мальчика или лиса? — От волнения он совсем забыл, что милиция ничего не знает о сбежавшем лисе.

— Какого лиса? — удивился дежурный. — Вы же просили мальчика…

Рентген ничего не показал

Светловидов вызвал такси. Через пять минут они уже ехали в отделение милиции. Профессор был сосредоточен, молчалив. Светловидов улыбался, рисуя себе встречу с Электроником, которая сейчас произойдёт.

— Удивительную вы всё-таки историю рассказали! — прервал молчание Светловидов. — Когда-то изобретатель или инженер придумывал машину; на заводе её запускали в производство, и эти машины работали где угодно. Потом появились вычислительные машины. Они не могли трудиться сразу же после сборки. Программист должен был дать им программу действий. А теперь и этого мало. Для таких сложнейших систем, как ваш Электроник, нужен ещё и талантливый педагог!

— И вот вам результат воспитания: мы едем в милицию, — проворчал Громов. — Хотел бы я ещё знать: если я случайно встречу этого негодного лиса, послушается ли он меня, остановится ли?

В отделении было пустынно и тихо. За столом сидел один дежурный — симпатичный молодой милиционер. Он встал, откозырял, сказал, пожи-

мая руку Громова:

— Рад с вами познакомиться, профессор. Извините, что мы так долго выполняли ваше поручение. Мальчишка действительно бегает, как заяц. Электроник-Сыроежкин сейчас в поликлинике, это через дорогу. Проходит рентген.

— Рентген? — Брови Громова поползли вверх. — Ах да, проглоченные предметы… Но в данном случае рентген бесполезен. Он только озадачит врача.

Дежурный был явно смущён ответом.

— Я беспокоился о его здоровье, — пробормотал он.

Они пересекли улицу, вошли в поликлинику. Милиционер нажал кнопку у двери рентгеновского кабинета. Тотчас же вышел врач.

— Рентген ничего не показал, — развёл он руками.

— Как — не показал? — спросили трое хором.

— Никаких посторонних предметов в желудке нет, — пояснил врач. — А так… сердце в норме, лёгкие прозрачные. Здоровый мальчик.

— Где он? — не выдержал профессор.

— Сейчас… Серёжа! — позвал врач.

Дверь кабинета скрипнула. В щель просунулся любопытный нос. И вот из темноты появился

мальчишка.

Профессор шагнул навстречу и остановился. Внимательно посмотрел на мальчика. Громко сказал:

— Поразительно! Фантастика!

— Здравствуй, Электроник! — улыбнулся Светловидов и протянул руку.

— Я Сыроежкин, — сказал мальчик, пряча руки за спину.

— Это не он? — удивился Александр Сергеевич, глядя вопросительно на Громова.

Профессор сделал неопределённый жест рукой. Глаза его были устремлены на Сыроежкина, излучая мягкий свет.

Серёжка улыбнулся.

— Значит, это не он? — сказал дежурный. — Так… Но ведь свидетели уверяют, что именно этот мальчик проглотил часы. Скажи честно, — обратился он к Сыроежкину, — ты показывал фокусы в парке?

— Ничего я не показывал, — буркнул Сергей.

— И не ты бежал в кроссе?

— Ничего я не бежал. Всё это болельщики напутали.

— И ты не знаешь, — прищурился милиционер, — кто такой Электроник?

— Ничего я не знаю! — закричал с отчаянием Серёжка.

Если бы профессор умел читать мысли! Он сразу бы узнал всё: как Серёжка нашёл настоящего друга, как он был рад и счастлив всего только час тому назад и как боится так сразу, внезапно потерять его. Нет, он никому его не отдаст! Не скажет о том, что Электроник сидит у него в комнате, в шкафу, ни слова, что бы с ним ни делали эти трое.

— Ничего я не знаю, — мрачно повторил Сыроежкин.

Нет, замечательный учёный не умел читать чужие мысли. Он сказал милиционеру:

— Отпустите мальчика, это недоразумение. Вы слышали, что рентген ничего не показал!

И Серёжка ушёл. А четверо взрослых остались в приёмной поликлиники.

— Такой казус, — сокрушался дежурный. — Вы бы хоть, профессор, дали фотографию своего Электроника.

— Фотографии у меня нет, — сказал Громов. — Да вы её только что видели: вот она — фотография — ушла на двух ногах, Серёжка Сыроежкин. Симпатичное имя!

Тайна: «ты – это я»

— Электроник! — шёпотом говорит Серёжка, открыв дверцу шкафа. — Всё в порядке. Свёрток я отдал в бюро находок. Сунул в окошко и удрал. Разворачивают они свёрток и видят: нашлись и кошельки, и часы, и авторучки. И никакого скандала.

— Я не хотел скандала, — хрипло сказал Электроник. — Они сами давали вещи.

— Тише! Все спят! — предупреждает Серёжка.

Ночь. Со всего неба смотрят в окно звёзды.

Луна спряталась за дом.

У школы горит фонарь.

— Ты хочешь спать?

— Я никогда не сплю.

— А что ты будешь делать?

— Я буду читать. Давай мне книги.

— Какие ты хочешь? Приключения? Про смешное?

— Давай всякие, — говорит Электроник. — И стихи давай. Стихи читать полезно. В каждой букве стихов полтора бита.

— Каких таких бита? — удивляется Серёжка.

— Бит — единица информации. В разговорной речи одна буква — это один бит. В стихах — полтора бита. Но это условное название. Можешь называть их как хочешь, хоть догами.

— Вот тебе целый миллион догов, — говорит Серёжка, доставая с полки книги. — Сейчас я зажгу тебе лампу. А аккумуляторы тебе надо заряжать?

— Я пришёл к выводу, что утром было очень сильное напряжение тока, поэтому я так быстро бежал.

— А какое у тебя напряжение?

— Сто десять вольт.

— Ну, дело пустяковое. Сейчас я возьму трансформатор от холодильника, и будет как раз сто десять вольт.

Серёжка тихонько принёс из коридора трансформатор и табуретку, взял со стола лампу и устроил друга в шкафу. Разделся, скользнул под одеяло, стал смотреть на светлую щель, разрезавшую шкаф сверху донизу. Он лежал, смотрел на золотую полоску, и ему очень хотелось встать, заглянуть в шкаф и ещё раз убедиться, не сон ли

всё это. Но он слышал тихий шелест страниц, комариное гудение трансформатора, видел два белых провода, змеившихся из шкафа к розеткам, и улыбался в темноте… Как вдруг закружилась перед его глазами огненная карусель, подпрыгнули голубые шарики, заискрилась золотом лучистая звезда… И Серёжка уснул.

…Он вскочил, услышав щелчок замка, — это ушли родители. Распахнул дверцу шкафа и радостно засмеялся: Электроник дочитывал толстый том.

— Доброе утро! — сказал Серёжка. — Есть миллион догов?

Электроник поднял голову:

— Доброе утро. Пятьсот тысяч сто шестьдесят битов.

— Ну и поумнел ты! — уважительно сказал Серёжка. — Сейчас я умоюсь, и мы будем смотреть коллекции.

На столе в кухне лежала записка: «Серёжа! Холодильник сломался. Продукты на окне. Обедай в столовой. Мы придём вовремя. Мама, папа».

— Холодильник заработал, — пропел Серёжка, ставя на место трансформатор. — А обедать не хочу!

Он вытащил из стола и шкафа свои ценности,

уселся прямо на пол рядом с Электроником. Они рассматривали и обсуждали космические марки разных стран, перебрали коллекцию значков, сыграли в лото и в «Путешествие по Марсу», смотрели картинки в старых журналах, разгадывали головоломки. Серёжка то и дело хохотал, хлопал друга по плечу. Электроник выигрывал во всём, а головоломки он распутывал, едва к ним притронувшись.

— Хочешь, я тебе всё подарю? — предложил Сыроежкин.

— Зачем? — спокойно возразил Электроник. — Я больше ничего не хочу глотать.

— Ну, тогда это будет нашим. Твоё и моё. Да?.. Ой! — Сергей вскочил, взглянул на часы. — Двадцать минут до урока!

Он схватил учебник, лихорадочно забормотал:

— Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Квадрат гипотенузы… квадрат катетов…

— Это теорема Пифагора, — сказал Электроник. — Она очень простая.

— Простая-то простая, а у меня в журнале вопрос. И я не учил.

Электроник взял бумагу и карандаш и мгновенно нарисовал чертёж.

— Вот доказательство Евклида. Есть ещё доказательства методом разложения, сложения, вычитания…

Сыроежкин смотрел на друга, как на чародея.

— Здо2рово! — выдохнул он в восхищении. — Мне бы так… Но Сыроежкину пара обеспечена.

— Что такое пара? — заинтересовался Электроник.

— Ну, пара… это двойка… или плохо.

— Плохо, — повторил Электроник. — Понятно. Я читал в одной книге: из любого положения есть выход. Это авторитетное и проверенное высказывание.

— Выход? — Сергей задумался. — Выход-то есть… — Он прямо взглянул в глаза Электронику и покраснел. — А ты не можешь пойти вместо меня?

— Я могу, — бесстрастно сказал Электроник.

Глаза у Серёжки заблестели.

— Давай так. — Он облизнул пересохшие вдруг губы. — Сегодня ты будешь Сергей Сыроежкин, а я — Электроник. Смотри! — Серёжка подвёл друга к зеркалу. — Вот ты и я. Слева — я, справа — ты. Теперь я перейду на другую сторону. Смотри внимательно. Ничего не изменилось! Опять справа — ты, а слева — я. Точно?

— Точно! — подтвердил Электроник. — Сегодня я Сергей Сыроежкин.

— Чур-чура, это наша тайна, — предупредил Серёжка. — Понимаешь, тайна! Никому, хоть умри, ни слова. Поклянись самым святым!

— Чем? — спросил Электроник.

— Ну, самым важным. Что для тебя самое важное?

Электроник подумал.

— Чтоб я не сломался, — промолвил он.

— Так и скажи: «Чтоб я сломался, если выдам эту тайну!»

Электроник хрипло повторил клятву.

— Слушай внимательно! — сказал Сергей. — Ты берёшь портфель и идёшь в школу. Вон она — во дворе. Ты идеёшь в седьмой класс «Б» — на первом этаже первая комната налево. Как войдёшь, садишься за вторую парту. Там сижу я, а передо мной Макар Гусев, такой здоровый верзила. Он пристаёт и дразнится, но ты плюнь на него. Дальше всё идёт как по маслу. На первом уроке ты рисуешь, на втором отвечаешь теорему Пифагора, а третий урок — география. Ты знаешь что-нибудь из географии?

— Я знаю все океаны, моря, реки, горы, города…

— Отлично! Ты запомнил?

Электроник повторил задание. Он запомнил всё превосходно. Серёжка моментально собрал портфель и выглянул на всякий случай на площадку: нет ли Макара Гусева? Сверху донёсся топот. Это бежал по лестнице Профессор — Вовка Корольков.

— Привет! — крикнул он. — Ты ещё не читал «Программиста-оптимиста»? Там написано, что ты чемпион мира по бегу!

Сыроежкин пожал плечами:

— Подумаешь, чемпион! Вы ещё не то обо мне узнаете!

Он вернулся в квартиру и сказал Электронику:

— Помнишь эстраду в парке, где мы вчера спаслись от погони? Ты найдёшь её? После уроков приходи туда.

«Программист-оптимист»

Возможно, кое-кто из читателей слышал о «Программисте-оптимисте». Эти два слова часто произносят не только в математической школе, но и во дворах, и на Липовой аллее. Даже в магазине и в троллейбусе можно услышать в разговоре про новости из «Программиста-оптимиста».

«Программист-оптимист» — стенная школьная газета. Нетрудно догадаться, что выпускают её математики — они же программисты. Самое простое в этой газете — название. Уже стоящий рядом номер зашифрован в уравнение и требует некоторых размышлений. Дальше идут заметки про разные события, в которых то и дело мелькают формулы, векторы, параллельные, иксы, игреки и прочее. Эти заметки обычно читаются с улыбками и смешками: посвящённые в математику находят в них много намёков, иронии, предостережений, советов.

Однако не подумайте, что математики издают газеты только для себя. Во-первых, «Программиста-оптимиста» читают все старшеклассники-монтажники, которые сами ничего не

выпускают. Во-вторых, малыши находят там много карикатур, смешных стихов и весёлых фотографий. В-третьих, в газете всегда есть свободное место, и каждый ученик может взять клей и прилепить туда свою заметку, объявление или просьбу.

Профессор был прав: в понедельник в «Программисте-оптимисте» все читали и обсуждали одну заметку — «Ура чемпиону!».

Когда чемпион с портфелем в руке появился в коридоре, наступила тишина. К чемпиону подошёл Спартак Неделин.

— Это ты Сыроежкин? — спросил он.

— Я, — сказал Электроник.

— Конечно, это он! — закричал, вырастая за спиной чемпиона, Макар Гусев. — Сыр Сырыч Сыроегин, собственной персоной!

— Не паясничай! — оборвал Макара Спартак Неделин.

— Не паясничай! — накинулся на Макара Профессор, чем очень озадачил своего приятеля. — Ясно сказано, что первым прибежал Сыроежкин, а не Гусев.

А Неделин продолжал:

— Как же ты так сумел?

— Не знаю, — ответил Электроник.

Ребята зашумели.

— Он ещё не читал, — громко сказал кто-то. — Пустите его!

Электроник подошёл к газете и за несколько секунд, будто просматривая, прочитал все заметки.

— Всё правильно, — спокойно заметил он. — Только в этом уравнении ошибка — нужен плюс, а не минус.

— Верно, — сказал Неделин. — Молодец! Математически мыслишь. — Спартак исправил авторучкой ошибку, похлопал героя по плечу и отошёл.

Звонок разогнал читателей по классам.

Электроник уже сидел на второй парте за могучей спиной Гусева, глядя прямо перед собой. Рядом с ним ёрзал Профессор, мучительно размышляя о том, как ему извиниться за историю с телескопом. Он пробовал заговорить с соседом, но тот словно воды в рот набрал.

Учительница рисования, войдя в класс, сказала, что сегодня занятие на улице. Захлопали крышки парт, зазвенели голоса. Шумная стайка вырвалась из школы, пересекла Липовую аллею. А дальше — бегом до обрыва к реке.

Сколько раз были они здесь и всё-таки остано-

вились притихшие, удивлённо глазевшие. Среди зелёной пены кустов стекает вниз длинная и блестящая, словно ледник, стеклянная коробка. На её дне — три яркие полосы: красная, жёлтая, синяя. А по дорожкам катятся разноцветные горошины — это мчатся по искусственному цветному снегу лыжники. Мчатся с вышины с огромной скоростью, тормозя внизу, где коробка раздувается, как мыльный пузырь. А ещё дальше, за деревьями, — река и лёгкая арка моста, где тоже всё в движении: теплоходы, катера, автомобили, троллейбусы. А за рекой и за мостом весь город теряется в светлой дымке.

И они сидят и рисуют всё, что видят. Иные — размашисто, уверенно, подчиняя карандашу перспективу, иные — неровно, несмело, хватаясь за резинку, но все вместе — внимательные, мыслящие.

— Сейчас делаете только набросок, — говорит учительница. — Раскрасите дома. Тот, кто хочет стать космонавтом, инженером, лётчиком, исследователем, должен иметь хорошую зрительную память на цвета.

Учительница ходит за спинами, заглядывает в альбомы, вполголоса даёт ребятам советы. Вот она остановилась около Сыроежкина. Долго смот-

рела через его плечо, потом спросила:

— Что это такое, Серёжа?

Электроник протянул ей альбом и хриплым голосом ответил:

— Это движения лыжников.

В альбоме Сыроежкина — не контуры города, а колонки формул. Под ними — корявые буквы текста.

— Не понимаю, — пожала плечами учительница и прочитала вслух: — «Настоящий трактат, не претендуя на исчерпывающую полноту исследования поставленных проблем, тем не менее не может не оказаться полезным для лиц, производящих исследования в данной области».

Художники захихикали.

— Это вступление, — раздался скрипучий голос Электроника. — Дальше всё конкретно.

— Ты не заболел? — спросила учительница. — У тебя хриплый голос. Наверно, ты простудился.

— Я здоров, — проскрипел сочинитель.

Учительница читала дальше:

— «Автор исходит из утверждения, в силу своей очевидности не требующего доказательства, а именно: лыжи и лыжник образуют систему трёх векторов. Анализ этой системы показал, что она устойчива только тогда, когда векторы системы

линейно зависимы, причём два из них должны быть коллинеарны...» Ты что, Сыроежкин, сочинял на уроке в газету? Ничего не могу понять.

— Почему же, всё понятно! — уверенно произнёс кто-то.

Спартак Неделин, разгорячённый, румяный, в белом свитере, стоял рядом с учительницей.

— Разрешите, Галина Ивановна? — попросил он альбом Сыроежкина. — Я объясню! Здесь описано, как мы катаемся на лыжах. Только что на всех трёх дорожках был наш девятый «А». Итак, о чём пишет Сыроежкин? Система трёх векторов — это лыжник и лыжи. Естественно, что они зависят друг от друга, иначе никакого катания не получится, и два из них — лыжи — скользят по снегу и параллельны, то есть, выражаясь языком математики, они коллинеарны. О чём и пишет Сыроежкин. Читаем дальше: «Очень устойчива система, состоящая из трёх коллинеарных векторов, что испытали на себе несколько исследователей». — Спартак не выдержал, засмеялся. — Остроумно! В точности Витька Попов. Упал на спину и съезжал вслед за лыжами. Вот не знал, что ты такой сочинитель, Сыроежкин! Это надо немедленно в газету. И забавные рисунки можно сделать. Я думаю, надо назвать так: «Лыж-

ный спорт и векторная алгебра».

— Не знаю, как насчёт газеты, — сухо заметила учительница, — а задание он не выполнил.

— Простите его, Галина Ивановна! — попросил Спартак. — Бывает, что увлекаешься не тем, чем надо… Но ведь талантливо написано!.. Он нарисует пейзаж дома.

— Хорошо, — сказала Галина Ивановна Сыроежкину, — нарисуй дома. А пока я ставлю тебе точку в журнале… Ребята, урок окончен. Возвращаемся в школу.

К Электронику подошёл Макар Гусев и потянул его за рукав.

— Да ты мудрец, Сыроега? Вот не знал! — Макар наклонился и шёпотом предложил: — Слушай, давай удерём от всех и искупаемся!

— Я не умею плавать, — громко сказал Электроник.

— Тише! — Макар сделал большие глаза и погрозил кулаком. — Чего боишься? Да мы быстро, никто и не заметит.

— Я никогда не купаюсь, — последовал спокойный ответ.

Такая наглая ложь глубоко поразила Гусева. А чей же портрет был на всю обложку журнала! Все видели, как Сыроежкин на этой обложке вылезал

из бассейна и скалил зубы фотографу.

— Посмотрите на этого маменькиного сыночка! — заорал Макар. — Он боится промочить ножки! Он никогда не купается… Ну и заливает!..

Макар и не подозревал, как он близок к истине. Купание для Электроника было равносильно самоубийству: вода, попав внутрь, могла вывести из строя его тонкий механизм. Гусев кричал во всю глотку, чтоб привлечь внимание ребят и посрамить недавнего чемпиона. Но его сбил вопрос Сыроежкина:

— Что значит — заливает? Я тебя ничем не обливал.

— Ты, Сыроежкин, совсем рехнулся, — махнул рукой Гусев. — Простую речь не понимаешь… Или ты притворяешься?

— Ничего он не притворяется, — вмешался Профессор. — Я, когда думаю о чём-то, всегда пишу «карова» через «а» и вообще забываю самые обычные слова. Ты, Макар, не придирайся. Видишь, человек охрип. А ты — купаться.

— Подумаешь! Я утром уже два раза купнулся. И в полной форме! — Гусев схватил булыжник, швырнул его с обрыва. — Пощупай мышцы, Вовка! — попросил он Профессора. — Железо!.. Эй, чемпион, давай наперегонки до школы!

Сыроежкин даже не оглянулся.

— Не люблю, — сказал Макар, — когда делают всё напоказ. Один раз можно и чемпиона мира обогнать. А ты попробуй каждый день…

И Гусев помчался к школе.

«Стул невесты»

Фамилия математика была Таратар. Его любили. Таратар Таратарыч — так ребята прозвали своего учителя — никогда не спешил ставить двойку. Когда ученик мямлил и путался у доски, Таратар смотрел на него чуть насмешливо, поблёскивая выпуклыми стёклами очков и шевеля густыми, как щётка, усами. Потом он вызывал желающих объяснить ошибку и говорил классу: «Если кто-то не знает данную тему, пусть поднимет руку и скажет, а не отнимает у всех время. Мне совершенно безразлично, покупал этот ученик коньки, или был в гостях, или просто забыл выучить, — двойку я ему не поставлю. Но должок за ним останется, и я когда-нибудь напомню...» И Таратар не забывал спросить путаника второй раз.

Пока Гусев рисовал на доске чертёж теоремы Пифагора, Таратар, чуть сгорбившись, заложив руки за спину, ходил вдоль рядов и заглядывал в тетради.

— Ну-с, — сказал он Гусеву, — ты кончил?

Макар кивнул.

— Все бы так начертили? — спросил Таратар

у класса.

— Нет, — откликнулся Профессор.

— Пожалуйста, Корольков, подскажи.

— Надо ещё провести диагональ в прямоугольнике.

— Правильно. Теперь, Гусев, доказывай.

Макар с грехом пополам, при поддержке Профессора, доказал теорему. Тяжело вздохнув, он сел на место. Профессор помог ему стряхнуть с куртки крошки мела.

Учитель опять обратился к классу:

— Это доказательство приведено в учебнике. Знает ли кто-нибудь другие?

Прежде чем Профессор успел поднять руку, Электроник встал:

— Я.

Таратар был чуть удивлён: Сыроежкин никогда не проявляет особой активности, а тут даже встал.

— Прошу, Сыроежкин, — сказал учитель.

— Я могу привести двадцать пять доказательств, — хрипло произнёс Электроник.

Гул удивления пролетел над партами.

Усы Таратара дёрнулись вверх.

— Ну-ка, ну-ка… — сказал он и подумал: «У мальчика ломается голос. Переломный возраст.

И как самоуверен… Посмотрим, выдержит ли он эту роль до конца».

Мел в руке Электроника быстро забегал по доске, и вот уже готов треугольник, окружённый квадратами.

— Простейшее доказательство теоремы есть у древнегреческого математика Евклида, — говорит скрипуче Электроник и затем за считаные секунды обрушивает на слушателей сравнение геометрических фигур. — Учёные считают, — продолжает бойко Электроник, — что это доказательство теоремы Евклид придумал сам. Как известно, о Пифагоре Самосском мы почти ничего не знаем. Кроме того, что он жил в шестом веке до нашей эры, сформулировал свою теорему и был главой первой в мире математической школы. Евклид более двух тысяч лет тому назад собрал все известные ему аксиомы. Можно сказать, что он основал геометрию. Евклидова геометрия просуществовала без изменений до девятнадцатого века, пока русский учёный Лобачевский не построил новую систему.

— Правильно, — подтвердил Таратар. — Продолжай, Серёжа.

Класс удивлённо замер. Даже на последней парте, где сидят любители всевозможных развле-

чений, перестали играть в «морской бой».

А Электроник уже начертил три новые фигуры. Он рассказывает о том, как формулировали знаменитую теорему древние греки, индийцы, китайцы, арабы.

Таратар успел только вставить:

— В древности, ребята, теорему Пифагора знали лишь отдельные учёные, посвящённые в таинства математики, теперь её учат все.

Мел Электроника рисует и рисует. Громоздятся квадраты и треугольники, вырастают квадраты из треугольников, делятся квадраты на треугольники. Сыплются слова: «Метод сложения… Метод разложения… Метод вычитания…» Доска покрылась ровными многоугольниками, все видят чертёж паркета и удивлены тем, что это тоже доказательство теоремы Пифагора.

А Электроник подтверждает:

— Метод «укладка паркета». Так он называется.

Потом он снова строит квадраты на сторонах треугольника, делит их на равные части и обращается к слушателям с очень краткой речью:

— Здесь все рассуждения заключены в одно слово: смотрите! И вы всё увидите!

Ребята разглядывают доску.

Таратар кивает головой, улыбается.

— Наконец, «стул невесты», — хрипло провозглашает Электроник.

Класс не выдерживает, хохочет.

— Я сказал правильно, — обернувшись, говорит Электроник. — «Стул невесты». Эту фигуру придумал не я, а индийцы, причём в девятом веке.

«Стул невесты» уже изображён на доске. Это пятиугольник, поставленный на прямой угол, с выступом для сидения наверху. Не очень-то усидишь на таком шатком стуле!

Ребята опять смеются и смолкают. Сыроежкин читает стихи:

Пребудет вечно истина, как скоро
Её познает слабый человек!
И ныне теорема Пифагора
Верна, как и в его далёкий век.

Таратар подхватывает, и они читают дальше вдвоём:

Обильно было жертвоприношенье
Богам от Пифагора. Сто быков
Он отдал на закланье и сожженье
За света луч, пришедший с облаков.

Поэтому всегда с тех самых пор,
Чуть истина рождается на свет,
Быки ревут, её почуя, вслед.

Они не в силах свету помешать,
А могут лишь, закрыв глаза, дрожать
От страха, что вселил в них Пифагор.

— Это сонет Шамиссо, — растроганно говорит Таратар. Он снимает очки, протирает стёкла платком.

Макар Гусев моргает Профессору: нечасто увидишь, как спокойный и насмешливый Таратар Таратарыч приходит в такое умиление. Макар готов уже взять обратно все слова, которые он наговорил Сыроежкину час назад, на берегу. В знак примирения он машет ему рукой.

— Садись, Серёжа, — говорит Таратар. — Я с удовольствием ставлю тебе пять.

— У меня в журнале вопрос, — напоминает Электроник, вызвав этим простым замечанием буйное веселье Гусева.

— Вопроса больше нет, — улыбается Таратар. — Твёрдая пятёрка… — Он повернулся к классу. — Гусев, успокойся, пожалуйста… У меня есть такое предложение ко всем. Со следующего

урока за столом на кафедре будет сидеть ассистент. Его задача — объяснять классу наиболее трудные вопросы домашнего задания. Естественно, ассистент должен готовиться лучше всех. Дежурить будете по очереди. Согласны?

— Согласны, — отвечает класс.

— Тогда на ближайшую неделю ассистентом назначается Сыроежкин… И вот что я ещё хотел сказать. Главное в математике — это не формулы, не вычисления, а движение мысли, новые идеи. Я говорил уже об этом, но сегодня ваш товарищ ещё раз блестяще подтвердил истину. Ваша учёба похожа на путешествие. Каждый день перед вами вырастают новые горы. Взойдёте на одну, а там уже другая. И чем больше преодолеете вы вершин, тем сильнее будете чувствовать себя…

Таратар ушёл. Ребята обступили Сыроежкина, загалдели:

— Ну, ты герой!

— Молодчина!

— Разложил Пифагора, как маленького!

— Теперь пусть девятиклассники не задаются. У нас своя знаменитость!

— И чемпион по бегу!

— И корреспондент «Программиста».

Громче всех вопил басом Макар:

— У нас свой Пифагор! Вот он — сидит на стуле невесты! Ура Сыроежкину!

Вбежал Спартак Неделин, махая голубой бумажкой.

— Сыроежкин, где ты? — закричал он, перекрывая шум. — Держи! Редколлегия «Программиста» наградила тебя билетом в цирк. И готовь новую заметку!

Три хранителя теоремы

В глубине парка, как раз недалеко от выхода на Липовую аллею, стояла маленькая облезлая эстрада с пожелтевшим экраном. Очень редко здесь показывали киножурналы, и потому раковина эстрады была уютным прибежищем для всех мальчишек. Только вчера здесь пережидали погоню сбежавший от зрителей фокусник и его приятель.

Серёжа влез на эстраду, развалился на шершавых досках. Ну и жизнь настала привольная! В школу не ходи, заданий не готовь. Электроник и так всё знает. Хочешь — смотри на небо сквозь щели в крыше, хочешь — мечтай о чём угодно, хочешь — броди по парку.

Он полежал на животе, зевнул, перевернулся на спину, стал считать доски в крыше-раковине. Пробился в щель солнечный луч, рядом с мальчиком легло на пол светлое пятно. Серёжка вынул из кармана зеркальце, пустил солнечного зайчика в сумрачный угол. Зайчик скользнул по старым доскам, потревожил пауков в их паутине, запрыгал по экрану.

Вдруг зайчик пропал. Только что он сидел на

серо-жёлтом полотне и вот исчез. Луч от зеркальца тянулся блестящим мечом к экрану, а светлого кружка на нём не было, словно луч проткнул полотно.

Серёжка снова поймал солнце и пустил зайца в нижний угол экрана. Заяц поскакал-поскакал и через мгновение опять исчез. Его будто накрыла мягкая невидимая рука.

Всё ещё направляя луч в то же место, Серёжка с забившимся сердцем подошёл вплотную к экрану и резко обернулся, почувствовав, что за его спиной кто-то стоит.

Он увидел девочку с тонкой косичкой. Она держала корзинку, покрытую тряпкой.

Сыроежкин разинул от удивления рот, соображая, как девчонка могла оказаться за его спиной, но она опередила его вопрос.

— Это мой дедушка поймал твоего зайца. — Девочка наклонилась к Серёже и доверительно сказала: — Он лучший охотник на солнечных зайцев во всей нашей стране.

Серёжа ещё шире разинул рот, но опять ничего не успел спросить, потому что откуда-то появился седой дед с большим сачком. Дед держал что-то блестящее, сверкающее, огненно-золотое. Нельзя было рассмотреть этот блеск, так резало глаза.

Серёжа прищурился, прикрыл глаза ладонью и сквозь пальцы разглядел добычу. Девочка не обманывала: дед нёс огненных зайцев, держа их за длинные уши! Было похоже, что они солнечного происхождения.

— Спасибо, сынок, — добродушно сказал дед. — Ты принёс охотнику удачу, хотя и заставил побегать. Но пора нам домой. Хочешь проводить нас? Ты попадёшь в город, какого прежде не видывал.

— Да-да… — закивал Серёжа. Ему очень захотелось увидеть тот самый город, где живут охотники за солнечными зайцами.

Они шли через лес.

Серёжа вертел головой, с удивлением рассматривая деревья. Странный был этот лес. Как будто простые ёлки, берёзы, сосны. Но стволы у них не круглые, а как линейки. И ветки растут только по бокам — вправо и влево.

— Уже недалеко, — заметил старик. — Вон просвет, а там и город.

Дорога-стрела, вырвавшись из леса, превратилась в городскую улицу. Стояли на ней обычные дома. С треугольниками крыш, квадратами окон, прямоугольниками дверей. Шли люди, ехали машины.

Серёжку с первых же шагов охватило смутное чувство тревоги. Одних пешеходов он видел только спереди и сзади и не замечал, как они проходили мимо. Других он мог разглядеть только сбоку, а издали они были похожи на тонкие палочки или чёрточки.

Старик окликнул его:

— Ну, сынок, поброди-ка с Анкой по улице, а я пойду домой. Ты счастливый. Может, и внучке принесёшь удачу.

— Пошли? — спросила Анка и тряхнула корзиной. — Ты и вправду счастливый? А то много дней у нас нет совсем покупателей…

— А что ты продаёшь? — спросил Серёжка. — Ириски?

— Не-ет, — покачала головой Анка, — у нас не продают ириски. В этой корзине — улыбки.

— Улыбки? — улыбнулся Серёжка. Честно говоря, ему совсем не было весело.

— Смотри!

Анка сдёрнула с корзины платок, и Сергей зажмурил глаза от нестерпимого блеска.

— Эти улыбки дедушка делает из шкурок зайцев, — продолжала девочка. — Я думала, ты догадался. Только их мало покупают.

И она обратилась к странным прохожим:

— Купите улыбку! Очень дёшево. Улыбку простую — печальную, грустную. Улыбку для всех — детскую, взрослую. Какую хотите. Купите, купите!..

Но никто не желал купить солнечную улыбку. Прохожие шли мимо, помахивая тощими портфелями. Они не замечали Анку и её золотую корзинку. Их лица были сосредоточенны, движения точны, глаза устремлены вперёд. Даже собаки пробегали молчаливо, таинственно, будто тени.

И вдруг Сыроежкина осенило: вот так штука, здесь же всё плоское!

Он внимательно посмотрел на улицу. Это был плоский город: автомобили, дома, фонари, деревья, жители, даже собаки — всё-всё плоское, как блин, как доска, как стена, словно вырезано из

картона или бумаги. Даже девочка Анка, которая стоит рядом с ним, и та плоская. У неё всего одна косичка. Как он раньше не заметил!

А вот важно идёт человек с огромным животом. Наверное, он считается толстяком. А на самом деле, если посмотреть сзади, он тоньше иглы.

Серёжка не выдержал, захохотал: какой узкий стул нужен этому толстяку. А кровать — тоньше линейки! А какие бутерброды жуёт этот толстяк? Папиросную бумагу он жуёт, а не бутерброды.

Он смеялся до слёз, не замечая, как насторожилась Анка, как остановились прохожие, как собралась небольшая толпа. Плоские люди строго смотрели на весёлого мальчишку, перебрасывались сердито:

— Какой невоспитанный! Только я сосредоточился, как вдруг этот ужасный смех. Он спутал все мои расчёты.

— Да, вот такие мешают спокойному течению мыслей.

— Я всегда говорил, что для чересчур резвых детей надо открыть школу с усиленной программой по черчению.

— И ещё вечно путается под ногами девчонка! Кому нужны эти дурацкие улыбки?

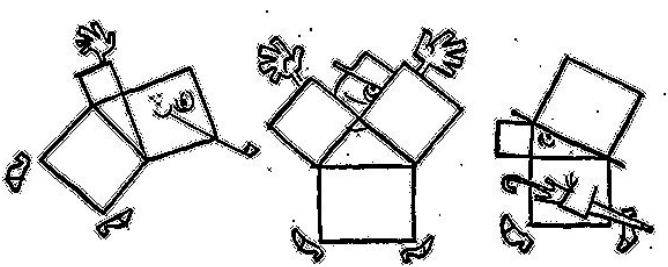
— Тише! — испуганно воскликнул кто-то. —

Идут хранители теоремы.

Толпа смолкла, расступилась, пропуская три важные фигуры.

В покрое их одежды можно было различить три квадрата и треугольник, и всё же они не были похожи друг на друга. Один из них, с квадратной головой и остренькими глазками, был облачён в старомодную профессорскую мантию. Другой, небольшого роста, носил на голове огромный цилиндр, держа руки в карманах и зажав под мышкой зонт. Последний шёл через толпу, воздев руки к небу, словно предупреждая о чём-то. Так выглядели три хранителя теоремы, медленно приближавшиеся к Серёже.

Честно говоря, Сергей в этот момент струсил. Уж очень строгий вид был у хранителей.



Три хранителя остановились перед мальчиком, молча разглядывая его. Потом тот, кто был в профессорской мантии, сказал неожиданно писклявым голосом:

— Нам стало известно, что ты нарушаешь порядок, установившийся с незапамятных времён в нашей стране. Известно ли тебе, незнакомец, что ты находишься в Стране двух измерений?

— Да, — кивнул Серёжа.

— Известно ли тебе, — продолжал пищать хранитель, — чему равна сумма квадратов катетов?

— Квадрату гипотенузы!.. — пробормотал маль-

чик.

Хранители переглянулись.

— Он не так уж глуп, как кажется, — заметил малютка в огромном цилиндре.

Серёжка осмотрел трёх хранителей и стал вспоминать, где он видел эти треугольники и квадраты. Ну конечно, на школьной доске! Их рисовал Таратар Таратарыч!

— Теорема Пифагора! — выпалил он.

— Ты знаешь это имя?! — удивился хранитель с поднятыми руками. — Предупреждаю: произноси его почтительнее! Ибо всё, что ты видишь вокруг, создано на основе этого бессмертного открытия…

Напыщенность хранителей и их возвышенный тон уже наскучили Сыроежкину. Пока хранитель с поднятыми руками читал наставления, наш математик мысленно перевернул его вниз головой и захихикал.

— Что ты нашёл смешного в наших словах? — строго спросили хранители.

Толпа угрожающе загудела. Нет, их не стоило раздражать.

— Не обращайте внимания, — сказал Сыроежкин. — Я всегда так смеюсь, когда вспоминаю о Пифагоровых штанах.

— Поясни свою мысль.

— Ну, так легче всего запомнить теорему… Пифагоровы штаны во все стороны равны!

— О! — воскликнули в один голос три хранителя. — Эта формулировка неизвестна даже нам!

Они вынули из карманов мел и принялись чертить на асфальте фигуры. Никто больше не обращал на Серёжку внимания. Толпа следила за движениями хранителей.

Серёжа подошёл к Анке, похвастал:

— Вот я и задал им работу. Давай мне в награду улыбку.

Девочка смотрела на него, как на волшебника. Она машинально сунула руку в корзинку и протянула Серёжке сверкающую улыбку. Помахивая ею, Серёжа важно сказал:

— Пусть они думают до утра. Пойдём к нам во двор. У нас там всё совсем другое. Будем гонять мяч, настоящий, круглый, а не плоский. И кошки у нас пушистые и мягкие. А собаки! Разве у нас такие собаки? Ты бы только видела, как Бешеная Колбаса ловит свой хвост, умерла бы со смеху! И я, так и быть, познакомлю тебя с Электроником.

— Я очень хочу играть в круглый мяч, — вздохнула Анка. — Я очень хочу погладить пушистую кошку. Но я не понимаю, что такое «круглый». Наверно, я никогда не смогу увидеть круглое и

пушистое! — И Анка заплакала.

В этот момент к ним подошли три хранителя.

— Скажи, чужеземец, откуда ты прибыл? — строго спросил малютка в цилиндре.

Серёжка на минуту задумался. Сказать: с Липовой аллеи? Не поймут. И он ответил:

— С Земли.

— Надеюсь, раз мы нашли общий язык, — продолжал хранитель, — ваша Земля подобна Стране двух измерений? Она такая же большая и плоская?

— Она очень большая, но не плоская, а круглая, — чистосердечно признался Сыроежкин. — Это бабушкины сказки, что Земля плоская.

Толпа изумлённо вздохнула.

— Ты заблуждаешься, мальчик! — сурово произнёс хранитель с поднятыми руками. — Не станешь же ты, подсказавший нам оригинальное решение Великой теоремы, утверждать, что на вашей Земле сумма углов треугольника не равна ста восьмидесяти градусам?

Вопрос несколько озадачил нашего математика. Сумму углов простого треугольника он хорошо знал — сто восемьдесят градусов. Но на Земле? Он представил большой глобус и построил на нём треугольник с вершиной на северном полюсе и

основанием на экваторе. Оставалось посчитать, чему равна сумма его углов.

— Считайте сами! — сказал Серёжка. — Вот вам Земля.

Он вынул из кармана копейку.

— Я же говорил, что она плоская, — поучительно заметил хранитель, увидев копейку.

— Это ещё не Земля! — предупредил мальчик. — Неужели вы думаете, что весь мир построен по одной теореме?

Сыроежкин присел, поставил копейку на ребро и легонько щёлкнул по самому краешку ногтем. Копейка закружилась на месте, образовав блестящий шарик.

— Ах, — вскрикнула Анка, — как красиво!

— Это обманщик! — закричали из толпы. — Обратите внимание, как он не похож сам на себя с разных сторон!

— Да, да, он совсем разный, когда поворачивается! — подхватили сердитые голоса.

— Он хочет нас одурачить! Посмотрите внимательно на чертёж. Великого хранителя теоремы он представил как штаны, которые во все стороны равны.

Откуда-то вынырнул юркий, сгибающийся пополам человечек и зашептал трём хранителям:

— Опасный смутьян!.. Он уговаривал девчонку играть с круглым мячом и пушистой кошкой, каких в природе не существует. Надо проучить его.

— Беги! — шепнула Сергею Анка и подкинула высоко корзину с улыбками.

Сноп солнечных искр вылетел оттуда, на мгновение ослепив толпу.

Серёжка бросился бежать. Он не разбирал дороги и мчался по улице, сшибая плоские фигуры. Потом свернул и ринулся напролом — через плоские дома. Они трещали и ломались, цепляясь за одежду мальчика. А сзади топала погоня.

Вот лес — частокол линеек. Он тоже трещит, ломается. Не лес, а сухая трава. Ещё несколько метров, и он спасён. Он выскочит в настоящий парк, где ходят настоящие люди, где его ждёт Электроник.

Но кто-то хватает Сергея за ногу, и он падает. Крепко зажмуривает глаза, ждёт, что будет дальше. Опять кто-то тянет его за ногу. Сергей открывает один глаз и видит Электроника.

— Электроша! — радостно кричит Серёжа и вскакивает. — Ты меня спас!

— Не преувеличивай, — говорит Электроник. — Я получил пятёрку, точку по рисованию и билет в цирк.

Они стоят внутри эстрады, за экраном. Сергей с удивлением вертит в руках голубой билетик и ничего не понимает.

— Сейчас я расскажу, как всё было, — говорит его друг. — Но сначала надо достать конфеты.

— Зачем конфеты?

— Как — зачем? Мы же идём в цирк.

Первые поражения Электроника

В киоске они купили конфеты, и Электроник забрал их себе.

— Съедим в цирке? — спросил Серёжка.

— Нет, это для другой цели.

Больше Электроник ничего не сказал. Но Серёжка понимающе улыбнулся. Он знал, что и в цирке обязательно произойдёт нечто замечательное.

Ну что у него за необыкновенный друг! Прошло всего несколько часов, как они расстались, а Электроник уже прогремел на всю школу, удивил Спартака, самого Таратара и награждён билетом в цирк! Даже страна плоских людей, о которой Серёжка рассказал своему другу, теперь казалась не такой уж интересной.

— Наверно, когда ты отвечал на уроке, а я тебя ждал, — буднично закончил Серёжка, — я тоже думал о теореме Пифагора. И вот мне приснилась эта глупая страна.

Но Электроник воспринял его рассказ иначе. Он стал рассуждать серьёзно и обстоятельно, ничуть не сомневаясь в подлинности происшествия. И Серёжке уже казалось, что он действительно был в стране плоских людей. Он вспомнил Анку

и пожалел её. Вот они с другом идут вдоль набережной, видят, как искрится река, как летят, едва касаясь воды, крылатые теплоходы и яркими бабочками мелькают красные, жёлтые, белые паруса яхт… А там — какая скучная жизнь у этих плоских людей: теорема Пифагора, сумма углов треугольников — и больше ничего.

А Электроник сказал, что Серёжке повезло: он словно попал в древние века, когда поклонялись только Евклиду. И он вёл себя как настоящий учёный — предложил хранителям остроумную задачу. Они привыкли, что в любом плоском треугольнике сумма углов сто восемьдесят градусов, а тут нате вам — двести семьдесят. Треугольник на земном шаре — это им не Евклид, а геометрия сферы!

Наш математик почувствовал себя героем. Ещё бы, он здорово озадачил этих хранителей!

— Надо было предложить им ещё треугольник в космосе, — сказал Электроник.

— М-м, — промычал математик. — Это интересно.

— Конечно.

— Ну-ка расскажи, пожалуйста. Я что-то забыл, — схитрил Сыроежкин.

Электроник поднял палку и нарисовал на пес-

чаной дорожке три звёздочки.

— Вот три звезды в разных галактиках. Представляешь?

— Представляю.

— Это три вершины нашего космического треугольника, — продолжал Электроник. — Предположим, что его стороны — это лучи света. Как известно, луч света в пустоте — всегда прямая линия… Но в том-то и дело, что, когда лучи проходят вблизи звезды, они искривляются.

— Ух ты… Как же так?

— Физический закон. Солнце, звёзды и другие небесные тела искривляют пространство вокруг себя, и поэтому наш треугольник окажется совсем не плоским. — Электроник соединил все три звезды в своём чертеже кривыми линиями.

— Понятно, — сказал Сыроежкин, — хотя и чудно. Выходит так: если я захочу лететь от одной звезды к другой, то я полечу не прямо, а по кривой?

— Совершенно верно, — тоном учителя произнёс Электроник. — Но это не всё. Не забудь, что звёзды всё время движутся. Галактики разбегаются от Земли с огромной скоростью. Вот и измерь сумму углов космического треугольника.

— Да, — подтвердил Сыроежкин. — Попробуй

измерь… А ты можешь?

— Не могу, — сознался Электроник. — Над геометрией Вселенной работают астрономы, физики, математики. Это сложная наука.

Сыроежкин хлопнул себя по лбу:

— Зачем же мы в школе тратим силы на каких-то Пифагоров и Евклидов, раз геометрия совсем другая! Что ж ты раньше молчал!

— А теперь ты рассуждаешь совсем не как учёный, — охладил товарища Электроник. — Теорема Пифагора всё равно нужна для простых расчётов и опытов. А геометрия Евклида — простой раздел геометрии нашего мира, и её тоже надо знать.

— Я вот считаю, — сказал Сыроежкин, — как мне повезло, что я родился не в древние века. Сидел бы я за партой и думал, как те плоские люди: «О великий Пифагор, ты просветил мой разум…» Нет, товарищ Пифагор, я не такой простофиля. Когда я стану математиком, или астрономом, или космонавтом и когда полечу в космос, я выберу себе особенный маршрут: треугольник. И сумма квадратов его катетов не будет равна квадрату гипотенузы!..

Чуть позже, когда Серёжке расхотелось говорить про геометрию, он повёл приятеля в

укромный уголок парка, примечательный тем, что там в любое время дня происходил обмен ценностями между мальчишками.

До циркового представления было ещё три часа, и Серёжка решил доставить Электронику маленькое удовольствие. Подойдя к сиреневым кустам, он извлёк из карманов своё богатство, разложил на земле и царским жестом разрешил другу всё это обменять. Здесь были космические марки в целлофановом пакетике; десяток значков; перегоревший фонарик величиной с карандаш; две старинные монеты, стёршиеся до того, что невозможно было установить их подданство; детали от микроприёмника; золотистый хвост белки со свинцовым грузиком, так называемый пушок, который мальчишки подкидывают ногой вместо мяча; несколько шахматных фигур; резинка в виде ракеты; миниатюрный циркуль, пенопластовый поплавок, зеркальце.

Электроник осмотрел груду вещей и спросил:

— Зачем я должен менять?

— Это такая игра, — пояснил Сыроежкин. — Ты увидишь, будет интересно.

Он помог приятелю рассовать ценности по карманам и остался ждать его у кустов, благоразумно решив, что не стоит появляться вместе в

знакомой компании. Серёжка представил, как хорошо сейчас Электронику, — сидит на скамейке, меняет сокровища и берёт, что хочет. Чудесная это всё-таки игра, очень необходимая в жизни. Надоел тебе, к примеру, жёлтый фонарь, так намозолил глаза, что просто видеть его не можешь. Иди в парк, к сиреневым кустам, и бери взамен велосипедный звонок, или карманные шахматы, или ещё что-нибудь. Наверно, это самая древняя игра, и она не умрёт, пока у мальчишек есть карманы…

Но не прошло и пяти минут, как Электроник вернулся.

— Ну? — нетерпеливо спросил Сыроежкин.

— Всё в порядке. Обменял. Принёс другие предметы, — невозмутимо произнёс Электроник.

Когда же меняла выложил эти предметы, Серёжка даже побледнел. Он увидел пустой аптечный пузырёк, кусок использованной фотоплёнки, марки, которые можно купить в любом киоске, самодельный бумажный кошелёк, коробок от спичек, куклу без носа и без глаз, школьные перья, какие-то винтики, гаечки, гвоздики и в довершение всего огрызок карандаша. Жалкий огрызок и нанёс последний удар Сыроежкину. Он укоризненно посмотрел на друга, который

разорил его в несколько минут.

— Количество предметов точно такое, какое ты дал, — бесстрастно доложил Электроник.

— Да-а… — протянул Серёжка, не зная, смеяться ему или плакать, выбросить эти глупости или покорно забрать.

Внезапно он принял решение. Собрал весь хлам и приказал Электронику:

— Жди меня здесь!

— Ты тоже идёшь меняться? — спросил недавний меняла, не подозревавший о своей бесталанности.

— Видишь ли, из этих предметов мне кое-что не нравится. Я сейчас вернусь.

Компания на скамейках встретила Сыроежкина насторожённым молчанием. Сергей даже заметил, как рыжий парень поспешно спрятал его фонарик. Не обращая ни на кого внимания, наш герой разложил на свободной скамейке свою ношу и громко сказал:

— А ну налетай! Меняю!

Взрыв откровенного смеха был ему ответом.

«Облапошили и рады. Ржут, как лошади, — усмехнулся Сыроежкин. — Ничего, сейчас вы будете плакать от умиления».

— Передумал!.. — кричали ему мальчишки. —

Ничего не выйдет! Мен на мен — возврата нет!..

— Меняю на фонарик, — хладнокровно продолжал Сыроежкин, — вот этот обыкновенный спичечный коробок… А в придачу необыкновенный фокус со спичкой!

Рыжий хозяин фонарика презрительно скривил губы:

— Так уж необыкновенный! Подумаешь, не видели мы спичку!

Мальчишки опять загоготали. А Серёжка достал носовой платок, помахал им в воздухе и властно сказал:

— Дайте мне спичку!

Спичку ему дали.

— Весь фокус в том, — спокойно начал объяснять Сыроежкин, — что спичка заворачивается в платок. — Он завернул спичку и обратился к рыжему: — Пощупай. Чувствуешь? Теперь ломай.

Было слышно, как спичка треснула. Потом фокусник взмахнул платком, и на землю упала целая спичка. Рыжий успел схватить её первым. Он повертел её, поднёс к глазам, понюхал. Удивительная спичка пошла по рукам.

Рыжий молча протянул фонарь и взял коробок.

— Давай объясняй! — потребовал он.

— Объясню потом, — отмахнулся Серёжка. — Сейчас мне некогда. — Он взял следующий предмет — куклу без носа. — А эта красавица меняется вместе с объяснением загадочной истории, как умирают слоны и почему не найдено ни одного слоновьего трупа.

И хотя история оказалась не такой уж загадочной (через минуту все знали, что слоны, чувствуя приближение смерти, идут к реке и с головой скрываются в воде), торговля находчивого менялы пошла очень бойко. В качестве дополнительного ассортимента предлагались: секрет не бьющегося в стакане сырого яйца, исчезновение пальца на руке, рецепт чудодейственных капель, удесятеряющих силы человека, сеансы гипноза, задачка о космическом треугольнике, заговор от зубной боли и тому подобное. Призвав на помощь хитрость, фантазию и память, Серёжка в конце концов вернул свои драгоценности, кроме стёршихся монет, обладатель которых убежал, едва только выменял их у Электроника. Но он напрасно будет гадать, какой стране они принадлежали.

— А фокус со спичкой? — напомнил рыжий мальчишка, когда Сыроежкин привычно рассортировал по карманам личную собственность.

— Отойдём в сторонку, — предложил Сергей. — Это профессиональный секрет.

Рыжий доверчиво поплёлся за ним. За кустом Сергей остановился и сказал ему на ухо:

— Чудак! Я положил две спички. Понял, растяпа? Прощай!

И он помчался к Электронику. Зачем ему было говорить, что вторая спичка заранее пряталась в надрезанный рубчик платка. Зачем было выдавать профессиональный секрет!

Электроник, вновь увидев разбазаренные им предметы, так и не понял, зачем необходим обмен. И пока Серёжка путём сложных сравнений растолковывал ему ценность каждой вещи, лежащей в его кармане, они преспокойно шли к цирку, где надо было заранее купить один билет. Как вдруг перед глазами Серёжки мелькнуло знакомое голубое платье.

От неожиданности он споткнулся и чуть не упал.

— Что с тобой? — спросил Электроник.

Серёжка не ответил, он застыл на месте. А та самая певица, которая пела о шарах и смеялась над проделками Электроника, сейчас прошла мимо с равнодушным видом, не удостоив приятелей даже взглядом.

В первый момент Сергей хотел поступить так, как делают обычно все мальчишки: забежать незаметно вперёд, потом пойти навстречу, поздороваться и заговорить. Но уже в следующую минуту он решил: нет, пусть лучше действует Электроник. Ведь ему улыбалась и хлопала голубая девочка!.. И Серёжка объяснил другу задачу: познакомиться, узнать имя и адрес.

— Только не забудь, — грозно предупредил он, — что ты Сергей Сыроежкин. Помни клятву: чтоб я сломался, если выдам эту тайну!

Электроник послушно повторил заклинание и начал действовать.

Как ни странно, он воспользовался именно тем приёмом, который показался Сыроежкину негодным: перегнал незнакомку, круто повернулся и, загородив ей дорогу, сразу же ринулся в наступление:

— Здравствуй. Давай познакомимся.

— Здравствуй… — Голубая девочка с удивлением рассматривала Электроника. — А мы, кажется, знакомы… Ведь это ты показывал такие смешные фокусы?

— Я. Как тебя зовут?

Сыроежкин, подкравшись сзади, удивлённо покачал головой: отчаянно смелый этот Электро-

ник, действует точно по заданию.

— А это обязательно знать? — Девочка наклонила голову.

— Обязательно.

— Майя Светлова. А тебя как зовут?

— Сергей Сыроежкин.

— А почему на платке было написано «Электроник»?

Серёжка похолодел: вдруг Электроник проговорится? Но тот, подумав, нашёлся:

— Это мой псевдоним. А какой твой адрес?

Лицо девочки стало строгим. Фокусник задавал чересчур странные вопросы.

— Что за любопытство! Скажи мне лучше: ты вернул вещи, которые проглотил? Это что — ловкость рук или на самом деле?

— Долго объяснять, — хрипло ответил Электроник. — Я тороплюсь в цирк. Какой твой адрес? Я люблю точные сведения.

— Пожалуйста. — Майя дёрнула плечом. Этот Сыроежкин был к тому же воображала. — Улица Геологов, дом три, квартира пятнадцать. Подъезд четвёртый, этаж пятый, лифт работает. Всё?

— Всё, — сказал Электроник.

— До свиданья!

— До свиданья.

Серёжка отчаянно жестикулировал за спиной Майи, призывая Электроника продолжить разговор. Но тот его не понял — стоял как столб. А голубая девочка была довольна, что отделалась от настойчивого мальчишки. Она пошла не оглянувшись и даже ускорила шаг.

Серёжка растерянно смотрел вслед голубому платью. Почему-то он чувствовал себя очень несчастным. Вот в последний раз мелькнуло голубое пятнышко и исчезло в толпе. Майя Светлова, улица Геологов. И имя, и адрес теперь есть у него. И нет ничего. Неизвестно даже, как Майя к нему относится…

Очень странно вёл себя Электроник. Будто деревянный. Не улыбнулся, не пошутил, не рассказал никакой истории. Ведь девчонки любят, когда им зубы заговаривают… Что за чудак этот Электроник! Говорил правильно, а получилось всё очень глупо. Он, конечно, хороший товарищ, но всё-таки чего-то не понимает…

— Пошли в цирк, — вздохнув, сказал Сергей Электронику.

Код бегемота

Разбегаются молнии на серебристом куполе. Горят четыре яркие буквы — ЦИРК. Нетерпеливо топают ногой красные лошадки, составленные из лампочек. И под этим электрическим сиянием раскрытые двери глотают и глотают потоки людей. А толпа на площади не уменьшается: кто ждёт друзей, кто ищет лишний билет, а кто и просто смотрит на блеск огней.

Второго билета друзья так и не достали. Электроник давно уже скрылся в дверях, а Серёжка стоит на одном месте. Рассеется понемногу толпа, загремит весёлая музыка, станет пустынно и прохладно на площади, а он будет всё смотреть на огни. Конечно, из цирка не выйдет ярко-жёлтый клоун, не выскочит наездница на белой лошади, чтобы предложить ему лишний билет. Он это понимает. Зато когда кончится представление и шумный поток выплеснет на улицу, на ступеньках появится Электроник. И они вместе пойдут домой.

Он задумался, не заметил, как остался один. И ещё дворник шуршал метлой, подметая окурки, бумажки и заодно те случайные звуки, которые

сумели вырваться из-за дверей и упали на мостовую. А Серёжка всё думал о рычащих тиграх, пятнистом жирафе и слоне, который двигает хоботом стрелку на часах…

Кто-то тронул его за плечо:

— Ну что, хочешь в цирк?

Серёжка увидел высокого человека в шляпе и плаще. У него мохнатые брови и внимательные глаза. Серёжка ничего не сказал, только пожал плечами, считая, что его положение ясно и без слов.

— Пошли! — Незнакомец подмигнул.

Они свернули за угол. Человек открыл стеклянную дверь и пропустил Сергея вперёд.

— Добрый вечер, Антон Константинович! — сказал, вставая, вахтёр.

— Здравствуй, Матвеич! — весело отозвался покровитель Серёжки. — Этот мальчик со мной.

Они поднимаются по узкой крутой лестнице, выходят в коридор, и Антон Константинович на ходу говорит какой-то женщине:

— Маша, усади его на свободное место. — И Серёжке: — Как зовут-то? Серёга? Ну, будь здоров, Серёга. Смотри и веселись.

— Спасибо! — смущённо сказал ему вслед покрасневший счастливец.

— Иди наверх, — посоветовала тётя Маша. — В последнем ряду есть место.

Серёжка взлетает на галёрку, и в грудь ему ударяет упругая волна музыки. Он не замечает, как садится. Сейчас он весь там — на солнечной арене, где над жонглёром порхают, словно бабочки, шары, тарелки, кольца. Ему кажется, что это он сам ловко подпрыгивает, кидает, ловит, переворачивается и всё время следит, чтоб ничто не упало.

Вспыхивают прожекторы. И арена словно раздвинулась, стала больше. В скрещённых лучах скользит над рядами ракета. На ракете гимнасты. Стоят и не шелохнутся, словно приклеенные, вытянув вперёд руки. А ракета всё выше, а музыка всё быстрее… И вот гимнаст повисает вниз головой, а его партнёрша ловко соскользнула с ракеты и в какое-то мгновение ловит его руки, вкладывает ладонь в ладонь, чтобы крутиться под куполом, сжиматься и разжиматься, как пружина, отбрасывая на стены лёгкие, стремительные тени, вызывая то мёртвую тишину, то вздох облегчения, то бешеные аплодисменты.

В паузу шутят клоуны, а Серёжка ищет взглядом Электроника. Почему-то нет его в десятом ряду. Нет и в одиннадцатом, и в девятом… Мальчик

видит, как в оркестре переворачивает ноты скрипач, как поправляет галстук-бабочку дирижёр, как смеются над клоуном трубачи. А Электроника так и не находит.

— Аттракцион «Чудесные сны»! — громовым голосом провозглашает ведущий программу. — Смешанная группа животных!!! Дрессировщик — Антон Антонов!!!

Звучит весёлый марш, и выезжает какой-то длинноносый чудак на низеньком велосипеде. Он нажимает на педали изо всех сил и выглядит очень смешно, но Сергей только мельком взглянул на него. Мальчишка вертел головой, осматривая ряды, пока не погас свет.

Вдруг возник зелёный огонёк и поплыл вокруг арены. Серёжка вытянул шею. Он увидел, что по барьеру движется морской лев. Чёрный-чёрный, блестящий, будто нагуталиненный. Мягко покачивается из стороны в сторону, тихо шлёпает ластами, а на кончике поднятого носа держит зелёную лампу. Несёт и не роняет.

Вот он соскочил с барьера, подбросил лампу прямо в руки служащему и толкнул в бок длинноносого чудака, который спал на опилках. Вспыхнул свет. Чудак вскочил. На арене — сугробы снега, ледяные глыбы и чёрный чудной

зверь. Чудак от удивления сел на сугроб, а тот возьми да зашевелись. Чудак в ужасе вскочил: это был вовсе не сугроб, а белый медведь. Тогда человек принялся проверять другие сугробы, и, ко всеобщему удовольствию, из-под снежных покрывал вылезли ещё два медведя — бурый и белый. Бурый тут же сел на велосипед и поехал вдоль барьера, а белые по-дружески обнялись, закувыркались, покатились шарами.

Потом белые медведи делали стойку на передних лапах, бурый гонял на велосипеде, человек и морской лев жонглировали над ними мячами. Как вдруг в публике раздалось глухое рычание. Кое-кто из зрителей обернулся, а бурый медведь резко остановил велосипед.

Рычание повторилось. Медведь прислушался, встал на задние лапы и неуклюже полез через барьер. Дрессировщик успел схватить его за ошейник. Но медведь вырвался и пошёл вверх по ступеням, пугая публику. Дрессировщик шёл сзади и громко говорил:

— Трофим, что ты хочешь? Тебя кто-то позвал? Не обращай внимания!

У Серёжки замерло сердце: неужели медведя позвал Электроник?

Трофим, громко сопя, поднялся до десятого

ряда и замер перед сидевшим с краю мальчиком. Мальчик встал.

«Электроник!» — чуть не крикнул Серёжка. Он очень обрадовался: со своего места он хорошо видел, что это Электроник! И тут же испугался: а вдруг в цирке сидит профессор или тот милиционер, который ищет Электроника?.. Но его страх внезапно улетучился, так как события в десятом ряду развивались стремительно.

Дрессировщик, поражённый в первый момент, пришёл в себя и радостно закричал на весь цирк:

— А-а, это же мой знакомый Серёжа! Зачем ты срываешь номер, Серёжа?

— Я не срываю, — ответил Электроник. — Я хочу поздороваться с Трофимом.

Над рядами вспорхнул смешок.

— Ну, поздоровайся, — разрешил длинноносый чудак. — Здоровайся и будь здоров!

Электроник как-то странно хрюкнул, и Трофим издал тот же звук. Трофим поднялся во весь свой рост, протянул могучую лапу. Мальчик пожал лапу двумя руками, что-то шепнул медведю на ухо и сунул ему в пасть конфету.

Зрители бурно захлопали.

— Да ты молодец, — тихо сказал дрессировщик

мальчику и повёл медведя за собой. Трофим не сопротивлялся.

А к Электронику уже спешил морской лев, шлёпая ластами, балансируя своим гибким резиновым телом, — ведь он держал большой шар на пуговке носа. Люди, сидевшие рядом с Электроником, уверяли потом, что он не подал никакого знака льву, даже не пикнул: просто, мол, зверь знаком с этим мальчиком и привык подходить к нему.

Но дрессировщик был смущён. Он не знал, что и подумать. У него даже мелькнула мысль: не мог ли странный мальчишка позвать льва неслышным сигналом — например, ультразвуком. Впрочем, он тут же решил, что это глупость: как известно, из всех ультразвуков человек способен произнести только «кис-кис».

Лев остановился и, грациозно изогнув шею, послал мяч Электронику. Тот ловко поймал и бросил назад, хлопнув при этом в ладоши. Так они играли, пока не вызвали аплодисментов. Чёрный жонглёр прилёг на ступени и захлопал ластами. Потом он принял на нос мяч, вернулся к дрессировщику.

Номер продолжался, и Сергей не знал, куда ему смотреть. Он махал рукой, подавая знаки другу,

и косился на манеж. А там за какую-то минуту опять всё изменилось. Цветущие деревья, лужайки, глыбы серо-красных камней, синие водоёмы… Ходят длинноногие цапли, резвятся обезьяны в коротких штанишках, пасётся на лужайке рогатая антилопа-канна.

А чудаковатый Антон Антонов снова спит. Цапли, перешагивая через спящего, постукивают его остренькими клювами. Обезьяны сняли с человека ботинки, вытащили из кармана губную гармошку, а из-под головы — шляпку. Антилопа меланхолично жуёт галстук.

Вскочил Антон Антонов, бросился отнимать свои вещи. А обезьяны с ботинками, шляпой и гармошкой прыгнули на спину антилопы, ухватились за рога и были таковы… Антилопа скачет по кругу, Антон Антонов спотыкается о камни, прыгает через озёра и никак не догонит воров. А тут ещё вылезли из воды крокодилы. Дрогнули, приподнялись «камни»: путь человеку преградили бегемоты — один тёмно-серый, другой розовый. Распахнули огромные красные пещеры-пасти с острыми клыками, словно приглашают: попробуй, смельчак, войди…

И конечно, бедному чудаку Антону Антонову помог не кто иной, как мальчик из десятого ряда.

Прозвучал резкий клич. Обезьяны, соскочив с антилопы, бросились в партер. А бегемоты от удивления захлопнули пасти.

Обезьяны присели на ступеньки и, вытянув губы, отчаянно жестикулируя, забормотали: «Ух, ух, угу…»

— Угу, ух, угу… — заухал в ответ Электроник и закончил свою непонятную речь резким выкриком: — Ак!

Воришки бросили награбленное и в панике умчались на арену. Ну и хохотал Сергей! Он чуть не свалился с кресла. А Электроник сказал Антону Антонову:

— Вот ваши вещи. — И обратился к сидящим впереди: — Передайте, пожалуйста.

Цирк загудел, затрещал аплодисментами. С галёрки летел звонкий мальчишеский голос: «Ура! Лучшему в мире дрессировщику — ура!»

Подождав, пока шум утихнет, Антон Антонов обратился с манежа:

— Серёжа, может быть, ты волшебник? Ты знаешь язык зверей?

— Нет, — ответил Электроник при всеобщем внимании, — я не волшебник. Я просто изучал сигналы животных и расшифровал некоторые коды.

— Позови бегемота! — попросил кто-то из публики.

— Я не знаю кода бегемотов, — сознался мальчик.

Все почему-то засмеялись.

А Антон Антонов решил продолжать номер, весело крикнув:

— Попробую я с ними справиться!

Он скинул свой смешной костюм, сорвал бутафорский длинный нос и оказался в блестящем трико — высокий, мускулистый, ловкий. Грянул оркестр, и антилопа-канна помчалась по кругу, перепрыгивая через бегемотов. Цапли закружились в танце. Обезьяны взобрались на качели. На зубастых крокодилов были надеты намордники. И бегемоты зашагали под марш, высоко поднимая ноги и поглядывая исподлобья маленькими глазками. Потом Антон Антонов кормил их салатом с огромной вилки, бесстрашно вкладывая голову в раскрытые пасти, и под конец крутил сальто на спинах бегущих громадин.

Под бодрые звуки фанфар убежали с арены канна, шимпанзе, цапли, протрусил розовый бегемот. А серый бегемот никак не хотел уходить. Он подошёл к барьеру и стал открывать и закрывать пасть, словно зевал.

— Петя хочет спать, — объяснил дрессировщик и попросил бегемота: — Не задерживай, Петя, зрителей. Они тоже устали. Пойдём!

— Пусть он спит, — предложил с места Электроник.

Но гиппопотам не ложился и не уходил, как ни уговаривал его хозяин. Он зевал и зевал.

Тогда Электроник встал и направился к манежу. Он храбро подошёл к серой туше, нагнулся и поднял с пола маленький прутик.

— Сейчас Петя будет спать, — сказал Электроник и незаметно провёл прутом по животу бегемота.

Петя послушно лёг.

— Подсмотрел-таки… — шепнул Электронику Антонов. — Хитрец!..

Мальчик похлопал бегемота по боку, и тот встал.

— Теперь кланяйся, — приказал Электроник.

И опять один только дрессировщик заметил, что тонкий прут пощекотал стоящее торчком ухо. Так делал во время представления и сам Антонов.

Петя закивал головой и попятился. Антон Антонов вскочил ему на спину, замахал рукой. Так, посылая комплименты зрителям, они скрылись

за кулисами.

Публика не расходилась, вызывая артистов. Оркестр гремел медью.

Ведущий торжественно указывал на кулисы.

Раздвинулся занавес, и высунулись две головы. Гиппопотам выглядел совсем равнодушным. Антон Антонов сиял и посылал воздушные поцелуи. Но глаза его были серьёзны и внимательны. Они искали знакомого мальчика. Искали на арене, в проходе, в рядах… И не находили.

Разговор с гусем и змееносцем

Вернулись из цирка они поздно. Серёжка предчувствовал справедливую взбучку дома и не мог придумать, как ему избавиться от неприятностей. Конечно, его и пальцем не тронут, но мораль обязательно прочтут. Какие у всех хорошие и послушные сыновья и какие у этих сыновей счастливые родители. В десять часов все мальчики лежат в кроватях, и никто не исчезает в темноте, не заставляет волноваться родителей… Словом, будет немало упрёков, от которых можно и разреветься. Слушаешь, слушаешь, и кажется, что тебе на спину кладут и кладут здоровенные камни, и ты всё сгибаешься и сгибаешься под их тяжестью и не можешь свободно вздохнуть. Что только за сила в этих жалобных словах!

Наши приятели добрались уже до подъезда, как вдруг гора рухнула с плеч Серёжки. Он придумал.

— Электроша, ты ведь спокойный человек… — начал он.

— Да, спокойный.

— Ты можешь спокойно слушать всякие жалобные слова?

— Могу.

— Тогда вот что…

Серёжка развил во всех подробностях свой план. Главное — надо было молча всё выслушать, отказаться от ужина и, сославшись на головную боль, лечь спать.

— А я проскользну потом, у меня есть ключ. — И Серёжка потянул Электроника в лифт.

Только в тот момент, когда дверь за Электроником захлопнулась, Сыроежкин понял, что упрёков ему не избежать. Ведь он должен был знать, что происходит за дверью. И всё-таки подслушивать было приятнее, чем стоять перед мамой с опущенной головой. Серёжка приложил ухо к щели и услышал вот что.

Мама. Серёжа, так нельзя. Ты же знаешь, мы с папой волнуемся. Хоть бы позвонил…

Пауза.

Мама. Неужели так трудно найти в цирке телефон? Хорошо, что я догадалась позвонить Корольковым и Вова сказал, где ты пропадаешь.

Пауза.

Мама. И вообще, почему я от других людей узнаю о твоих делах? Ты хорошо бегаешь, увлекаешься математикой, пишешь интересные статьи в стенную газету… Но почему об этом ничего не

знаем ни я, ни отец?

Пауза.

Честно говоря, такого разговора Серёжа не ожидал. Он уже жалел, что не он стоит сейчас по ту сторону двери. Ох, он бы развернулся! Он так бы описал свои (вернее, Электроника) успехи, что ему простились бы все грехи на две недели вперёд. Ну и чудак этот Электроник, ничего не соображает! Упустил такой удобный момент…

И Серёжка от возбуждения даже поскрёбся в дверь…

Мама. Почему ты стал таким скрытным? Что ты молчишь?

Отец *(кричит из комнаты).* Он теперь слишком знаменит, чтоб разговаривать с нами!

Мама. Да, я вижу: успехи вскружили тебе голову. Иди-ка ужинать.

Электроник *(хрипло).* Я не хочу, я съел пять пирожков.

Серёжка улыбнулся: наконец-то Электроник открыл рот, шпарит точно по его советам. И тут наш заговорщик побледнел. Первая же фраза Электроника вызвала неожиданную реакцию…

Мама *(испуганно).* Ты почему хрипишь? Ты, наверно, съел пять мороженых, а не пирожки!

Электроник *(хрипло).* Нет, пирожки.

Мама *(волнуясь).* Где же ты простыл?

Электроник *(совсем хрипло).* Я хочу спать. Я здоров. У меня болит голова.

«Лучше б ты совсем молчал! — возмущался за дверью Сыроежкин. — Или сознался, что ел мороженое. Тогда всё ясно: ангина. И зачем ты вспомнил про головную боль? Когда просто болит голова, тебя никто не трогает. А если хрипы да ещё головная боль — это уже подозрительно. Чего доброго, мама полезет ему в горло и увидит, что перед ней не её сын!..»

От переживаний и страха вполне здоровый Сыроежкин вспотел и ощутил слабость в ногах…

Мама *(совсем в панике).* Какой холодный лоб! Немедленно в постель! Сейчас дам тебе ватное одеяло!

Папа *(выскочив в коридор).* И завтра с утра — врача!

Серёжка так перепугался, что ещё полчаса или час ходил по лестничной площадке. Когда он открыл дверь, рука его дрожала. Добравшись до постели, он толкнул Электроника. Потом с великими предосторожностями устроил его в шкафу, запер дверцу на ключ, спрятал ключ под подушку и дал слово никогда больше не поручать Электронику объяснение с родителями.

Утром врач не понадобился. Серёжка заранее убрал постель, продемонстрировал маме горло и даже измерил температуру. И, навёрстывая упущенное, в самых ярких красках обрисовал свои победы.

Отец и мать ушли на работу в приподнятом настроении. Появившаяся было скрытность в характере их сына улетучилась вместе с простудой.

Едва закрылась за родителями дверь, Серёжка отпер шкаф и приветствовал друга:

— Здравствуй! У тебя уже не болит горло?

— Не болит.

Электроник спокойно вышел из шкафа, держа стопку книг и перегоревшую лампочку.

— Половину не прочитал, — пожаловался он. — В следующий раз давай мне запасную лампочку.

— Если б я мог, я подарил бы тебе тысячу прожекторов.

— Не надо, — ответил Электроник. — Дай мне лучше запасные части от телевизора, если у тебя есть.

— Есть испорченный транзистор, — вспомнил Сергей. — А зачем?

— Годится. Ночью я смонтирую внутри себя телевизор. И буду круглые сутки получать новые

знания.

— И ты не будешь больше ходить в школу? — испугался Сергей.

— Почему же, буду ходить, — успокоил его Электроник. — Всё очень просто. Я, например, могу отвечать у доски, а сам в это время буду принимать волны телебашни.

— Ты лучший в мире изобретатель! Ты лучший в мире дрессировщик! — Сергей от удовольствия засмеялся, вспомнив, как Электроник вчера переполошил весь цирк. — Договорились! — закричал он. — Я даю тебе транзистор, а ты будешь мне рассказывать кинофильмы, которые я не успею посмотреть.

— А почему ты смеёшься? — спросил Электроник.

— Вспомнил, как здорово ты напугал обезьян. Электроша, а с кем ты ещё можешь разговаривать из зверей и птиц?

— С воронами, гусями, ласточками, дельфинами, львами, тиграми, волками…

— Вот здорово! Значит, история про Маугли, как он жил в джунглях, и понимал всех зверей, и дружил с ними, и боролся с тигром Шер-Ханом, — всё это не придумано? Всё это могло быть на самом деле?

— Конечно, можно научиться понимать всех животных, и тогда легко управлять ими, — подтвердил Электроник. — Сигнал опасности, записанный на магнитофон, прогонит с поля ворон. Дельфины будут разведывать косяки рыб и морские течения. А львов в заповеднике пригласят к обеду по радио. Надо понаблюдать за ними, сопоставить сигналы с поведением, и тогда будет ясно, какую информацию несёт каждый сигнал, что он обозначает.

— Ну и голова у тебя, Электроша! — уважительно сказал Серёжка. — Как ты только до этого додумался?

— Меня обучал профессор. Он самый великий человек, какого я только знаю. — Как ни странно, всегда ровный голос Электроника звучал почти торжественно.

Серёжка этого не заметил. Он был слишком возбуждён.

— Послушай, Электроник, поговори, пожалуйста, со мной. Ты будешь дрессировщиком, а я... Кого бы мне выбрать, чтоб легко понять тебя?.. Я буду гусем! Честное слово, я буду сообразительным гусем. Эта птица мне хорошо знакома.

Серёжка замахал руками, зашлёпал по полу босыми ногами и даже посмотрел на свои пальцы

— нет ли на них перепонок. Потом вытянул шею и страшно зашипел.

— Похож? — закричал он.

— Га-га-га, — сказал Электроник.

— Что? — спросил Серёжка.

— Га-га-га-га-га, — продолжал Электроник.

«Гусь» в недоумении пожал плечами:

— Я не понял.

— Ты не разговаривай, — напомнил дрессировщик. — Ты выполняй команды.

У «гуся» был такой недоумённый и растерянный вид, что дрессировщик перестал гоготать и сказал:

— Хорошо. Я расшифрую эти сигналы. Три «га» обозначают: «Торопитесь, торопитесь!» Пять «га» — «Не будем задерживаться здесь, двинемся дальше». Шесть — «Трава на этом лугу неважная, но вообще-то можно пощипать». А фраза из семи «га» самая приятная: «Тут есть чем поживиться». Понятно?

Серёжка моргал ресницами.

— Понятно… А я-то думал, что это самая глупая птица: болтает от нечего делать. Значит, когда мы раньше играли в «гусей и волков», мы разговаривали точно как гуси. — Серёжка вскочил и продекламировал:

Гуси, гуси!
Га, га, га!
Есть хотите?
Да, да, да!

— Жаль, — сказал он, вздохнув, — что я уже перерос эту игру. А то бы подговорил всех «гусей» говорить только на гусином языке, и мы обхитрили бы всех «волков». Хотя что я жалею! — спохватился Сыроежкин. Он кашлянул и продолжал с достоинством: — Мы с тобой, Электроник, не маленькие, мы должны двигать науку. Давай, например, сосчитаем, сколько звёзд на небе!

— А они уже сосчитаны, — бесстрастно доложил Электроник. — В нашей Галактике, называемой Млечный Путь, около ста пятидесяти миллиардов звёзд.

Серёжка покачал головой:

— Многовато. Я слышал, что много, но не помнил точно. Ещё я читал, что на планетах, которые находятся в таких же условиях, как и Земля, обязательно есть жизнь и разумные существа.

— Одни считают, что таких планет несколько миллионов, другие — что меньше, — уточнил Электроник.

— Я вот всё думал: почему же мы тогда не полу-

чаем никаких сигналов из других миров?

— Может быть, потому, что Земля находится далеко от центра, в слабой спиральной ветви Галактики? — предположил Электроник.

— Это я знаю, что мы живём на самой окраине Млечного Пути, — махнул рукой Серёжка. — Но ведь наши радиотелескопы прощупывают другие галактики. Аппараты стоят наготове. А никаких сведений не поступает. Как будто нас забыли.

— На нас просто не обращают внимания, — подтвердил Электроник. — Например, учёные, которые живут на далёкой планете, совсем в другой галактике, могут предположить, что атмосфера Земли раскалена до миллиарда градусов. Почему? Ответ простой: эти учёные измеряют температуру атмосферы по силе радиоизлучения Земли. А на Земле работают мощные телевизионные передатчики, которые дают сильное излучение. И вот на далёкой планете газеты пишут: Земля постепенно распадается от высокой температуры…

— Пусть будет так, — мрачно сказал Сыроежкин. — Всё равно мы поймаем их сигналы. А ты сумеешь их расшифровать?

— Попробую.

— Конечно, ты сумеешь! — Сыроежкин ничуть

не сомневался в способностях Электроника. — Давай я буду посылать тебе таинственные сигналы с далёкой планеты, а ты их расшифровывай.

— Хорошо, — сказал Электроник. — Я согласен.

Серёжка мигом преобразился. Он усадил Электроника за письменный стол, сунул ему карандаш и тетрадь. Открыл платяной шкаф, выдвинул все бельевые ящики. На пол полетели пальто, куртки, шапки, глаженое бельё.

— Ты на меня не смотри! — кричал Серёжка, хватая разные вещи и не зная, что напялить на себя. — Ты пока сосредоточься. Ты ведь просто-напросто землянин. А сейчас перед тобой предстанет житель другого мира!

И он действительно предстал перед землянином в таком виде, что будь на месте спокойного Электроника кто-нибудь другой, он бы не знал, что и подумать. Можно ручаться, что и родители не узнали бы своего сына в этом странном существе, закутанном в белую простыню с ног до головы и обвязанном пёстрыми шарфами, в чёрных очках, синем колпаке от торшера и с ярко-красными полосами губной помады на щеках.

— Прекрасно, — сказал Электроник. — У тебя не земной вид. Я готов.

— Сначала выберем звёздную систему, в которой я нахожусь, — торжественно заявил житель другого мира. — Чтоб звучало красиво. Большая Медведица? Туманность Андромеды? Скорпион? Но кто я тогда буду? Медведей, андромед или скорпионец? Не хочу! Я буду… Ура, нашёл! Я буду змееносец с планеты Созвездия Змееносца!

— Слушаю тебя, змееносец, — напомнил о себе землянин.

— Сейчас… Будь внимателен!

Серёжка убежал в соседнюю комнату и стукнул кулаком в стену. Убедившись, что звук громкий и отчётливый, схватил со стола железную вазу, начал отстукивать: точка — тире — точка — тире.

— Давай расшифровывай! — крикнул Серёжка.

— Тут нечего расшифровывать, — сказал, входя, Электроник. — «Я, змееносец, шлю горячий привет». Азбука Морзе. Метод, давным-давно устаревший на телеграфе. Ты не мог передать свой привет более таинственно?

— Я больше ничего не придумал, — сознался змееносец.

— Тогда это совсем не интересно, — прозвучал приговор землянина.

— А откуда я знаю, какая там жизнь, на этом Змееносце! — вскипел Серёжка. — Может быть,

там деревья пасутся на лугах, как коровы. А коровы, наоборот, растут на хвостах! Откуда я знаю, какие у змееносцев руки и ноги, глаза и уши и что они сообщат нам о себе! Ох, ну и жара под этим колпаком!..

Змееносец с ожесточением скинул свой головной убор и стал раздеваться. Действительно, положение его было сложное. И землянин, кажется, понял, как трудно быть представителем другого мира.

— Не сердись, — сказал он, — давай играть наоборот. Давай посылать наши сигналы с Земли.

— А ты знаешь, что надо передавать? — обрадовался Серёжка.

— Знаю. Записывай. Сейчас мы составим систему.

Электроник ходил по комнате и рассуждал:

— Наблюдения показывают, что во Вселенной действуют одни законы физики и химии. Поэтому взаимопонимание с другими мирами возможно. Для начала мы подаём ряд условных знаков.

— Чем подаём? — с удивлением спросил Серёжка у товарища.

— Это не имеет значения — световым лучом или по радио. Важен сам принцип космических переговоров. Пиши: две точки, знак больше, точка. Три точки, знак меньше, четыре точки.

Серёжка записал:

.. >. ... < ...

— Догадался? — спросил Электроник. — Предположим, в первом случае это две краткие вспышки света, затем долгая вспышка и снова краткая. Так мы устанавливаем математические знаки. И переходим к объяснению алгебры. Передаём неравенство и знакомим с абстрактным числом, например: сто плюс «а» больше, чем десять плюс

«а». (Серёжка записал: 100 + а > 10 + а.) Затем знакомим с вопросом. (Серёжка строчит: х + 10 = 111; х =?; х = 101.) Объясняем единицу длины нашего времени. И так далее.

— Гениально! — выдохнул Сыроежкин. — Никак не думал, что и в космическом языке тоже одна математика. Пожалуй, и я буду математиком-программистом, — добавил он уже для себя.

— Всё это придумал не я, а учёные, — сказал Электроник. — Называется язык «линкос», или «лингвистика космоса». Линкос объясняет, кто такой человек, как он ведёт себя, каких результатов в науке и практике достиг. Возможно, что существуют и другие космические языки, которых я не знаю, но главное в них ты уже подметил: все они строятся на математике, потому что она понятна всем разумным существам Вселенной.

Серёжка лукаво улыбался, слушая всё это. Пока Электроник разглагольствовал, он придумал один очень хитрый вопрос.

— Скажи, Электроник, а можно передать этим линкосом, как ты говорил вчера с моей мамой?

— Пожалуйста, — незамедлительно ответил Электроник. — Несколько лиц ведут разговор на математическую тему, неважно, о чем именно идёт речь. Как набрать на телефоне номер, как

поужинать, как лечь спать — всё это можно выразить математически. Действующих лиц трое. «А» — твоя мама — ставит задачи. «В» — это я — всегда решает задачи верно. «С» — это ты — обычно путается, даёт неправильные ответы. Итак, «А» просит «С» решить задачу: «Почему ты не позвонил, почему не ужинаешь, почему ты хрипишь?» «В» решает задачи верно: «Я съел пять пирожков, я хочу спать, я здоров». Но «А» — твоя мама — говорит: «Плохо!» Ведь она спрашивала «С», то есть тебя, а не «В». Утром «С» даёт «А» те же самые ответы, и тогда «А» хвалит: «Хорошо!» Вот и объяснено правило вежливости: не отвечай на вопрос, который не тебе задавали.

— Ха-ха-ха-ха! — заливается Сергей. — Ты молодчина, сообразил, что к чему. Даю тебе слово: с мамой я буду говорить только сам.

Он что-то пишет на листе, затем складывает бумагу пополам.

— Теперь прочти моё мнение об одном очень важном вопросе. А я пока смою губную помаду.

И он убегает в ванную.

Электроник разворачивает лист, читает:

«Зачем мне искать жителей других миров, когда живой нечеловек, мой друг и брат по разуму, всегда рядом со мной??? Зовут его Электроник!!!»

А под этими строчками нарисованы два смешных человечка, которые стоят, взявшись за руки.

— Спасибо, — говорит Электроник. — Ты настоящий друг. Я это понимаю.

Хорошо, что собаки не говорят

— Теория теорией, — сказал, появляясь из ванной, Сыроежкин, — а практика прежде всего. Раз ты лучший в мире дрессировщик, давай проведём опыт. Я сейчас заманю какую-нибудь собаку, и мы с ней поговорим. Ну как, Электроша, тебе нравится моя идея?

— Нравится, — сказал Электроник. — Приводи собаку.

Сыроежкин мигом скатился по лестнице, огляделся двор. Ну конечно, ни одной собаки. Только Бешеная Колбаса дрыхнет на солнцепёке, греет облезлые бока. Хорошо, что он подумал о ней и захватил приманку. Эта безучастная ко всему на свете, кроме собственного хвоста, и, в общем-то, глупая дворняга мгновенно преображалась и сходила с ума, когда видела колбасу: прыгала, визжала, пускала слюни. Поэтому никто не звал её иначе как Бешеная Колбаса. Только один хозяин, дворник, помнил, что настоящая кличка собаки — Астра.

Заманить Бешеную Колбасу в лифт её любимым лакомством и поднять на восьмой этаж не составляло особого труда. И в квартиру она вошла

охотно, не спуская глаз с остро пахнущего куска и повизгивая от нетерпения.

Неожиданно Бешеная Колбаса зарычала, и её шерсть встала дыбом. Какой тут раздался лай! Собаку словно прорвало после десяти лет молчания: никогда ещё в своей жизни она не лаяла так отчаянно.

Сергей сначала не сообразил, чем вызван этот лай. Но Бешеная Колбаса недвусмысленно кидалась на Электроника, пытаясь схватить его за штанину, тут же трусливо отскакивала и не прекращала свой сумасшедший лай, как будто хотела созвать в квартиру Сыроежкиных всех соседей. Серёжка кинул на пол колбасу — это не произвело на скандалистку никакого впечатления. Она расходилась всё больше и больше.

Наконец Электроник, спокойно взиравший на собачью ярость, проявил свои способности: он затявкал, завизжал и издал ещё какие-то странные звуки. Бешеная Колбаса на минуту смолкла, даже села. Но вдруг задрала морду и завыла пронзительно и жутко, словно в доме появился покойник.

По спине Сергея пробежали мурашки. Дальше он выдержать не мог. Он поспешно отворил дверь и выдворил взбесившуюся псину. Потом поднял

с пола колбасу, выскочил на площадку и бросил кусок вслед гостье. Чтоб не поднимала шум на лестнице.

— Ух-х! — Сыроежкин вытер со лба пот. — Сумасшедшая какая-то… Как ты думаешь, что с ней такое?

— Она меня испугалась, — спокойно пояснил Электроник.

Опыт провалился. Дворняга оказалась строптивее хищников.

— Я всегда считал, что собаки — самые загадочные и непонятные существа, — сделал вывод Сыроежкин.

— А профессор считает, что самое загадочное существо — красный лис, — сказал Электроник. — Помнишь, я тебе рассказывал, как он удрал и бегает по всему городу?

— Лис с самыми правдивыми глазами, — вспомнил Сергей.

— Ты его не встречал? — спросил Электроник.

— Не встречал.

— Ты можешь его даже не заметить: он очень быстро бегает. По-моему, он решает какую-то свою задачу.

И тут Серёжка догадался, почему лаяла Бешеная Колбаса. Она сразу учуяла, кто такой Электроник.

Итак, появилось третье существо, которое знало их тайну. Хорошо, что оно не умело говорить.

— Хватит глупостей! — решительно сказал Сыроежкин Электронику. — Собирайся-ка лучше в школу и зарабатывай пятёрки. И помни про тайну!

Гнёт тайны: «В конце концов, я человек!»

Странная жизнь настала у Серёжки. Он был свободный человек — ни уроков, ни домашних заданий. Свободен, как птица: куда хочешь, туда и лети!

Электроник каждый день приносил дневник с новыми пятёрками. В «Программисте-оптимисте» то и дело мелькала фамилия Сыроежкина. На уроках ребята только и ждали того момента, когда Сыроежкин получит слово и удивит их. Как-то Электроник в изложении о зоопарке перепутал живого слона с шахматной фигурой и написал, что слон пошёл на h8. Все сочли это остроумной шуткой.

Галина Ивановна часто ставила в пример Серёжу: в последнее время он сидел очень внимательно, не шептался, не заглядывал в чужие тетради, не опаздывал на уроки — словом, был самым прилежным учеником. Макар Гусев во время таких хвалебных речей оборачивался к Сыроежкину, подмигивал ему и смешно дёргал свой воротник, за что всякий раз получал замечание:

— Гусев, не вертись!

Никто в классе, кроме Макара и Электроника, не понимал этой маленькой пантомимы. Однажды они столкнулись нос к носу в чужом дворе, и Гусев, как всегда, стал склонять на все лады фамилию Сыроежкина. Неизвестно, что произошло с тишайшим Электроником, только он вскочил на бетонный бортик лестницы, и в то же мгновение Макар ощутил, что он висит в воздухе. Мальчишки, пробегавшие мимо, остановились как вкопанные и не поверили своим глазам: незнакомый худенький паренёк держал за шиворот известного забияку Макара Гусева. Держал без всяких усилий в вытянутой руке, словно провинившуюся кошку, и очень спокойно говорил:

— Я человек вежливый. Я не дерусь. Учти. Не задирайся. Переходи улицу при зелёном свете. Изучай математику.

Макар беспомощно дрыгал ногами, шипел, как самый настоящий гусь, всхлипывал:

— Буду изучать…

Наконец Электроник медленно опустил руку, посадил забияку на ступеньку.

Минуты три приходил Макар в себя: никогда в жизни он не был в таком ужасном, непонятном положении.

— Ты что, Сыроежкин, железный? — пробормотал изумлённо Макар. — Ну ладно!.. Мир? — И он протянул руку.

— Мир, — согласился Электроник и помог Макару встать.

— Нельзя уж и пошутить… — ворчливо сказал Макар. — Ладно, больше никаких сравнений не будет! — Он дружески ткнул Электроника в бок и потряс рукой: — Ого! Да у тебя стальные мышцы! Я отбил себе кулак… И давай не вспоминать про этот случай с телескопом. Если хочешь знать, после тебя я сам посмотрел в него и чуть не ослеп… Эй, вы! — крикнул он свидетелям. — Чего уставились? Не видели, что ль, как тренируется чемпион по штанге? А ну подходи, кто хочет испытать силу!

Желающих помериться силой с чемпионом не нашлось.

Так был установлен мир, о котором не знал даже виновник происшествия. Сыроежкин, конечно, заметил, что Макар переменился, но он решил, что это дань уважения его математическим способностям. Ещё бы! Недавно даже Профессор забегал к нему, просил решить задачу по физике. Сергей иронически посмотрел на приятеля и важно сказал:

— Вот что, дорогой Профессор! Знаешь, сколько знаний хранит память человека? Целую библиотеку в тридцать тысяч книг!.. Неужели у тебя меньше?

— Задаёшься? — обиделся Профессор.

— Надо развивать свою память, — ответил Сыроежкин и захлопнул дверь. Он опасался, что Профессор войдёт в комнату и увидит Электроника.

Что ни говорите, а это приятно, даже если тебя считают задавакой и знают, что ты можешь щёлкать, как орехи, любые задачи.

Слава приходила к Сыроежкину сама собой. Даже не приходила — прилетала, гарцевала впереди него на вороных конях, трубила в фанфары и, словно тень, не отставала ни на шаг. Звонил в школу тренер со стадиона и просил передать, чтоб Сыроежкин обязательно записался в их секцию. Учителя при встрече говорили Серёжке что-нибудь приятное, хорошее. Спартак Неделин, гордость всей школы, окликал курносого семиклассника и здоровался с ним. Даже задумчивый Виктор Попов спросил у него, не увлекается ли он музыкой. И Сыроежкин сразу забыл, как Попов однажды ударил его дверью по лбу.

От такой громкой славы временами было про-

сто жарко. Щёки Сыроежкина пылали. Но он держался с достоинством. Если ему задавали неожиданный вопрос, он отвечал дипломатично: «Я подумаю… Я тоже так считаю…» Или же уводил разговор в сторону, рассказывая то, что узнал от Электроника. И Сергея слушали внимательно: он говорил об интересных вещах.

Школьному физкультурнику Сыроежкин сказал:

— Лёгкой атлетикой я решил не заниматься — не хватает времени. И потом, это неверное мнение, что раньше люди были сильнее, а сейчас науки ослабляют человека. Недавно в одном музее взяли рыцарские костюмы и примерили на людей среднего роста. И все доспехи оказались им малы. Вот вам и разговоры, что были, мол, раньше силачи да великаны!

Физкультурник, конечно, не согласился с Сыроежкиным и просил его подумать. Но с удовольствием выслушал неизвестную ему историю, даже спросил, откуда Сыроежкин знает про рыцарские костюмы.

— Прочитал в одной английской газете, — сказал Сергей. — Забыл только в какой.

Раньше Сыроежкин и не представлял, как он может легко и вдохновенно врать. Конечно, не

про доспехи, о них он действительно читал в газете. Но не в английской, а в «Пионерской правде». И дело не только в этой «английской газете», сорвавшейся с его языка. Сыроежкин стал замечать, что иногда он врёт там, где совсем и не нужно.

Как-то Таратар встретил его во дворе, остановил, поинтересовался, куда он идёт. Серёжка сказал, что спешит в магазин покупать полное собрание сочинений Бурбаки, знаменитых математиков. А шёл он на волейбольную площадку, где и очутился через минуту. Тут же соврал ребятам, что он решил сложнейшую задачу, хотя именно в тот момент над ней корпел дома Электроник. Словом, Серёжка стал ужасным лгуном. Он расхвастался до того, что объявил себя изобретателем «линкоса», и с того дня весь двор разделился на землян и гостей из космоса, которые вели бесконечные переговоры.

Но если совесть Сыроежкина в такие минуты и молчала, то это не значит, что его жизнь была лёгкая и беззаботная. Никто и не подозревал, какие мучения свалились на нашего героя.

По утрам, когда в школе уже прозвенел звонок и в классах скрипели мелки и перья, когда родители учеников были на работе, из подъезда десятиэтажного дома появлялась согнутая фигурка и спешила скрыться за углом. Солнце заливало ярким светом просторный двор и делало его ещё больше, дворники из змеевидных шлангов поливали клумбы, деревья и асфальт, беззаботно чирикали на кустах воробьи. А Серёжка, надвинув на самые глаза кепку, воровато оглядываясь, бежал со своего двора. Ему казалось, что сотни, тысячи распахнутых окон смотрят ему прямо в спину и торжествуют: «Ага! Вот тот самый знаменитый Сыроежкин прячется от всего мира. Галина Ивановна! Таратар Таратарыч! Подойдите к окну и посмотрите на эту знаменитость! Тогда вы, может быть, догадаетесь, что на второй парте рядом с Профессором сидит совсем не настоящий Сыроежкин. Обман! Позор!!! Преступление!!!»

Да, в такие минуты Серёжка чувствовал себя настоящим преступником. Тайна, о которой знали только он и Электроник, вдавливала его

голову в плечи, заставляла оглядываться, тревожно стучала в груди. Страшно было подумать, что обман раскроется.

Серёжка издалека разглядывал всех прохожих. Вдруг знакомый или, хуже того, учитель? Обязательно спросит, почему он не в школе. А если учитель идёт с урока и там ему пять минут назад отвечал Электроник, что он подумает, увидев второго Сыроежкина на улице?

И он часто шарахался в сторону от прохожих, а потом облегчённо вздыхал: показалось…

А сколько трудов стоило сохранить тайну!

Вечером раздался звонок у двери, и Сергей с испугом услыхал знакомый голос. Таратар!

— Сейчас открою! — крикнул ему Сергей и бросился в комнату.

Электроник сидел за письменным столом и занимался сразу двумя делами: решал задачи по алгебре и изучал английский язык, настроившись на учебную программу (он, как и обещал, за одну ночь собрал внутри себя миниатюрный телеприёмник).

— Таратар! Лезь в шкаф! — трагическим шёпотом закричал Сергей, но в ответ услышал формулы и английские слова.

Тогда Сергей схватил Электроника за плечи,

толкнул в шкаф, запер на ключ и бросился к двери.

— А я уже собрался уходить, — добродушно сказал Таратар, здороваясь с Сергеем.

— Я убирался, — заюлил Сергей, — тут такой беспорядок…

— Я на минутку, — продолжал учитель, кладя шляпу на стул и не замечая бледности Сыроежкина. — Ты мне говорил про сочинения Бурбаки, так я зашёл посмотреть.

Бледный отличник в одно мгновение стал пунцовым.

— Ой, я совсем забыл, я отдал эти книги одному знакомому, своему дяде. Он доктор наук. И как раз перечитывает Бурбаки.

— Жаль, — покачал головой Таратар.

Он протянул было руку за шляпой и отдёрнул её: рядом в шкафу что-то загромыхало.

— Гм, — усы Таратара вопросительно вздёрнулись, — там какая-то авария.

— Кошка, — нашёлся Сергей. — У нас много мышей. Целый день ловит.

— В шкафу? — удивился учитель.

— А что тут такого? Кошки видят в темноте.

Колени Сергея дрожали, пока Таратар молча стоял у шкафа. Наконец он взял шляпу.

— Тебе не попадёт от мамы? — спросил он.

— Нет, она их ужасно боится.

— Ну ладно, зайду в другой раз, когда твой дядя прочтёт книги.

Медленно, очень медленно учитель двинулся к двери. А Сергей хоть и плёлся за ним следом, но будто бежал стометровку: так сильно билось его сердце.

Закрыв дверь, Сыроежкин бросился на тахту и целую вечность лежал без движения, пока в шкафу снова не заворочался Электроник… Он вылез из шкафа очень спокойный, так и не поняв, какого страха натерпелся его друг.

Милиционеры тоже вызывали у Сыроежкина трепет, он обходил их далеко стороной. Серёжка прочитал в газете, что профессор Громов выступил с докладом на конгрессе кибернетиков. И там, в этом докладе о самообучающихся машинах, прямо было сказано: «К сожалению, мы не можем сейчас продемонстрировать оригинальную модель. Она будет показана позже».

Значит, Электроника всё ещё разыскивают. Начальник милиции, наверно, созвал своих быстрых сотрудников, приказал им: «Найдите во что бы то ни стало Электроника! Приметы: курносый нос, синяя куртка, под курткой вилка для

включения в сеть. Особые приметы: он лучший в мире фокусник, дрессировщик и математик. Проверьте всех отличников в школах!.. Что? В школе юных кибернетиков прогремел Сыроежкин? Опять это тот самый Сыроежкин, которому делали рентген! Тогда он обманул нас, а теперь всё ясно. Он прячет Электроника у себя дома, скорее всего — в шкафу!»

И тогда — прощай, Электроник, прощай, лучший друг…

Нет, он постарается сохранить тайну. В конце концов, сколько в мире интересного и неожиданного из-за тайны. Инженер Смит и его друзья попали на необитаемый остров и не догадывались, что там, совсем рядом, живёт могущественный капитан Немо. Если бы они знали об этом и надеялись на его помощь, они бы не построили своё прекрасное убежище в скале, не вырастили бы урожай из одного зёрнышка и вообще не чувствовали бы себя изобретательными и сильными. А Том Сойер и Гек Финн! Тимур и Сергей-барабанщик у Гайдара! Человек-невидимка, человек-амфибия… Да мало ли ещё знаменитых героев, которые ценили и уважали тайну!

И всё-таки страх не проходил. Маленький противный комочек ворочался где-то внутри

Сыроежкина. Кажется, вот он уже рассосался, пропал, исчез, и вдруг — резкая телефонная трель. И опять всё сжимается внутри: кто это? Что скажут?

И ещё одна беда свалилась на Сергея: он вдруг открыл в себе великую тягу к математике. Удивительно всё-таки устроен человек. Только у него появляется возможность отдохнуть от формул и задач, как вдруг он чувствует, что они, прежние его мучители, и есть самое важное в жизни. И именно теперь, когда Сыроежкину вполне хватало и страхов и забот, он обрёк себя на новые терзания, твёрдо решив, что будет математиком-программистом. Не монтажником, не физиком, не астрономом, даже не фокусником или дрессировщиком, а математиком, учёным-кибернетиком. Как и Электроник, он изучит все теории, теоремы и формулы, геометрию Евклида и Вселенной, язык «линкос», небесную механику и всё остальное, что только нужно для того, чтобы смело командовать электронными машинами.

Но вот тут-то и получался заколдованный круг. Серёжка был готов вернуться за свою парту и расправляться авторучкой с иксами-игреками. И не мог этого сделать. Он безнадёжно отстал от всех. Прояви он смелость, и вместо похвал

и пятёрок посыплются двойки. Мало позора в классе — дома поднимется скандал. Нет, пусть уж Электроник дотянет до конца четверти, а там лето, и он, Сыроежкин, всё подучит и первого сентября сам пойдёт в школу.

Так все и крутилось день за днём. Электроник завоёвывал Сыроежкину славу, а тот слонялся по пустынным переулкам, вдоль реки или по глухим тропинкам парка. Просто так, чтоб убить время.

Как-то набрёл Серёжка на эстраду, где Элек-

троник в первый день их знакомства показывал фокусы. И хотя никого здесь не было, Серёжка, как осторожный лис, сделал большой круг и только потом опустился на скамейку. Задумался, вспомнил нехитрую песенку:

Шары, шары,
Мои голубые шары…

Ему стало грустно. Сколько раз хотел он пойти на улицу Геологов к дому три. Там живёт Майя Светлова, голубая певица. Встретить бы её на улице и сказать: «Извини, Майя… Я не тот знаменитый фокусник, я просто Сергей. Я случайно узнал твой адрес и имя. И вот пришёл…» Сколько раз хотел Серёжка именно так сказать. Но не пошёл…

Он сидел на скамейке, грустил и ждал, когда кончатся в школе уроки и можно будет вернуться домой, к Электронику, и стать другим человеком. Честно говоря, слава для него не так важна. Куда лучше погонять мяч, нырнуть в бассейн, запустить с ребятами жестяную ракету или взлететь на качелях… У Электроника такие простые вещи как-то не получаются. Позавчера, например, не было последнего урока, и ребята повели Электроника играть в футбол. Поставили в ворота. А

он, вместо того чтоб ловить мяч, стал писать на штанге формулы. Когда вратарь прозевал третий мяч, терпение команды лопнуло, и его выгнали из ворот. Хорошо, что Серёжка был дома и видел всё это из окна. Как только Электроник вошёл в дом, Серёжка сразу побежал на поле. Ох и разозлился он на Электроника!

Пять голов подряд забил!

Не посрамил своего доброго футбольного имени.

От этих воспоминаний Сыроежкин сразу повеселел. Он вскочил на эстраду и произнёс речь, обращаясь к пустым скамейкам:

— В конце концов, я человек! Я имею право давать задания машине, проверять её способности и тренировать на скучных уроках и домашних заданиях. Если тайна откроется и Электроника разоблачат, то меня все поймут. Кто на моём месте поступил бы иначе?.. В конце концов, я человек!

Что значит – думать?

Таратар приготовил ребятам сюрприз.

Войдя в класс, все увидели чудной маленький стол с экранами, как у телевизора, и разноцветными кнопками.

— Что это? — загалдели ребята.

Маленькая щёточка усов Таратара победно торчала вверх.

Учитель, подождав, пока все рассядутся, объявил:

— Это мой помощник — обучающий автомат «Репетитор». Сделали его старшеклассники. Программисты и монтажники. И специально для вас.

— А что?.. А почему?.. А зачем?.. — посыпались вопросы.

— Садитесь, я вам всё объясню и покажу. А сначала мы побеседуем… Кто мне скажет, что значит — думать?

Частокол рук вырос над партами. Сколько раз учитель видел, как у ребят загораются глаза и сами собой тянутся вверх руки, и всегда он чуть волновался в такие моменты, хотя, наверно, казался всем по-прежнему спокойным. Таратар

оглядел класс и вызвал Диму Горева, у которого от нетерпения был уже открыт рот.

— Ну, думать, — бойко начал нетерпеливый докладчик и задумался, — значит… значит — думать… Соображать… Выделять главное…

— Ты все сказал? Спасибо, садись. А что такое — выделять главную мысль? Скажи, Кукушкина, своё мнение.

Вскочила девчонка-растрепа и выпалила:

— По-моему, умный человек всегда видит, что главное и что не главное!

Лёгкий смешок, взлетевший к потолку, оборвался, когда Таратар снова заговорил:

— Я не зря задал вам эти вопросы. И хотя выслушал только двоих, уверен, что многие ответили бы так же. Дело в том, что человек часто не осознаёт, как он мыслит. А ведь это сложная работа. Знать — значит иметь представление о предметах, явлениях, их связях. Думать — уметь действовать с ними. И выделение главной мысли, основного содержания урока, беседы или какого-то правила требует от вас определённого навыка и напряжения, а от нас, учителей, — умения разъяснить и закрепить в вашей памяти. Мы ещё остановимся на этом, когда перейдём к машине… — Таратар сделал паузу, подумал:

«Пора послушать и ребят». Он сказал: — А теперь немножко пофантазируем. Как поэт пишет стихи? Как композитор сочиняет музыку? Как учёный делает открытие? Короче говоря, как рождаются новые образы, как протекает творчество?

Таратар покачал головой, увидев опять лес рук, и добавил:

— Предупреждаю: это столь сложный вопрос, что наука ещё не дала на него полного и точного ответа. Поэтому не смущайтесь: любая ваша мысль внесёт вклад в нашу беседу. Итак, пожалуйста.

Староста класса Коля Гребешков, как всегда, высказался коротко и категорично:

— Я думаю, что рождение образа — это случайность. Например: Суриков увидел на белом снегу чёрную ворону и написал боярыню Морозову.

— Когда сочиняешь стихи, обязательно испишешь гору бумаги, чтоб найти нужную рифму, чтоб коротко и красиво изложить свои мысли…

Даже с закрытыми глазами можно было догадаться, что выступает Апенченко: старается говорить выразительно и потому чуть завывает.

Таратар знал, что товарищи зовут его Вздыхателем за то, что он пишет на уроках записки девочкам. Как видно, Апенченко сочинял и сти-

хи.

— …а потом, — продолжал Апенченко, — надо проверить себя: не было ли такой рифмы, сравнения или образа у кого-нибудь раньше. Как сказал поэт: грамм добычи, тонны руды…

— Тонны записок! — не выдержал кто-то, и все понимающе улыбнулись.

— Открытие в науке бывает всегда неожиданно. — Это говорит Вова Корольков, Профессор. — Надо отвлечься от привычных взглядов и по-новому посмотреть на какое-то явление. Поэтому и говорят, что открытия у нас буквально под ногами. Приглядись — и увидишь.

— А можно думать всю жизнь и ничего не изобрести, — возражают с места.

— Открыл Америку! — кричит Макар Гусев. — Всем понятно, что всё зависит от фантазии. У кого как варит голова…

На этом дискуссия окончилась, началась обычная перепалка.

Таратар призвал к тишине:

— Я с удовольствием вас выслушал. Все ответы правильные. Подводя итог, начну с последнего высказывания: у кого как варит голова. Нам, педагогам, хотелось бы, чтоб голова у всех учеников работала отлично. Можно ли этого достичь?

Можно! Вы получаете в школе определённые сведения — информацию, которая укладывается в вашей памяти. Со временем часть информации забывается, но не теряется, не выбрасывается, а как бы опускается в подвалы памяти, на её место поступает новая. Итак, что же такое творческий процесс?.. Предположим, вы задумали создать произведение искусства или науки. Сели, размышляете. Мысли скачут, вспоминается то одно, то другое. Это идёт вызов информации из памяти. Иногда говорят: что-то не думается, мысли не лезут в голову и так далее. Не отчаивайтесь! Настойчиво запрашивайте память — у вас ведь богатая кладовая знаний.

— А если лезут одни глупые мысли? — спросил кто-то.

— Что ж, бывает, что некоторые мысли кажутся глупыми, неподходящими, а потом вдруг выясняется, что они были нужны. Чем больше разных мыслей, сравнений — даже из других областей знаний, — тем интереснее и неожиданнее бывает рождение нужного вам образа. Здесь говорили о случайности. Похоже, что возникновение новой идеи происходит по воле случая. Но это не так. Открытие подчиняется твёрдым законам статистики. Надо только больше искать, обдумывать

свою задачу с разных сторон… И вот… вот оно — удивительное…

Таратар поправил очки и тихо, почти шёпотом прочитал:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И словно бесшумный ветерок ворвался в класс. Овеял прохладой лица, затуманил глаза. И умчался.

— Да, — сказал после паузы Таратар, — всего несколько десятков или сотен букв, несколько строк, а в них целый мир чувств, переживаний, грусти. Поэт обращается к вам, далёким потомкам, и вы его понимаете.

$W_K = \frac{mv^2}{2} = \frac{mg^2t^2}{2}$

Тут Электроник совсем не к месту вставил:

— А Давид Гильберт, известный математик, так сказал об одном из своих учеников: «Он стал поэтом: для занятий математикой у него слишком мало воображения».

Какой грянул тут гром! Все словно забыли и о стихах, и о ветерке, пробежавшем только что по классу, и хохотали не стесняясь. Даже у Таратара очки запрыгали на носу.

— Что ж, — сказал учитель, установив тишину, — ты тоже прав: есть мнение, что у математиков самое сильное воображение…

И Таратар начал говорить о том, что многие учёные прошлого удивились бы, узнав, что математика, которая в их время считалась скучнейшим, оторванным от жизни занятием, применяется во всех областях науки и техники.

— Несколько столетий назад можно было пересчитать по пальцам всех математиков мира, — заявил Таратар. — Теперь достаточно посмотреть на вас, чтобы сказать: да, математика стала обычной профессией.

И после этих простых слов все немножко загордились и задрали носы, потому что учитель стал говорить о том, как необычна работа математика. Он должен представить себе то, что никогда

не видел. Например, элементарные частицы. Казалось бы, всё просто: вот перед глазами модель атома с круглым ядром и лихими орбитами электронов. А кто видел эти электроны своими глазами? Никто! А учёный может описать их формулами и уравнениями, провести точный и тонкий анализ и составить математический образ. Так рождаются у математика новые идеи, которые требуют самого острого воображения.

Таратар не сказал ещё своей любимой фразы, и все, хоть и слушали внимательно, ждали её. Наконец пришёл её черёд, и быстрые улыбки промелькнули на лицах.

— Для чего я вам это говорил? — продолжал учитель. Этот вопрос всегда подкреплялся красноречивым жестом: поднятым указательным пальцем. — А вот для чего. В окружающей нас жизни есть тайны: неизвестный ещё нам мир природы. Эти тайны надо уметь разгадывать. Природа всегда ведёт себя честно, с ней не надо играть в сыщиков и воров, потому что она нас не обманывает. Но и не выдаёт своих секретов добровольно. Значит, надо быть любопытным и внимательным, настойчивым и вооружённым. А знаний для новых открытий немало. И у нас есть могучая техника: электронные мик-

роскопы, ускорители частиц, радиотелескопы и электронно-вычислительные машины… Ну, вот и звонок, — закончил Таратар. — На следующем уроке будет уже два учителя — «Репетитор» и ваш покорный слуга…

Сколько уже лет он говорит эти слова: «Ваш покорный слуга»! И обычно их не замечает. А сегодня Таратар почему-то вспомнил, что это — старомодное выражение. Бегут годы, старшие классы уходят, приходят новые, а он по-прежнему покорнейший слуга. Вот уже тридцать пять лет. Вызывает к доске, ставит отметки, проверяет контрольные, выпускает стенгазету, ходит в походы — да мало ли дел у учителя. И только привыкнешь к этим глазастым, полюбишь их, как уже расставание… И хотя потом бывают бесконечные встречи, воспоминания, разговоры, каждую весну он чувствует необъяснимую грусть. Опять надо провожать класс… И этих он тоже проводит, и к телефонным звонкам, которые звучат в квартире с утра до ночи, прибавятся новые: «Таратар Таратарыч… Ой, извините… Семён Николаевич! Школьная привычка… Это Сыроежкин. Учился у вас такой… курносый… Как, неужели помните?..»

«Да, — спохватился учитель, — что-то Сыроеж-

кин никак не проявил себя, молчал весь урок. Ага, понятно! Ждёт вопрос похитрее. Ну что ж, мы ему придумаем этот вопрос…»

А в коридоре между тем шли горячие споры. Пожалуй, больше всех разглагольствовал Электроник: он так и сыпал цифрами, примерами, фактами…

Если бы он только знал, какие сомнения терзали в этот момент его друга, одиноко торчавшего в парке, и как важно было для Сергея сидеть самому за партой и размышлять вместе со всеми…

Поединок с «репетитором»

«Репетитор» хоть и был похож на обыкновенную парту, загадочно поблёскивал белой металлической поверхностью и матовыми экранами. Казалось, нажми на одну из кнопок, и он выкинет какой-нибудь неожиданный номер. В лучшем случае громовым голосом задаст неожиданный вопрос и, отсчитав время, влепит двойку. А то и рассердится, раскричится, позовёт директора…

— Виктор Смирнов, прошу сесть за пульт! — пригласил Таратар.

Непривычная тишина воцарилась в классе. Скрипнула крышка парты. Смирнов медленно поднялся, подошёл к таинственному столу, осторожно присел на краешек стула. Наверно, он чувствовал себя одиноким космонавтом, который сейчас нажмёт кнопку и вылетит вместе со стулом из класса.

— Включи «пуск»! — сказал учитель.

Вот она, эта кнопка!

Четыре красные буквы на маленькой дощечке: ПУСК. Ну, будь что будет!

Он не взлетел и не был оглушён громовым голосом. Просто мягко засветился, заголубел экран и

через некоторое время на нём проступили буквы и цифры. Ребята задвигались: что будет дальше?

— Смирнов получил задание, — разъяснил Таратар. — Это обычные уравнения первой степени с двумя неизвестными. Гусев, запиши их, пожалуйста, на доске.

Макар Гусев с удовольствием подбежал к «Репетитору» и, заглядывая в экран, написал крупно мелом:

$2x — 7y = 2$
$6x — 11y = 26$

Учитель продолжал:

— Смирнов, ты познакомился с условием?

Смирнов кивнул.

— Тогда нажми на левую кнопку. Сейчас автомат задаст тебе вопрос.

Смирнов так поспешно стукнул по кнопке, словно всю жизнь ждал этого вопроса. Под условием зажглась новая строка: «Решать через X или Y?»

— Давай через икс! — предложил Макар Гусев, чувствуя себя соучастником важного опыта.

— Через икс, — неуверенно повторил испытуемый.

— Хорошо, через икс, — согласился учитель. —

Нажми кнопку под иксом. На экране появятся варианты первого действия. Ты должен все их продумать, найти самый верный и выразить своё мнение, нажав на стоящую рядом кнопку. После этого «Репетитор» даёт тебе несколько вторых действий, и ты проделываешь ту же работу, пока не получишь ответ и оценку.

— Ерунда! — прокомментировал Макар Гусев. — Давай нажимай, а я буду писать.

Таратар, конечно, заметил одобрительные улыбки на лицах. Блеснули стёкла очков, дрогнули, зашевелились усы.

— Почему Гусев так сказал? — задал он свой любимый вопрос, подняв указательный палец. — Потому что он думает, что очень просто нажимать на кнопки. Но сейчас мы посмотрим, как он сам будет размышлять над действиями, которые предложит ему автомат. Одни из них правильные, другие неправильные. «Репетитора» обмануть невозможно. Он точно оценит решение и поставит отметку. К тому же он засекает время и — успели вы ответить или не успели — задаёт следующий вопрос.

Макар Гусев чесал затылок. Он уже видел, как ёрзает его сосед: морщит лоб, теребит кудри, что-то шепчет… Действительно, какой вариант

лучше: длинный или короткий? Наверно, короткий. Но коротких два, и в каком-то из них притаилась ошибка. А может быть, и там и здесь? Проверяй-ка все плюсы и минусы, умножай и дели. Только быстрее: время идёт.

Вот Смирнов вытирает лоб, угрюмо нажимает на последнюю кнопку и неожиданно расцветает: в маленьком окошке с табличкой «оценка» вспыхивает слово «четыре».

— Четыре! — докладывает Макар классу.

— Хорошо, — говорит Таратар, — хотя можно и лучше. Ты выбрал верное, но более сложное решение. Это небольшой промах, мы разберём его позже, чтобы в следующий раз ты решал короче… Теперь идёт нажимать кнопки Гусев.

К своему удивлению, Макар видит на экране уже другие уравнения. И он тоже морщит лоб, вращает глазами и тычется носом в экран.

А потом с «Репетитором» по очереди сражаются остальные. Треск кнопок, тихое гудение машины, ахи, охи и блеск глаз — всё это похоже на азартную, увлекательную, радостную игру. Никто уже не помнит, что идёт обычный урок.

И когда учитель взял мел и начал объяснять ошибки, волнение в классе ещё не улеглось: каждый старался понять, где он совершил промах.

Ведь начиная игру с «Репетитором», он не знал, чем она кончится, и теперь должен сообразить, где споткнулся, где метнулся не в ту сторону, чтобы в другой раз играть по правилам и выйти победителем.

— Мы беседовали о том, — говорит Таратар, — что человек должен много знать. Но я совсем не хочу, чтобы вы превратились в энциклопедические справочники, в обыкновенные хранилища информации. Вы, вероятно, помните одно из основных правил кибернетики, которое она предъявляет и к машинам, и к людям: в любой работе — выбор лучшего, оптимального варианта, достижение эффективного результата. Я хочу, чтобы вы мыслили именно так: обладая широким кругозором, умели выбрать лучшее решение. Надеюсь, что «Репетитор» поможет мне в этом... — Таратар предупреждающе поднял руку. — Кстати, на сегодня его программа не исчерпана. Осталась ещё одна задача, довольно крепкий орешек. И я предложу решить её... нашему дежурному ассистенту Сыроежкину, который пока не отвечал.

Электроник с достоинством направился к «Репетитору». Его провожали с откровенным сочувствием, как путешественника, идущего в

пустыню.

Щёлкнул «пуск», и Электроник ровным голосом прочитал вслух условие:

— «Найдите три четырёхзначных числа, каждое из которых равно квадрату суммы чисел, составленных из двух первых и двух последних цифр искомого числа».

«Ого! Вот это орешек! Ну и придумано! Квадрату суммы… составленных… цифр искомого числа».

Так примерно подумали все математики. Кое-кто закрыл глаза и представил длиннющие колонки цифр, которые надо было перебрать.

Но что это? Простучали пулемётом кнопки. Не прошло и трёх секунд, а Сыроежкин уже стоит рядом с «Репетитором» и в окошечке машины сияет: «пять»!

— Ух-х! — прокатилось с первой до последней парты.

— Три искомых числа, — чуть хрипло говорит Сыроежкин, — это 2025, 3025 и 9801.

И он пишет на доске:

$2025 = 452 = (20+25)^2$
$3025 = 552 = (30+25)^2$
$9801 = 992 = (98+01)^2$

Загремели крышки парт, выражая всеобщее

восхищение. Сыроежкин сел на место. Даже Таратар был удивлён и, пожалуй, несколько смущён.

— Весьма, весьма… — пробормотал он. И не нашёл больше слов.

В дверь просунулась чья-то лохматая голова.

— Звонок был! — крикнул озорник и убежал.

Таратар улыбнулся: так было тридцать пять лет назад, так, наверно, будет и через сто. Всегда найдётся озорник, который крикнет: звонок был!

— Всё! — весело сказал учитель. — Как мне подсказывают, вы уже свободны.

Героя поединка окружили плотным кольцом и повели из класса. Остались лишь «Репетитор» и Таратар.

Поблёскивая очками, Таратар смотрел вслед Сыроежкину. Кажется, он и в самом деле был чем-то смущён.

Музыкальное образование

Неожиданный случай вновь прославил Сергея Сыроежкина.

После уроков Вовка Корольков позвал Электроника к себе домой. Профессор просил одноклассника объяснить ему язык «линкос», но в этом была небольшая хитрость. Дело в том, что бабушка Королькова, в прошлом преподаватель консерватории, два раза в неделю обучала внука игре на рояле. Из всех изобретений человечества преклонявшийся перед техникой Профессор невзлюбил лишь два: машину, сверлившую зубы, и музыкальный инструмент с чёрно-белыми клавишами. Они, по мнению Королькова, отнимали у людей, и в первую очередь у изобретателей, много полезного времени. И как ни упряма была бабушка, он надеялся, что сегодня урок будет отменён из-за важного гостя.

— Бабушка, — представил Вовка своего приятеля строгой женщине в чёрном платье, — это Сергей Сыроежкин, первый отличник в школе. Он, между прочим, изобрёл язык «линкос», чтобы переговариваться с марсианами. И мы хотим с ним потренироваться.

Бабушка кивнула Электронику с высоты своего роста и густым голосом сказала:

— Прекрасно. Про марсиан писали ещё во времена моей молодости. Ну, а ты, Серёжа, играл когда-нибудь на рояле?

— Играл, — невозмутимо ответил Электроник.

Лицо Королькова сморщилось, как от зубной боли. Но энергичная бабушка уже подхватила обоих товарищей за плечи и увлекла в комнату, где в углу с поднятой, сверкавшей лаком чёрной крышкой застыл в ожидании старинный инструмент.

— Вот и чудесно, — басила пианистка, подводя ребят к роялю. — Сначала мы послушаем, как играет Вова, а потом проверим и тебя.

Вовина бабушка села рядом с внуком, раскрыла ноты.

— Начинай.

Пожалуй, никто из одноклассников не видел ещё Профессора таким несчастным. Руки его бессильно висели вдоль тела. Неожиданно Вова взмахнул ими над головой, словно решившись прыгнуть в воду, и бросил на клавиши. «Там-та-там!» — испуганно запрыгали ни в чем не повинные клавиши, а бабушка прижала ладони к ушам.

— Вова!.. — В её голосе прогремел далёкий гром. — Перестань! Что с тобой сегодня? Твой товарищ может подумать, что ты впервые сел за инструмент!

— Не знаю, — тихо ответил Вова, — мне просто не хочется.

Старая пианистка встала со стула.

— Все великие музыканты, — сказала она торжественно, — тренировались и играли постоянно, независимо от своего настроения. Я не хочу сказать, что ты станешь великим и даже музыкантом вообще. Но в наши дни стыдно быть музыкально неграмотным…

Внук сидел с опущенной головой. Что мог возразить он бабушке? Но в этот момент он представил маленького Моцарта, привязанного к стулу. Пусть и его так же привяжут!.. Огромной толстой верёвкой. И он распрощается тогда с ракетами, телескопами, подводными лодками. И станет музыкально грамотным…

— Можно мне? — нарушил неприятную тишину Электроник.

Пианистка жестом указала на стул, а Вова быстро вскочил.

— Что ты нам сыграешь? — спросила, успокаиваясь, Вовина бабушка.

— Музыку своего сочинения.

Бабушка ласково улыбнулась и присела на диван. Профессор, сверкая очками, застыл рядом с товарищем, словно готовясь защищать его от неведомой опасности.

Электроник коснулся клавиш очень осторожно, раздались нежные и приятные звуки. Они удивили опытного педагога: бабушка внимательно посмотрела на руки мальчика. Нельзя сказать, что эти руки двигались плавно и грациозно. Но они очень точно касались клавиш, ударяя по ним всё быстрее, всё сильнее. С каждой секундой звуки усиливались. Казалось, вместе с музыкой сюда летит крепкий ветер, бегут быстрые волны, и чёрная полированная громада рояля постепенно надвигается на слушателей, заполняя всю комнату.

Уже нельзя было различить пальцев музыканта, они слились с клавишами, со всеми клавишами, которые звучали почти одновременно. Рояль гремел так отчаянно, что Вовиной бабушке вдруг почудилось, будто играют несколько инструментов, добрый десяток рук. Музыка оглушала, от неё стало больно в ушах, а в глазах поплыли красные круги. Даже равнодушный до сих пор Вова открыл от изумления рот и вцепился в крышку

рояля, чтобы не упасть.

— Ой! — испуганно крикнул Профессор. — Бабушке плохо!

Музыка смолкла.

Вова бросился на кухню и вернулся со стаканом воды. Его товарищ с виноватым видом стоял возле дивана, на котором, откинувшись на подушки, сидела бабушка. Она смотрела на музыканта и улыбалась. Очень добро улыбалась.

— Не волнуйтесь, дети, — тихо сказала бабушка, жестом отказываясь от воды, — у меня просто не к месту закружилась голова… Ты превосходно играл, Серёжа. Если ты будешь регулярно заниматься, ты станешь современным Листом. Или Рихтером. Это тебе говорит старый музыкант, запомни… А теперь, мальчики, идите играть в своих марсиан.

Ребята с облегчением выскочили на лестницу. Вовка оглядывал товарища с головы до ног и шептал:

— Талант. На все руки талант! Не понимаю, как это тебе удаётся? — Он хлопнул себя ладонью по лбу. — Скажи, пожалуйста, а рояль остался цел? Я даже не заметил.

— Рояль цел, — ответил музыкант. — Но его надо настраивать.

— Какую же силу надо иметь! — продолжал восхищаться Профессор. — Я, как и бабушка, чуть не грохнулся в обморок. Как это ты сумел сочинить такую музыку?

— Я играл обычную музыку, но на очень большой скорости. Иначе говоря, я приблизился к границе слышимости звуков человеком, — бесхитростно открыл свой метод Электроник. — Вот формула, если она тебя интересует.

Профессор мигом достал из кармана бумагу, авторучку и затаил дыхание, пока Электроник писал формулу. Его глаза сияли за стёклами очков.

— Вот она, формула Рихтера! — прошептал Профессор, впиваясь в листок. — А скажи, Серёга, как научиться играть по этой формуле?

— Надо много тренироваться.

— Я буду, — согласился Корольков. — И я научусь. Чтоб ко мне никто не приставал больше с музыкальным образованием!..

Он проводил Электроника до дверей, таща его портфель, и никак не решался проститься, всё уточняя редкую формулу. Сергей из коридора слышал их голоса и злился. Но не мог же он выскочить на площадку и прогнать Профессора.

С этого дня у Сыроежкина прибавилось забот.

Музыкальные дети не давали ему прохода, выпытывая формулу Рихтера. Домоуправ просил выступить в красном уголке с концертом. А Вовина бабушка настаивала, чтобы Серёжа поехал в консерваторию и продемонстрировал одному известному музыканту свой талант.

С таким талантом стало опасно появляться даже во дворе.

Если б была машина времени…

Серёжка переходил улицу, и вдруг его кто-то окликнул:

— Мальчик!

Милиционер в белом кителе поманил его рукой.

Серёжка остановился, съёжился, опустил голову.

«Бежать? — лихорадочно думал он. — Поздно! Уже подходит. Сейчас возьмёт за руку и скажет: «Пойдём домой. Открывай шкаф, выдавай Электроника».

Тяжёлая рука опустилась на его плечо.

— Мальчик, — сказал милиционер, — ты в неположенном месте перешёл улицу. В следующий раз будь внимательней.

Сергей открыл пересохший рот и ничего не сказал. Откуда-то издалека плыли к нему слова, которых он совсем не ожидал: «Мальчик… перешёл… будь внимательней…»

— Что ж ты стоишь? — удивлённо спросил милиционер. — Иди. И не нарушай.

Словно вихрь сдул Сергея с места. Он мчался, не чуя под собой ног. Куда? Сам не знал. Лишь бы

быть подальше от белого кителя.

«Повезло! — радовался он. — Милиционер меня или не узнал, или просто забыл своё поручение. Ну и растяпа! Пусть теперь ищет. Меня так просто не поймаешь».

Сыроежкин забрался в самую гущу парка и лёг на траву. Могучие старые деревья окружили круглое зеркальце прудика. Вода чистая, блестящая, только у самого берега зелёный налёт тины, и в ней квакает лягушка. Кругом ни души, ни зверя, ни птицы. Только он, Сыроежкин, на траве да лягушка в пруду.

Ни с того ни с сего Серёжка стал жалеть себя.

«Живёшь как заяц, всех боишься... — горестно размышлял он. — Ну разве это жизнь! Уехать надо куда-нибудь подальше — на Север или в океан. Просто собрать вещи и тихо уйти из дома. Электроник будет ходить в школу, радовать родителей отметками, спать на моей кровати... И всё потечёт тихо и мирно. Исчезнет лишний человек, который никому не нужен. Мама только станет ахать, что её сын ничего не ест. Но Электроник ведь сообразительный, он придумает, как обмануть маму. Уеду на долгие, долгие годы, — твёрдо решил Сыроежкин. — А потом, когда стану взрослым, вернусь и всё объясню. И меня будут жалеть

и не будут ругать».

Резкий свист раздался над ним и ударился о землю. Серёжка задрал голову. Блестящая серебряная стрела с острым носом и маленькими крыльями, как игла, проколола голубое полотно неба. И исчезла… Вот так и он пролетит когда-нибудь над своим домом, только взглянет с высоты на крышу, на двор, на школу и исчезнет.

А потом между деревьями мелькнуло что-то красное, и прямо на Серёжку выскочил большой рыжий зверь. От неожиданности Серёжка замер. И зверь замер, уставившись на лежащего человека.

«Он меня узнаёт, — радостно подумал Серёжка, — он думает, что я — Электроник».

Серёжка, конечно, сразу догадался, что перед ним тот неуловимый красный лис, о котором не раз вспоминал Электроник. Они лежали в траве совсем рядом, стоило лишь протянуть руку… Лис изучал Серёжку самыми правдивыми и, как показалось мальчику, самыми ласковыми в мире глазами, а Серёжка разглядывал смешные усы на узкой мордочке, пушистый хвост и блестящие колёсики, с успехом заменявшие лису лапы. Они были все в царапинах, износились от бега по асфальту. Когда-то лис демонстрировал на этих

колёсиках профессору ловкость движений, а теперь, обретя свободу, стремился доказать, что он самый быстрый из всех лисов лис. Чего ждал он, смиренно вытянувшись в траве? Может быть, совета, помощи от своего старого друга?

— Я не Электроник, лис, — сказал Сергей, вставая на ноги.

И не успел он подняться, как лис красной молнией метнулся в кусты. Он скользил по парку так же легко и стремительно, как по городским улицам. Ещё ни разу этот лис не попал никому под ноги, ни разу не затормозила перед ним машина, не шарахнулся в сторону велосипедист. Даже всевидящие милиционеры не успевали подносить свисток ко рту: странное рыжее существо, мелькнув перед их глазами, тут же исчезало.

— Беги, — сказал ему вслед Сергей. — Одному жить хорошо.

И когда на Сергея натолкнулись трое мужчин и стали наперебой спрашивать, не встречал ли он в парке красную лису, Сергей, конечно, не выдал гордого зверя.

Он шёл домой, думал про красного лиса и вспоминал бродячую собаку, которую он видел всего один раз, а потом часто жалел. Он тогда словно предчувствовал, что его ждёт такое же одиноче-

ство. Если бы он снова встретил эту дворнягу, то они бы поняли друг друга и собака бы не испугалась, не убежала, как бессловесный лис.

И снова его размышления были прерваны, на этот раз топотом и громкими криками. Навстречу нёсся, прижав к груди охапку цветов, дылда. За ним, отстав на два шага, бежал парень в клетчатой кепке. А дальше гнались со всех ног ребята, крича: «Держи!.. Держи!..»

Сергей сразу узнал цветы. Белые розы из их школьного сада! Девчата из десятого вырастили новый сорт. Хотели подарить на прощание учителям. А эти варвары обломали, наверно, целый куст.

Сыроежкин побледнел. Он оглянулся: никого вокруг. А дылда бежал прямо на него, и было уже слышно, что дышит он хрипло и прерывисто, как паровоз. Заметив два кулака и решительное бледное лицо, он сделал скачок и миновал Сыроежкина. Но Серёжка успел подставить ножку парню в кепке. Тот растянулся и выронил два белых цветка.

В следующую минуту всё смешалось вокруг Сыроежкина. Парень в кепке вскочил и бросился на врага. Сыроежкин оказался в железных объятиях.

— Ага, попался! — неожиданно закричал парень. — Ребята, я поймал сообщника!

К своему ужасу, Серёжка узнал десятиклассника Махмутова, школьного боксёра. Что он наделал! Подставил ножку своему! А всё из-за дурацкой кепки, надвинутой на самые глаза. Из-за неё не признал Махмутова.

Подскочили ребята, зашумели:

— Держи крепко! Не упусти! Потом с ним потолкуем…

И вдруг басок:

— Да это из нашего класса! Сыроежкин!

Неожиданным спасителем был Макар Гусев. Как и все, красный от бега и ужасно злой, он накинулся на Серёжку:

— Ты что, с ума сошёл! Кому дал подножку!

— Я думал, он жулик, — уныло оправдывался Сыроежкин. — Не разглядел… Отпусти! — просил он Махмутова.

Но тот подозрительно косился на него и не разжимал железных тисков.

А дылда с розами как сквозь землю провалился. Ребята растерянно оглядывали пустынную улицу. В суматохе никто не заметил, куда делся похититель.

Тут Сыроежкин вырвался наконец из боксёр-

ских объятий и закричал:

— Он в подъезде! Я видел! — И Серёжка помчался к подъезду, с радостью слыша за собой топот.

Ступеньки, ступеньки, бесконечные ступеньки… Он бежит очень быстро, но его обгоняют, жарко дышат в спину и снова обгоняют. Теперь они все вместе, и это его товарищи рвутся наверх изо всех сил. Но что, если он ошибся? Что тогда?..

Нет, он не ошибся! Вон кричит громовым голосом Махмутов:

— Стойте! Живьём возьмём!.. Цветы не мните!..

Звуки борьбы, кряхтенье, густые клубы пыли, повалившие с чердачной лестницы, свидетельствовали о том, что варвар решил не сдаваться живым. Потом всё сразу стихло, и мимо Сыроежкина, застывшего на лестничной площадке, провели верзилу. На него просто жалко было смотреть — такой он был бледный и перемазанный с ног до головы.

Хромая, спустился Махмутов. Он был без кепки. Её бережно нёс Макар Гусев.

Махмутов увидел Сыроежкина, сверкнул глазами.

— На2! — Он сунул ему в руки то, что ещё недавно было букетом, жалкие, помятые прутья.

«Эх ты, — сказал себе Сыроежкин. — Даже букет

спасти не мог… Теперь все в школе будут спрашивать, как это я подставил ножку своему… Да что там цветы! Если ребята узнают… про Электроника, про обман… — Сергей поёжился. — Нет, надо быть решительным. Надо исчезнуть!»

И сразу спокойно стало на душе Серёжки. Придя домой, он лёг на тахту, стал думать о своём будущем. Завтра он садится в поезд и уезжает в Мурманск. Там живёт Сима Маликов, приятель по черноморскому лагерю. У Симы можно будет остановиться, пока пойдут переговоры с Полярным управлением. «Я круглый сирота, — скажет он, — один на белом свете. И прирождённый полярник. Зимой хожу без шапки. Могу работать кем угодно. Если надо учиться — выучусь». А Симе Маликову можно хоть сейчас позвонить. Достаточно набрать на телефонном диске номер города, как будет тонкий гудок — Мурманск на проводе. И набирай Симин номер. Но лучше, пожалуй, не звонить, а приехать внезапно, без лишних расспросов.

Сергей подошёл к телефону и вызвал справочное бюро вокзала.

— Когда уходит поезд в Мурманск? — спросил он.

— Поезд номер шестнадцать отправляется с

третьего пути в двенадцать часов пять минут.

Автомат говорил немного гнусаво, как обычный вокзальный репродуктор.

— А на завтра билеты есть?

— Есть. Хотите заказать?

Отступать было поздно. Серёжка решительно сказал:

— Да!

— Записываю…

— Пожалуйста, один билет…

Автомат выслушал Сыроежкина и бесстрастно повторил:

— Один билет на имя Сыроежкина Сергея Павловича. Можете получить за полчаса до отправления поезда в кассе номер один.

Ну, вот и всё. Хорошо, что это был автомат. Человек стал бы интересоваться: «А сколько вам лет?.. А вы обязательно поедете?..» И прочие глупые расспросы.

Ему ещё повезло, что родители в однодневном доме отдыха, приедут только завтра после работы. Он успеет дать точные инструкции Электронику, как вести себя с родителями. А то в последнее время отец и мать стали очень уж недоверчивыми. Мама, например, говорит: «Серёжа, ты разве не слышал, как я окликнула тебя на улице? Почему

ты убежал? И каким образом на тебе оказалась синяя куртка, которую я отдала в прачечную?»

Таких труднообъяснимых «почему» накопилось чересчур много. Почему пропал ключ от шкафа, который теперь придётся ломать? Почему исчезает временами трансформатор от холодильника и все продукты плавают в воде? Почему по ночам Сергей разговаривает сам с собой? Почему он носится целыми вечерами на улице и приходит домой, когда все спят? И так далее и так далее…

…Электроник явился необычно поздно, почти под вечер, и сразу сел за домашние задания. Серёжка не поинтересовался, где он пропадал. Завалился снова в родительской комнате на тахту и упёрся глазами в потолок. Время от времени он ощущал, как дверь приоткрывается и Электроник смотрит на него. Словно ждёт расспросов. Или, может быть, Электроник чувствует себя виноватым, что заставил друга так долго ждать? Но ему и это безразлично.

И вот Электроник доложил:

— Уроки приготовлены. Решил всё быстро, а писал медленно.

— Хорошо, — равнодушно отозвался Серёжка.

Он помолчал немного, но вдруг вспомнил про

красного лиса и оживился.

— Ты знаешь, я видел в парке твоего лиса. Он долго смотрел на меня.

— Он был частью меня, — сказал Электроник, — самостоятельной частью. Он очень хорошо двигался. К сожалению, он не умеет разговаривать.

— Да, он сразу же убежал, как только я открыл рот.

— А как он сейчас бегает? — спросил Электроник.

— Отлично! Он самый быстрый в мире лис.

— Значит, он всё ещё решает свою задачу, — спокойно заметил Электроник. — В конце концов, он даст науке очень интересные сведения.

— Дело не в этом, — сказал Сергей. — Он очень одинокий…

Громко зазвучала эстрадная музыка: это Электроник включил внутри себя транзистор. Сергей не шевельнулся. Тогда Электроник, посмотрев на друга, выключил музыку и сказал:

— Я сидел в сурдокамере. Поэтому опоздал.

— В подвале? — лениво поинтересовался Сыроежкин.

— В подвале.

Этот трюк Сыроежкин хорошо знает. Когда ре-

бята играют в космонавтов, каждого по очереди запирают в сурдокамеру, куда не проникают ни свет, ни звуки из внешнего мира. Иначе говоря, запирают в подвале. Для тренировки воли. Темень там такая, что хоть час просиди с широко открытыми глазами — ничего не увидишь. И звуков никаких нет, только мыши иногда пробегают. У кого нервы слабые, тот не выдерживает: барабанит в тяжёлую железную дверь. И его выпускают на все четыре стороны: из игры выбыл. А кто просидит в подвале больше получаса, когда выходит на свет, то идёт по двору как пьяный: ничего сначала не видит.

— И сколько ты сидел?

— Три часа, — говорит Электроник. — Я всех победил.

Серёжка зевнул и перевернулся на другой бок.

— Ты заболел? — хрипло спросил Электроник.

— Нет, я здоров.

— О чём ты думаешь?

— Знаешь, Электроник, ты словно мои родители: заболел… о чём думаешь… Я изобретаю машину времени.

Сыроежкин ожидал, что Электроник скажет: «Пустое занятие. Никакой машины времени не может быть». И отстанет с расспросами. Но Элек-

троник спокойно заметил:

— Такая машина скоро будет.

— Фантазия. — Сыроежкин махнул рукой.

— Нет, не фантазия. На ней можно попасть в будущее.

— А в прошлое? — Сыроежкина больше интересовало прошлое. Вот бы рвануть на две недели назад и всё начать сначала.

— В прошлое нельзя. Ведь это сверхбыстрая ракета.

— А-а… ракета… Так какая же это машина времени?

— Самая обыкновенная. — Электроник говорил уверенно, будто отвечал давно знакомую, проверенную веками теорему. — Когда ракета летит со скоростью, близкой к скорости света, то время в ней течёт медленнее, чем на Земле. Предположим, космонавты летят к центру Млечного Пути. Они постареют в полёте всего на двенадцать лет, а на Земле пройдёт двадцать тысяч лет. Двести веков.

Сыроежкин свистнул и приподнялся на локте.

— А ты не заливаешь?

— Я говорю всегда точные и проверенные сведения, — сказал Электроник своим обычным ровным тоном. — Замедление времени в сверх-

быстром полёте предсказано великим физиком Эйнштейном. И уже проверено.

— Да нет, Электроник, ты меня не так понял… — стал оправдываться Серёжка, словно его друг на самом деле обиделся. — Я хотел сказать, что очень уж много веков проходит на Земле. Вернёшься, а все знакомые давным-давно умерли. Нельзя ли слетать лет на пять?

— Можно и на пять.

Сыроежкин представил, как возвращается из космического полёта. Забылись все его грехи, снова начинается хорошая жизнь. Он ходит в школу, рассказывает всем о своих приключениях и дружит с Электроником, который не отвечает за него на уроках, а лишь подсказывает решения труднейших задач… Только вряд ли есть сейчас такие сверхбыстрые ракеты. Он что-то не слышал о них.

Электроник подтвердил его подозрения.

— Да-а… — только и сказал Сыроежкин, и это значило: зачем тогда говорить, раз их нет!

Прощальный вечер наших друзей прошёл в деловых разговорах. Был составлен подробный план жизни Электроника на ближайшие два-три месяца. Серёжка не решился сказать, что уезжает на долгие годы. Чего доброго, Электроник не со-

гласится. А так, на два-три месяца, Электроник не возражал. Он уже вошёл в роль.

И Серёжка долго рассказывал Электронику обо всей своей жизни, что он только о ней знал. Электроник составил себе полную, ясную картину о человеке, которого отныне он должен был представлять. Жизнеописание Сергея Павловича Сыроежкина так удачно уложилось в его памяти, что он мог подробно обрисовать любой эпизод, ведя рассказ, естественно, от первого лица.

«Чтоб я сломался, если выдам тайну» — эта клятва не только сохранялась, она стала самой жизнью. Отныне Электроник должен был забыть, кто он такой. Забыть навсегда.

Наш беглец проворочался в постели до рассвета, потом ненадолго забылся. Когда он открыл глаза, Электроника не было. Нет, не Электроника! Сыроежкина уже не было в комнате.

Сергей Сыроежкин, семиклассник школы кибернетиков, ушёл во Дворец пионеров. Там сегодня Вопросительный день: встреча с академиками, научные разговоры — словом, обычные школьные дела. А здесь, в квартире на Липовой аллее, был тот, кто раньше звался Сыроежкиным.

Сергей впервые подумал: а кто он теперь?

Чудно! Пока что никто. Ещё не придумал себе ни фамилии, ни имени. Но несколько минут он хотел оставаться самим собой. Несколько очень важных минут.

Он подсел к телефону и в адресном бюро узнал, как позвонить в квартиру пятнадцать дома номер три по улице Геологов. Набрал номер.

— Позовите, пожалуйста, Майю.

А там его не понимают:

— Алло, алло! Повторите!

Он повторил:

— Пожалуйста, Майю.

Резкие гудки. Отбой… Что за чепуха! Он только сообразил: он говорил без голоса, совсем беззвучно.

Сергей сказал вслух:

— Чепуха!

Получилось.

— Майку к телефону!

И это получилось. А вдруг, когда он возьмёт трубку, снова пропадёт так нужный сейчас голос?

На этот раз его услышали. Приятный бас ответил:

— Сейчас.

Сей-час. Вот она идёт по коридору в голубом

платье, отражается в зеркалах и думает: кто это?

— Да-а.

— Здравствуй, Майя.

— Здравствуй! Кто это?

— Это Сергей, — глухо сказал он.

— Какой Сергей?

— Сыроежкин.

— А, здравствуй, Серёжа!

Ему стало и радостно и грустно.

— Я уезжаю, — сказал он.

— Далеко?

— В Мурманск.

— На гастроли? С цирком?

— Не совсем так. Я не тот… Я не фокусник.

— Ну конечно, — сказала Майя. — Ты ведь где-то учишься.

— Да, в школе кибернетиков, в седьмом. А ты?

— И я в седьмом. В химической.

— Интересная наука, — ни с того ни с сего ляпнул Серёжка и обругал себя: химию он ненавидел.

— А я, представь, совсем не люблю химию. Хочу через год куда-нибудь переходить, — призналась Майя.

— Вообще-то да, не совсем… — глупо промямлил Серёжка и вдруг перешёл на бодрый тон: — Пе-

реходи к нам! Нет, серьёзно. У нас знаешь… — Он осёкся, помолчал. — Вообще-то ты меня никогда не видела. Я хочу попрощаться.

— Ничего не понимаю, — сказала Майя. — Ты разве не будешь сегодня на Вопросительном дне?

— Не знаю…

— Я что-то ничего не понимаю, — повторила Майя. — Если ты, Серёжа, не шутишь и хочешь со мной попрощаться, приходи на Вопросительный день.

…До поезда оставалось три часа. За это время надо было решить только одну задачу. Самую трудную в его жизни.

Вопросительный день

Любой ученик, живущий на Липовой аллее и соседних с нею улицах, с удовольствием расскажет, что такое Вопросительный день.

«Это день особенный. Во-первых, мы не учимся. Во-вторых, мы задаём вопросы — какие хотим. А в-третьих, нам отвечают выдающиеся люди. Жаль только, что в году всего четыре Вопросительных дня — первая суббота каждого третьего месяца. Ждёшь, ждёшь — не дождёшься».

К этому можно добавить, что во всех школах на самом приметном месте висят ящики голубые, розовые, белые или жёлтые. И в эти ящики с большими вопросительными знаками ребята опускают свои листочки. Сотни «почему», «как» и «зачем» ожидают очередного Дня вопросов и ответов — так называется официально необычная суббота. Но ребята окрестили её по-своему, и все, даже учителя, привыкли говорить: «Вопросительный день».

И вот, как всегда, минуло три месяца, наступила особенная суббота. Школьники шли и шли к Дворцу пионеров, украшенному цветной, искрящейся на солнце мозаичной картиной: горн,

барабан, летящий спутник, шар Земли, звёзды Вселенной. А внутри, за стеклянными дверями, гостей встречали два автомата-марсианина. Их прозвали так за голубовато-серые туловища, стоявшие на трёх ногах, овальные телеэкраны, напоминающие голову в скафандре, и длинные усы антенн. На груди марсиан — телефонный диск. Подойди, набери номер любого вопроса, указанного в картотеке, и приятный голос сообщит, что такое фотон, какова траектория полёта к Луне и сколько на нашей планете людей. А экран покажет чертежи, рисунки и кинокадры.

Как видите, марсиане тоже отвечали на вопросы. Но сегодня, за полчаса до звонка, марсиане были посрамлены. Обыкновенный семиклассник из школы кибернетиков давал ответы быстрее автоматов. Почему летают бабочки, сколько льда в Антарктиде, есть ли скорость больше скорости света — ни один вопрос не смущал храброго семиклассника. Электроник — это был, конечно, он — трещал, как пулемёт, заглушая марсиан. Правда, не все слушатели его понимали, потому что он говорил очень быстро и у него получались примерно такие фразы: скорость света триста тысяч километров в секунду, — но все хлопали победителю от души.

— Ваш Сыроежкин — голова. Просто ходячая энциклопедия, — говорили ребята из других школ кибернетикам.

— Подождите, ещё не то будет! — многозначительно отвечали кибернетики.

Звонок оборвал игру, приглашая в зал, где на сцене за длинным столом собрались учёные, инженеры, писатели — словом, выдающиеся люди.

Поднялся седой человек с резкими морщинами на лице. Академик Немнонов не впервые председательствовал на Вопросительном дне, и всё же, прежде чем начинать, он внимательно оглядел ряды, увидел сотни глаз — весёлые и внимательные, озорные и задумчивые, прищуренные и широко открытые.

Сидящим на сцене показалось, что чуть разгладились глубокие морщины на лице академика. Немнонов кашлянул в кулак и стремительно спросил:

— Скажите, пожалуйста, есть ли в зале люди, которые думают, что в науке всё открыто? Если такие есть, пусть поднимут руки!

Гул удивления был ему ответом. Ни одна рука не поднялась.

Академик улыбнулся.

— Спасибо, друзья мои! — сказал он. — Разреши-

те начать. Когда я и мои товарищи ознакомились с вашими вопросами, мы вспомнили забавную историю. В прошлом веке в одной западной стране родители отдали мальчика в школу. Спустя некоторое время к ним в дом явилась учительница. Она сказала очень вежливо, но смысл её слов был такой: «Мне очень неприятно говорить это, и всё же ваш сын настолько глуп, что продолжать его обучение просто бессмысленно». Естественно, что родители очень огорчились. Однако они послушались учительницу и забрали сына из школы. Этого мальчика… — академик сделал паузу и быстро проговорил в микрофон: — звали Томас Алва Эдисон.

Взрыв весёлого смеха грянул в зале и смолк. Что же дальше?

— Так вот, — глаза академика хитро прищурились, — прочитав ваши вопросы, мы подумали: а что бы сказала о них та самая учительница? Наверняка она бы воскликнула: «Боже мой, сколько глупых вопросов и ни одного умного!» — Немнонов опять помедлил и неожиданно заключил: — Молодцы, ребята! Продолжайте в том же духе!

Ну и смешливые эти глазастые мальчишки и девчонки! Шути с ними хоть весь день, и им не

надоест веселиться. Академик подумал: что, если бы смех был чем-то видимым? Если бы, например, он рождал лёгких, как солнечные пятна, зайцев, то сотни, тысячи золотистых теней пронеслись бы сейчас по залу, прыгнули в двери и окна и поскакали по улице, кувыркаясь и веселя прохожих.

— Переходим к вопросам, — деловито сказал академик, и глаза, устремлённые на него, снова стали внимательными. — Вопросов очень много, все они любопытны и требуют размышлений. И хотя мы разбили их на группы, пришлось пригласить специалистов из разных областей науки, производства, искусства и литературы. Это нас радует. Я недаром спросил в начале беседы, всё ли мы знаем о природе и думает ли кто-нибудь, что все открытия уже сделаны. Ваше красноречивое молчание и ваши вопросы убеждают, что скептическая поговорка «ничто не ново под луной» безнадёжно устарела.

Академик стал читать записки ребят.

«Я слышал, — говорилось в записке семиклассника Юрия Боброва, — что в ножке простого стула заключено столько энергии, сколько даёт Братская ГЭС за несколько лет. Верно ли это?» И второй вопрос из школы номер три: «Можно ли

превратить Луну в электростанцию Земли, чтобы она собирала солнечное тепло и передавала нам электричество? Ведь Солнце посылает на Землю столько тепла, что каждые две с половиной минуты можно кипятить озеро Севан».

— Я думаю, — сказал председатель, — что академик Пётр Иванович Сомов расскажет нам о важнейших проблемах физики и энергетики: о термоядерных реакциях, о преобразовании солнечного тепла в электричество и о других перспективных источниках энергии. И мы вместе поговорим о том, как человечество с помощью грандиозного моря электроэнергии готовится управлять климатом, получать богатейшие урожаи круглый год, заселять другие планеты.

Ещё несколько записок упомянул Немнонов. Вопросы к медикам: «Можно ли на время длительных космических полётов усыплять или замораживать человека?», «Достаточно ли космонавту в состоянии невесомости двух часов сна?», «Как продлить жизнь человека?»

Вопросы к писателям-фантастам: «Как придумать то, что не предсказано наукой?», «Как работал Жюль Верн?».

Обращение к физикам: «Что такое искусственный нос?», «Можно ли создать запахотелескоп,

чтобы принюхаться к другим планетам?»

— Я не буду читать все записки, — продолжал Немнонов. — Отмечу лишь, что среди них очень много вопросов по кибернетике. И хотя здесь сидят будущие физики и химики, инженеры и врачи, педагоги и биологи, я напомню историю слова «кибернетика». Греческое «кибернос», которое встречается ещё у древнего философа Платона, переводится как «кормчий», «рулевой», «человек, управляющий кораблём». Это очень удачный образ, и, по-моему, он относится не только к кибернетикам, но и ко всем вам. Представьте, что отправляется в большое плавание большой корабль. Тысячи людей заняты сборами и приготовлениями. Прощальный салют орудий, и корабль выходит в океан. Впереди у него тысячи миль трудного пути, неоткрытые земли, таинства природы... И успешное плавание этого корабля зависит от всего экипажа — от матроса до капитана. Будут сменяться у штурвала рулевые, будут ветры и штормы, и обязательно будет радостный клич вперёдсмотрящего: Земля!.. Таким кораблём мне представляется современная наука. И вы все в ней будете кормчими, ибо вопросы, проекты и гипотезы, обсуждаемые сегодня, — это то наследие, которое учёные оставляют вам, на-

шей смене. Плывите дальше!

Пока академик шутливо отмахивался от аплодисментов, над сценой вспыхнули электрические лампочки, образовав слова первых вопросов:

КАКИЕ АВТОМАТЫ ПРИМЕНЯЮТСЯ СЕЙЧАС В ЖИЗНИ?

КАКИЕ ЗАДАЧИ ПОД СИЛУ ЭЛЕКТРОННЫМ МАШИНАМ?

КИБЕРНЕТИКА – ЭТО НАУКА ВСЕХ НАУК?

— На эти вопросы, — сказал председатель, — ответят инженер Иван Александрович Глушков и кандидат наук Александр Сергеевич Светловидов.

В глубине сцены раздвинулся занавес, и на тёмном фоне ясно обозначились пять жемчужно-матовых экранов: один большой — в центре и четыре поменьше — по бокам. Одновременно экраны засветились, и, хотя солнце по-прежнему било в окна, появившиеся цветные изображения были чёткими, объёмными.

На каждом экране шёл свой фильм, но это не мешало внимательным зрителям наблюдать за всеми хитроумными машинами и слушать пояс-

нения инженера Глушкова. Наоборот: казалось бы, разные кадры создавали целостную картину мира электронных помощников человека.

…Горят ярким блеском раскалённые балки. Вот они входят на прокатный стан и появляются уже в виде тонких железных листов, а управляет этим процессом приземистый шкаф-автомат… Стоят в степи сотни вышек. Включает и выключает их, гонит нефть по трубам электронный диспетчер… Бегут по рельсам поезда, едут по улице троллейбусы и электробусы — их ведут тоже роботы… Остановившееся сердце тяжелобольного человека заменяет электронный приборчик. Жив человек, не умер!.. А рядом другая машина просматривает коллекции геологов и подсказывает, где искать уголь, где — нефть, где — алмазы…

Теперь ведёт рассказ Александр Сергеевич Светловидов. Скользя по экранам лучом фонаря-указки, он очень сжато и ясно говорит о том, как помогают электронно-вычислительные машины учёным: не только собирают материалы, обобщают факты, продумывают варианты, но и занимаются творчеством — дают новое решение проблем. Машины уже нашли такие доказательства теорем, которые никому из математиков не приходили в голову. Они просматривают

за физиков фотографии элементарных частиц, сортируют их и высказывают своё мнение. И учёные, поблагодарив своих думающих помощников за открытие неизвестного прежде и за сэкономленное время, берутся за столь сложные теории, которые ещё недавно были недоступны человеку.

Экраны гаснут, и все видят в руках Светловидова два небольших предмета, похожих на книгу и чемоданчик.

— Это тоже вычислительные машины, — говорит Светловидов. — Они просты, удобны и необходимы в работе инженерам и филологам, археологам и экономистам.

— И школьникам. Очень удобны для подсказки, — вставляет академик Немнонов, к общему удовольствию ребят. — Правда, пока заложишь в такую машину знания, глядишь — и сам всё выучил.

Светловидов, улыбнувшись вместе со всеми, повернулся к экранам, нажал кнопку на пульте и ввёл зрителей в просторные залы Вычислительных центров — в электронный мозг страны. Здесь составляются планы транспортных перевозок и сельскохозяйственных посевов, планы работы заводов и планы добычи полезных ископаемых.

Вся жизнь страны отражена в математических знаках программ и сведений. День и ночь считают быстродействующие машины — ищут решения тысяч и тысяч задач, чтобы как можно лучше работали станки, тракторы, мартены, электростанции, чтобы ровно бился пульс могучего государства.

— Как видите, кибернетика всесильна, — так закончил своё выступление Светловидов. — Она родилась в ответ на потребность улучшить управление сложными процессами и операциями. И она всесильна только в содружестве с другими науками. А электронно-вычислительные машины, которые вы видели, освобождают человека от сложного физического труда, чтобы он мог больше заниматься творчеством.

И в этот момент уже зажглись новые вопросы:

РАССКАЖИТЕ ПРО ОБУЧАЮЩИЕСЯ МАШИНЫ. КАК ОБЛЕГЧИТЬ ОБЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С МАШИНОЙ? МОЖНО ЛИ СОЗДАТЬ ЭЛЕКТРОННОЕ ПОДОБИЕ ЧЕЛОВЕКА?

— Мы попросим выступить профессора Громова, — сообщил председатель. — Гель Иванович Громов живёт в Сибири, он не частый гость у

нас. Но он приготовил для наших школьников замечательный сюрприз. Словом, профессор сам всё расскажет.

— Прежде всего, — начал профессор Громов, — должен вас предупредить, что речь пойдёт о неудавшемся сюрпризе, поэтому у этой истории грустный конец.

Профессор рассказал историю Электроника. У ребят запылали щёки, разгорелись глаза. Вот так Электроник, вот так молодец-сорванец! Будто настоящий. Будто живой. Как они сами… Жаль, что нельзя его сейчас увидеть… пожать руку… поболтать… побегать наперегонки. Очень жаль…

Все сидели притихшие, когда Громов кончил говорить.

— Я уверен, что Электроник объявится сам, — шутливо заметил председатель. — А сейчас, ребята, вы будете приятно удивлены. На следующий вопрос отвечает не учёный, не инженер, а ваш коллега — ученик седьмого класса Сергей Сыроежкин. Он будущий кибернетик и расскажет вам, как научиться понимать тигров, носорогов и прочих диких зверей. Пожалуйста, Серёжа.

Многие не поверили своим ушам. Но к трибуне действительно вышел мальчик в синей курточке. Ребята из школы юных кибернетиков

заулыбались, многозначительно закашляли, с гордостью посмотрели на соседей. Профессор Громов вспомнил знакомую фамилию. Он усмехнулся, прищурил близорукие глаза и ободряюще кивнул докладчику.

— Способны ли животные разговаривать? — начал хрипло маленький докладчик. — Я должен сказать…

— Подождите! — раздался вдруг громкий крик. — Постойте! Я всё объясню!..

По проходу бежал какой-то мальчишка. Это кричал он, отчаянно махая руками. Кто вскочил, кто повернул голову. Председатель встал. А профессор Громов выронил трубку, которую вертел в руках, и полез в карман за очками.

«Сыроежкин – это я...»

Первой, кого увидел Сыроежкин, вбежав в большой зал, была девочка в голубом платье. Она стояла у самой двери, прислонившись к колонне, и широко открытыми глазами смотрела на Серёжку. Потом обернулась к сцене, и глаза её стали ещё больше, ещё удивленнее.

Серёжка тоже взглянул на сцену и побледнел: на трибуне перед всем залом выступал Электроник! Тут Сергей сорвался с места и, сам не понимая, что делает, побежал к длинному столу, за которым сидели какие-то люди. Он не слышал своего громкого крика, он только хотел быстрее добежать до стола.

В полной тишине встал Серёжка перед седым человеком, внимательно смотревшим на него, опустил голову и чуть слышно сказал:

— Сыроежкин — это я...

Сыроежкин сказал почти шёпотом. Но его услышали. И все вдруг заметили, как похож он на мальчика, стоявшего на трибуне.

Академик Немнонов глядел то на одного, то на другого Сыроежкина и почему-то молчал.

— Близнецы! — громко сказал один из зрите-

лей. — Это нечестно!

— Нет, не близнецы! — прозвучал голос профессора. Громов встал, подошёл к краю сцены. — Не спешите делать выводы, друзья. Сейчас вы всё поймёте.

Глаза Громова сияли. Всего несколько шагов отделяли его от мальчишки, который несколько минут назад выступал под именем Сергея Сыроежкина. Профессор обратился к нему:

— Мальчик, скажи, пожалуйста, каким днём недели было первое января сто восьмидесятого года?

— Пятница, — не задумываясь, сказал мальчик в синей куртке.

— Сумма трёх чисел — сорок три, — продолжал профессор, — а сумма их кубов — семнадцать тысяч двести девяносто девять. Что это за числа?

— Двадцать пять. Одиннадцать. Семь, — моментально ответил мальчик.

Потом Громов попросил извлечь корень двадцатой степени из числа в сорок две цифры, и опять ответ последовал немедленно.

— Человек-счётчик? — предположил один старшеклассник.

Профессор покачал головой.

Как вдруг кто-то нерешительно сказал:

— Электроник?

И все разом загалдели:

— Да! Да! Электроник!.. Электроник!.. Это он!.. Точно!.. Смотрите! Это же Электроник!..

Словно обвал загремел в горах или пополз вниз ледник — такой поднялся шум.

Председатель взял микрофон и крикнул:

— Объявляется перерыв!

Он смеётся!

А Сергей всё стоял с опущенной головой.

Любопытные мигом окружили профессора и Электроника. Как снежный ком, этот сплошной круг спин всё рос и рос, медленно подвигался к дверям и, наконец, с трудом протиснувшись в них, выкатился в фойе. Академик Немнонов и его коллеги удалились в маленькую комнату за сценой, оживлённо обсуждая происшествие. Ушли все. А Серёжка всё стоял.

Кто-то взял его под руку, спросил:

— Пойдём?

Это был Таратар. Сыроежкин растерянно взглянул на учителя, отвернулся. По его щекам пробежали две крупных слезы.

— Ну что ж теперь делать, — мягко говорил Таратар. — Ты хотел скрыть от всех свой секрет, и это некоторое время удавалось благодаря искусству профессора. А потом Электроника увидели сотни глаз и разгадали, кто он такой. Ты молодец, Сыроежкин! — неожиданно заключил Таратар.

— Я? — Серёжка от удивления вспыхнул. — Почему?

— Мы, учителя, и, я думаю, твои родители рады

за тебя, — продолжал Таратар, — что ты нашёл в себе мужество всем сказать правду.

— Значит, вы знали?

— Догадывались. Причём только в самые последние дни. Но мы не представляли, кому принадлежит Электроник и откуда он взялся... Я слышу, он в холле. А ну за мной! Тебе надо увидеться со своим Электроником.

— Ничего он и не мой, — пробормотал Сыроежкин, плетясь за учителем.

— Ты первый с ним подружился, — сказал Таратар. — Все это знают.

— Мало ли с кем я подружился, — ворчливо отозвался Серёжка, не отставая от учителя.

— Но ты же решил, что теперь Электроник будет самим собой. По-моему, тебе надо с ним поговорить.

— Ага! — сказал Серёжка и бросился к дверям.

Сначала Сыроежкин увидел одни спины. Он нагнулся, нырнул под чей-то локоть, наступил кому-то на ногу, постучал по чьей-то спине, опять нырнул и вышел в круг. Посреди круга стояли Громов и Электроник, а перед ними кролик, черепаха, фламинго, мышь и другие звери. Точнее, это были не настоящие звери, а мальчишки и девчонки в картонных масках и костюмах — артисты

пионерского театра, которые давали представление малышам. Они, видимо, не сидели в зале и только сейчас услышали, кто такой Электроник, а потому не верили своим глазам.

— Ну скажи, — настаивал кролик, — скажи, кто я такой?

— Ты человек в маске трусливого кролика, — хрипло ответил Электроник.

— Но я совсем не труслив! — возмутился артист.

— А я и не говорю, что ты трус, — заметил Электроник. — Ты сейчас кролик, а кролик всегда труслив.

Ребята расхохотались.

— Электроник, а я? — спросила черепаха.

— Ты — мудрая черепаха. Ты или прячешь на дне пруда золотой ключик, или, взобравшись на камень, вспоминаешь свою жизнь.

— А я?

— Ты — мышь. И больше всего на свете боишься кошки.

Артисты удивились:

— Верно! Он всё угадал, хотя не видел пьесу. Сразу видно, как он хорошо соображает.

— А где же Майя? — спросил кролик и крикнул: — Майка-а!

— Я здесь, — прозвучало за спинами.

Ребята расступились, пропуская вперёд девочку в голубом платье.

— Это наша главная артистка, — представил кролик девочку в голубом платье. — А это Электроник.

— Мы знакомы, — улыбнулась голубая девочка и, вынув из кармана прозрачный платок со смешной мордочкой и монограммой «Электроник», спросила фокусника: — Узнаёшь?

— Ого! — удивился Громов. — Оказывается, у Электроника уже много приятелей. Не вижу только самого лучшего друга — Сергея Сыроежкина.

Какая-то сила сдавила горло Серёжки. Он шагнул вперёд и, судорожно глотнув, пробормотал:

— Я здесь.

— Так, так, так… — весело сказал профессор. — Вот он, живой двойник Электроника, из-за которого произошло столько путаницы!

Сыроежкин моргал и изо всех сил старался казаться спокойным.

— Не будем вспоминать прошлое, — миролюбиво предложил профессор и похлопал Сыроежкина по плечу. — Ты должен знать, в чём силён Электроник. Скажи ребятам.

Сыроежкин улыбнулся:

— Он лучший в мире математик. Лучший фокусник. И лучше всех понимает язык зверей.

— Вот как! — вскричал артист в маске кролика. — Это мы сейчас проверим! А ну, Электроник, угадай, что я сейчас скажу. — И кролик зарычал грозно и страшно, словно он был тигром: — Р-р-р-р!..

— Ква-ква-ква-ква! — подхватила черепаха.

— Мяу, мяу… — требовательно мяукнула мышь и зашипела: — Ш-ш-ш, с-с-с…

Зрители засмеялись. А Электроник стоял совсем спокойный. Он даже не улыбнулся.

— Почему он не смеётся? — закричали артисты. — Мы стараемся, играем, а он не смеётся!

— Видите ли, — смущённо развёл руками профессор. — Это моя оплошность. Я не предусмотрел в Электронике чувства и эмоции. Я думал, что от них он может перегореть. Как видно, я ошибался.

— Но он совсем как живой, — зашумели мальчишки и девчонки. — В нём должны быть смех, и улыбки, и веселье. Они где-то есть в нём! Только он этого не знает!

— Ребята! — крикнул Сыроежкин. — Давайте развеселим Электроника!

И он заскакал на одной ножке вокруг Электроника и запел что-то весёлое, что пришло сразу в голову:

Электроник, Электроник
Только вылез из пелёнок…
Всё равно он лучший в мире
Математик и сатирик!

Что тут началось! И будущие биологи, и кибернетики, и инженеры, и врачи сразу забыли о своей великой роли в науке. Они поскакали, как козлы, замахали крыльями, как петухи, стали бороться, как медведи. Кудахтали, аукали, ревели, мяукали, пели, показывали друг другу носы и кривлялись. Кто-то боксировал с невидимым противником, кто-то ходил на руках, кто-то балансировал линейкой на носу. Словом, поднялась весёлая суматоха.

А Громов заразительно хохотал. И академик Немнонов, явившийся на шум, смеялся. И Тарзатар забавно шевелил усами. И все остальные, кто видел эту кутерьму, не могли сдержать улыбок и смеха.

Смех струился вокруг безмолвного, неподвижного Электроника. Он пронизывал всех и каждого, заражал азартом, радостью, силой. Вон он! Ха-ха!

Он существует! Его почти можно пощупать. Протяни только руку, и сразу поймаешь это «ха-ха»!

Вырвался из клубка тел взъерошенный Макар Гусев и заревел басом, указывая на Электроника:

— Смотрите! Он смеётся!!!

Электроник улыбался…

— Ура! — крикнули ребята. — Он смеётся! Ура, ура, ура!..

И разом смолкли. Потому что Электроник вдруг подпрыгнул и сказал чётко и раздельно:

— Ха. Ха. Ха.

Потом Электроник опять подпрыгнул и теперь уже засмеялся по-настоящему:

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

Он заскакал на одной ножке и в такт подскокам стал распевать песню, которую, наверно, только что придумал или же сочинял на ходу:

Есть город Смеха-Веселья, да, да,
Там очень чудные дворы и дома —
С цветами на крышах,
С шарами на клумбах,
С музыкой из фонтанов,
Скрипками на деревьях
И с чудаками на улицах.

Там бабушки скачут через скакалку,
А дедушки бегают, словно мальчишки.
А самые старые, с ревматизмом, —
Те палками крутят, как дирижёры,
И выбивают музыку из всех садовых скамеек.
Там Солнце с Луной никогда не расстанутся,
Там звёзды сияют и ночью и днём,
Сверкают улыбки,
Смеются девчонки,
Хохочут мальчишки,
И смех – будто гром.
Веселья и радости хватит на всех.
Да здравствует смех! Долой антисмех!

И все вокруг Электроника подхватили:

— Да здравствует смех!

А потом долго хлопали сочинителю.

Электроник поклонился, подошёл к другу, прошептал ему на ухо:

— Стихи — наиболее сжатая форма подачи информации. Никогда раньше не сочинял. Не знаю, как получилось.

— Ты лучший в мире поэт, Электроша! — убеждённо ответил Сыроежкин.

Академик Немнонов отвёл в сторону Громова.

— Откровенно говоря, Гель Иванович, — сказал он, — я только сейчас понял, какое любопытное существо ваш Электроник.

— Представьте, и я об этом раньше не догадывался, — шутливо отозвался Громов и приложил палец к губам: — Тс-с… Держите это в секрете.

И в тот же момент их окружили ребята. Они хитро посматривали на учёных и молчали.

— Что? — спросили хором профессор и академик.

— Видите ли, Гель Иванович и Семён Семёнович, — сказал Таратар, — у ребят есть к вам большая просьба. Раз всё так случилось, оставьте Электроника нам… Необязательно ему возвращаться в чемодан…

Десятки просящих, умоляющих, ждущих глаз были обращены к Громову.

— А что он будет у вас делать? — прищурился профессор.

Сыроежкин почувствовал, что пришло время ему сказать слово. Очень важное слово, от которого зависит судьба друга. Он выступил вперёд:

— Электроник будет помогать учителям! За-

ниматься с нами. Принимать экзамены. Гель Иванович, вы же знаете, какой он замечательный математик.

— Я согласен! — просто сказал Громов.

Серёжка просиял.

А кибернетики возликовали:

— Ура! Электроник наш!..

— Одну минуточку… — Академик поднял руку. — Иногда мы будем приглашать Электроника в Институт кибернетики. Нам надо советоваться с ним по некоторым важным вопросам. Вы не возражаете?

— Нет-нет! Не возражаем!

— Теперь осталось только поймать красного лиса, — сказал профессор, наклонившись к своему коллеге. — Не могу же я ждать, когда он сам сломается! Надо его перехитрить…

Девочка в голубом платье встала перед Громовым, посмотрела ему в глаза, сказала:

— Гель Иванович! Вы подарили Электроника кибернетикам. А как же мы, химики? Вы не могли бы сделать нам Электроничку?

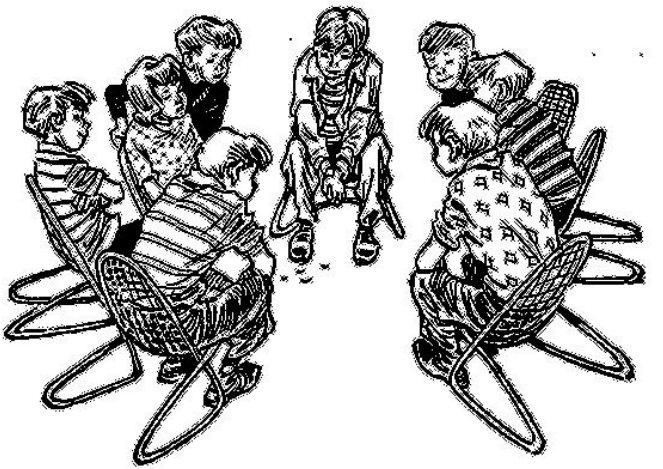
Учёные переглянулись, засмеялись.

— Послушай, Майка! — бесцеремонно обратился Макар Гусев к голубой девочке, словно знал её сто лет. — Приходи к нам. Мы все будем дружить

с Электроником.

— Можно? — спросила Майя почему-то у Серёжки, который что-то шептал Электронику.

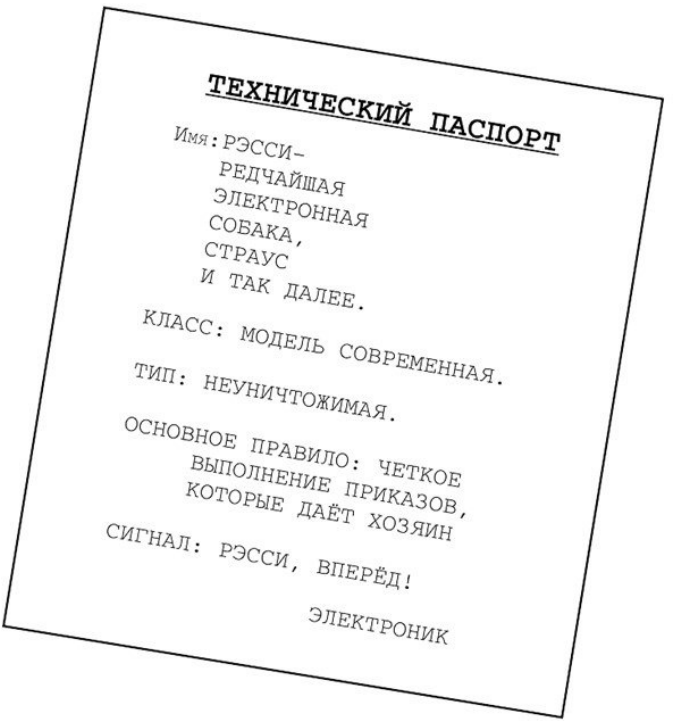
Сыроежкин даже задохнулся от такого простого вопроса. И он только хотел подтвердить то, что уже сказали его радостно вспыхнувшие глаза, как опять вмешался Гусев:



— Приходи! Мы девчонок не обижаем. Наоборот, мы будем очень рады.

— И я тоже, — сказал Серёжка и покраснел. — Ты знаешь, Майя, я ведь никуда не уезжаю…

Рэсси – неуловимый друг



ТЕХНИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ

Имя: РЭССИ-
РЕДЧАЙШАЯ
ЭЛЕКТРОННАЯ
СОБАКА,
СТРАУС
И ТАК ДАЛЕЕ.

КЛАСС: МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННАЯ.

ТИП: НЕУНИЧТОЖИМАЯ.

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО: ЧЕТКОЕ
ВЫПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗОВ,
КОТОРЫЕ ДАЁТ ХОЗЯИН

СИГНАЛ: РЭССИ, ВПЕРЁД!

ЭЛЕКТРОНИК

Глава 1

Маленький европейский аэропорт Теймер славился своёй аккуратностью.

Через несколько минут после посадки пассажиры вошли в здание вокзала. На длинной стойке были расставлены чемоданы: овальные и квадратные, расписанные орнаментом и облепленные ярлыками, плетёные и непроницаемые. Носильщики доставляли их к машинам. Чемодан, похожий на футляр контрабаса, бережно погрузили в новейший «шёл». Хозяин расплатился с носильщиками и, сдвинув на макушку шляпу, укатил на большой скорости.

Никто из пассажиров не заметил, как клетчатая сумка, стоявшая в ряду чемоданов, соскользнула со стойки и поднялась в воздух. И только когда раздался изумлённый возглас: «Что такое? Это моя сумка!» — все, кто был в зале, подняли голову и увидели клетчатую сумку, которая странным образом направлялась к открытым дверям. Вслед за сумкой носильщики, пассажиры, служащие высыпали на привокзальную площадь и убедились в удивительной способности обычной дорожной сумки, в которой может уместиться

лишь пара белья да термос. Сумка летела над крышами Теймера, набирая высоту.

— Что за шутки! — хрипел старый человек, стуча палкой о камень. — Извольте вернуть сумку! Вот квитанция!..

— Небольшое недоразумение. Сейчас выясним. Всё уладится.

Растерянный дежурный увёл пассажира в служебное помещение. Такой невероятный случай, и именно в его смену!.. Однако пропажа есть пропажа, и без полиции не обойтись.

Вертолёт полицейской службы поднялся через десять минут (полицейский инспектор подробно расспросил дежурного аэровокзала о всех деталях происшествия). В голубом небе вертолёт выглядел чудовищной жёлтой бабочкой. С металлическим треском полицейская «лимонница» пронеслась над улицей, где был замечен летящий предмет, и повисла над рекой, огибавшей старую часть города. Взлохмаченная тёмно-зелёная гора с дорогими особняками высилась за рекой; стекло, металл, полированный камень отражали солнечные лучи. Вертолётчик, щурясь, смотрел, как автомобили пересекали реку по двум мостам, поднимались в гору с разных сторон. И поскольку летать над зоной отдыха можно было лишь в

случае крайней необходимости, дежурный полицейский решил обогнуть гору от нового висячего моста, не углубляясь особенно далеко.

Спустя несколько минут полицейский с удовлетворением услышал по радио, что именно над этой дорогой постовой-регулировщик видел летящий пёстрый предмет. Теперь зоркий глаз вертолётчика скользил по крышам дач, замечал дорогие автомобили, исследовал волнистую зелень.

Чёрный «шёл» тормозит у ворот. За ним — двухэтажные дома, великанские шапки платанов, посаженных лет триста назад. Стоп! Дальше для вертолёта запретная зона, один только «шёл» может пересечь невидимую границу. Автомобиль принадлежит господину Манфреду фон Кругу — почётному доктору, потомственному барону, известному изобретателю. Как и земля, на которой прочно стоят платаны, и дома лабораторий, и само небо над ними.

Ни один мальчишка не решится перелезть через низкий бетонный забор, хотя запрещающих табличек на ограде нет. Вообще никаких официальных надписей, кроме скромной эмалированной дощечки: «Рабочие и служащие не требуются». Туристы, которые приезжают фотографироваться у ворот лаборатории фон Круга, бывают разочарованы, увидев бетонный забор. Но потом, показывая снимки знакомым, с гордостью говорят о скромности учёного. И эти фотографии вызывают гораздо больший интерес, чем костёл пятнадцатого века, картинная галерея или другие достопримечательности старинного Теймера. Манфред фон Круг! Оказывается, вот где он работает: в затенённых зеленью коттеджах совершаются мировые открытия…

Вертолёт развернулся и улетел осматривать гору с другой стороны.

На безлюдную платановую аллею, в густую траву, упала сверху клетчатая сумка. Раздался треск. Из сумки выскочил чёрный, заросший до самого носа пёс. Он отряхнулся, как делают все собаки, когда неприятности уже позади, а потом бросился бежать по аллее, где только что проехал «шёл» с грузом в багажнике. Бежал пёс неуклюже, но резво и зло, отталкиваясь от асфальта короткими,

кривыми, крепкими лапами.

По прыжкам, по особой лохматости, по машущим, как флаги, ушам безошибочно можно было определить, что это терьер. И наверное, терьер особых кровей, особой живучести, раз нашёл он в себе силы после такого ошеломительного и долгого полёта, полёта «вслепую» — в тёмной, закрытой на «молнию» дорожной сумке, — броситься по следам «шёла». Того «шёла», который он преследовал от самого аэровокзала.

Полицейский после облёта составил служебный рапорт в несколько строк. Инспектор написал на рапорте заключение: «Обстоятельства не выяснены. Сумка не найдена. Убытки пассажиру оплачены авиакомпанией. Претензий нет».

Глава 2

Человек, который привёз чемодан-контрабас, взял свою ношу и, шагая через ступеньку, поднялся по широкой металлической лестнице на третий этаж особняка.

Звали его Мик Урри. За сорок лет службы Урри сменил множество профессий: был борцом, сторожем, торговцем, наёмным солдатом, шофёром, полицейским, боксёром. В одной из африканских экспедиций, куда Урри занесла судьба ловца редких зверей, он встретился с профессором Кругом и перешёл к нему на службу. Эту работу Мик Урри считал для себя удачной: за несколько лет он стал первым помощником знаменитого барона фон Круга. Конечно, не по научным делам — здесь профессор доверял только себе, — по всем остальным. Урри был главным администратором. И хотя квадратно-непроницаемое лицо главного администратора обычно не выражало чувств, сотрудники научились угадывать, в каком он бывает настроении. Те, кто видел, как Урри вёл профессорский «шёл», конечно, понимали, что администратор чувствует себя значительной личностью.

«Урри не знает учёных формул, но что бы вы делали без Урри! — философствовал главный администратор, внося чемодан в комнату. — В этой коробке — одна железная штука, которая, как я понимаю, стоит больше, чем все ваши идеи. Мик Урри своими руками добыл гениальное открытие. Для господина профессора. Для всей вашей науки». Размышляя так, Мик Урри, как обычно, не очень-то почтительно обращался к своим учёным коллегам.

Поставив чемодан-контрабас, Урри позвонил по видеотелефону.

— Это я, господин профессор, — бодро произнёс он. — Привёз то, что обещал.

— Оставь машину в приёмной. Я жду тебя, — сказал хозяин.

Урри молча поклонился экрану. Щёлкнул замками, откинул крышку чемодана, пристально оглядел лежащего там мальчика. Электронный мальчик был очень похож на настоящего, и все же это, как говорят учёные, машина, модель. Длинными руками достал Урри из футляра модель, аккуратно уложил на диван. «Железный, а тёплый, — негромко, словно удивляясь, пробормотал Урри. — Мотор работает — значит, я хорошо довёз».

Электронный мальчик лежал без движения — ресницы опущены, рубашка чуть смялась, на ногах потрёпанные кеды. Вот эти-то кеды чуть смутили администратора: он увидел на подошвах треугольное клеймо: «Луч». Неужели электронные модели носят фабричные кеды? Впрочем, Урри своё дело сделал, в деталях разберётся хозяин…

— Здравствуйте, господин профессор фон Круг.

Всякий раз, входя в доступный лишь избранным кабинет, главный администратор невольно робел и называл хозяина полным титулом. Кабинет был без окон: профессор любил полутьму. Хозяин сидел за массивным столом, окружённый экранами, телефонами, пультами. Тонкие нервные пальцы фон Круга, как обычно, на кнопках настройки. За спиной профессора во всю стену декоративный ковёр: переплетение гибких, сильных тел, рога, клыки, когти, хвосты — тысячи и тысячи экзотических животных, уничтоженных человечеством.

— Садись, Урри, — сказал фон Круг, не отрываясь от экрана, на котором чётко был виден диван с лежащим мальчиком. — Подробности изложишь позже. Я хочу посмотреть, что за модель ты привёз.

— Что было заказано, — бесстрастно доложил администратор, испытывая спиной прочность кубического кресла. — Это модель типа «Электроник». А проще — обыкновенный железный мальчишка.

— Ну, конечно, Урри, я не сомневаюсь в своей точности. — Профессор едва заметно поморщился: он не хотел повторять подробности

деликатного задания. — Важна первая реакция машины на незнакомую обстановку. Понятно?

Мальчик лежал не шевелясь, в той же позе, в какой его оставил Урри. Прошло несколько минут — несколько минут в напряжённом рабочем дне профессора. Фон Круг вопросительно смотрел на помощника. Разведённые руки Урри свидетельствовали: сделано всё, что можно, дальше должна вмешаться наука.

Профессор нажал на одну из кнопок, и в комнату, где находилась модель, въехал металлический ящик, подкатил на колёсиках к дивану. Красный глаз уставился в лицо спящему. Из корпуса выполз гибкий прут, коснулся обнажённой руки.

Мальчик вздрогнул. Веки на мгновение поднялись и сомкнулись. Губы чуть заметно шевелились. Профессор усилил звук.

— Рэсси, Рэсси, ты могуч… — Тишину кабинета прорезал жаркий шёпот. — Ты, Рэсси, гоняешь стаи туч… — Экран крупно показывал ленивые, будто через силу открывающиеся губы модели. — Ты гу-ля-ешь, Рэсси, в море… Всюду веешь на про-сто-ре…

Профессор внимательно смотрел на экран.

— Кого он призывает? Похоже на рифмованный машинный бред.

А тот, кого призывал лежащий без сознания, в ту же секунду услышал своё имя и, изменив направление, помчался через цветочные клумбы к особняку…

Электрический прут машины пустил более сильный заряд тока.

Мальчишка внезапно сел, увидел направленный на него машинный глаз, забарабанил руками и ногами по дивану, закричал:

— Не хочу! Уходи! — И потом совсем непонятные слова: — Не боишься никого, даже чёрта самого! — и снова упал на диван.

Фон Круг нахмурился, встал из-за стола.

— Это напоминает мне систему свободного воспитания. Именно её воспроизводит данная модель…

Профессор направился в соседнюю комнату. Он обращался не к Урри, который застыл в кресле, а к самому себе:

— Доктор Эссен выписал себе племянников из Англии… Его предупреждали, что дети обучены в модном стиле свободного воспитания, но доктор не обратил на это внимания. За первым же обедом юные родственники забросали стены свежими томатами… А когда дядюшка попытался открыть рот, ему в голову угодила тарелка… Итак,

чем всё это грозит мне?..

— Молодёжь, — только и успел сказать вслед фон Кругу его помощник.

Мик Урри видел на экране, как профессор с минуту пристально смотрел сквозь тёмные очки на притихшую модель. Потом лёгким движением руки коснулся волос, подбородка машины… Внезапно дёрнул рукой, отскочил и почти бегом, оглядываясь через плечо, двинулся к двери.

Такой странной походки у хозяина Урри ещё не видел. Он не успел сообразить, что произошло, но на всякий случай встал с кресла, вытянул руки по швам.

— Что ты привёз? — каким-то хриплым, чужим и, как показалось Урри, зловещим голосом произнёс профессор, вырастая в дверях. — Я спрашиваю тебя, Мик Теодор Макс Урри! Кого ты привёз?

Мик Урри, которого впервые в жизни назвали полным именем, мужественно смотрел в бездонно-тёмные очки хозяина.

Он ничего не понимал. Разбуди его посреди ночи — он мгновенно описал бы машину модели «Электроник». Он выучил задание наизусть, он не мог ошибиться!

— Ты привёз живого мальчишку, — очень тихим голосом сказал фон Круг. — Первого по-

павшегося мальчишку с улицы. Он меня укусил. Вот. Понятно, да?

Мику Урри почудилось, что за его спиной на ковре зашевелилось зверьё, усмехаясь дерзкими мордами. Один Урри мог оценить состояние фон Круга: хозяин даже знаменитостям остерегается подавать руку. И вдруг — палец! Бесценный профессорский палец укусил какой-то грязный мальчишка!..

Нелепая случайность могла оборвать карьеру главного администратора. Нахлобучив шляпу, Урри кинулся из кабинета.

— Убрать и водворить на место! — услышал он сухой приказ. — Чтобы не было никакого скандала. Это всё. Урри…

Тяжело дыша, ввалился Урри в комнату, наполненную солнцем. Он ещё не видел дивана, моргая после темноты от обилия света, но направился прямо к мальчишке. Раздался звон разбитого стекла. Урри застыл. На подоконнике лежало какое-то лохматое существо. Пряди шерсти закрывали его морду, но Урри отчётливо различал горящие, полные решимости глаза.

— Рэсси! — Мальчишка вскочил на диван, заплясал от внезапной радости. — Рэсси, ко мне!

Собака прыгнула, не коснувшись пола, к маль-

чишке, и тот схватил её, прижал к груди.

— Рэсси, неужели это ты, Рэсси! Ты меня нашёл! — задыхался мальчишка, а собака в ответ повизгивала.

Урри пятился к двери, ища глазами какой-нибудь предмет. Лохматый терьер, одним прыжком преодолевающий добрый десяток метров, мог показать и свои зубы…

Плечом Урри задел металлический ящик. Выхватил из машины стальной прут.

— Эй, ты, хватит здесь цирк устраивать! — хрипло сказал Урри.

Мальчик оглянулся. Глаза его блеснули.

— Рэсси, прогони его! — попросил мальчик, указав пальцем на квадратную фигуру.

Глава 3

Они познакомились совсем недавно — Сергей Сыроежкин и Рэсси.

В тот день Сыроежкин приехал из пионерского лагеря. Войдя во двор, он бросил чемодан у подъезда и со всех ног помчался к школе. Сергей совсем не думал, что он, вчерашний семиклассник, возвращается после лета уже восьмиклассником, — он бежал в школу. Бежал в кабинет математики. К своему другу — Электронику!

Вот кабинет. На двери — тетрадный лист: «Без вопроса не входить! Электроник».

Сергей улыбнулся и распахнул дверь.

Мальчишка, очень похожий на него, на Сергея, сидел за столом и читал толстенную книгу. Сыроежкин даже удивился, будто впервые увидел своего электронного двойника: такой же курносый нос, оттопыренные уши, веснушки. И усмехнулся: как важно расселся Электроник! Ничего не скажешь — помощник самого Таратара, учителя математики!

— Здравствуй, Электроник! — крикнул Сыроежкин, от души хлопнув его по плечу.

Электроник отодвинул книгу, спокойно поднял

голову. И вскочил.

— Здравствуй, Серёжка! — Электроник сжал руку друга с такой силой, что у того нос сморщился и покраснел. — Что, каникулы окончились?

— Всё! Я приехал навсегда! — Сыроежкин сиял. — Здорово жмёшь, Электроша! Так надо встречать друзей!

Они внимательно посмотрели друг на друга и улыбнулись, как заговорщики: каждый узнал самого себя — будто в зеркале.

— Я — это ты, — сказал Сыроежкин.

— А ты — это я, — подтвердил Электроник.

Понятна радость Сыроежкина, заставшего прилежного своего двойника в школе. Он точно предвидел: Электроник не теряет зря ни минуты. Для других каникулы — сплошной волейбол, футбол, купание, загорание и безделье. А Электроник — будущий учёный, чемпион мира по математике. Всё лето день и ночь штудировал двойник Сыроежкина книгу за книгой. Может, обогнал и самого Таратара, — лето ведь длинное.

Разглядывая Электроника, Сергей сразу не заметил под столом чёрного взъерошенного пса. А когда заметил — удивился. Даже на корточки присел.

Пёс смотрел на Сыроежкина из-под нависших

прядей и не шевелился. Изучал.

— Кто это, Электроша?

— Это Рэсси, — спокойно сказал друг.

И хотя Сыроежкин с первого взгляда понял, что лохматый терьер сильнее дога, боксёра, овчарки, сильнее и хитрее даже дикой собаки динго, было ещё что-то таинственное в маленьком, очень спокойном Рэсси…

— Он твой — Рэсси?

— Моя конструкция.

Сыроежкин просиял: да разве его Электроник стал бы тратить силы на какую-нибудь заурядную собаку!.. Рэсси — это вам не Рекс и не Рэм…

— Привет, Рэсси! — окликнул пса Сергей.

Рэсси молчал.

— Ты, Сергей, мой друг, — скрипуче произнёс Электроник, — и потому с этой минуты Рэсси будет слушаться тебя, как и меня.

— Я — это ты… — напомнил Сергей. — Значит, и для Рэсси тоже?..

— Слышишь, Рэсси? — спросил Электроник, и пёс послушно махнул хвостом. — Мой друг Сергей — твой хозяин, как и я. Его слово — закон!..

Рэсси внимательно глядел то на Электроника, то на Сыроежкина и молчал. Сергей почувствовал серьёзность приказания. Но не представлял,

насколько это важная в его жизни минута. Сергей не знал ещё, что перед ним особая машина, которой не нужно повторять приказы дважды; не знал, что машина навсегда запомнит первое знакомство, что слово «друг» для неё теперь значительнее всех остальных слов — это особый его, Сыроежкина, пароль — и что вообще Рэсси — это Рэсси.

— Привет, Рэсси! — весело повторил новый хозяин. — Привет, лохматенция!

Пёс, заглянув в глаза Сыроежкину, кротко тявкнул и неожиданно протянул лапу.

— Ха-ха, лохматенция! — проскрипел Электроник, наблюдая церемонию.

— Вот так Рэсси! — расхохотался Серёжка, тряся мохнатую лапу.

И вот тут-то, под столом учителя, сидя на полу в окружении друзей, Сыроежкин окончательно поверил, что всё случившееся с ним весной этого года было на самом деле. Он вспомнил: зелёный косогор у реки, яркое солнце, и прямо на него вылезает из кустов кто-то очень знакомый, в такой же синей куртке, — сбежавший от профессора Электроник. А за ним волочится по траве шнур с вилкой для включения в сеть. А потом этот двойник жмёт ему руку так же крепко, как и сегодня,

и называет его другом. Они сразу же поверили в крепкую дружбу, поверили в то, что их ждут необычайные приключения.

И сейчас, видя, как смеётся его друг, Сыроежкин подумал, что они знакомы тысячу лет.

А если с тобой рядом такой друг, как Электроник, значит, впереди ещё немало разных историй.

Глава 4

— Ну-ка, лохматенция, покажи, что ты умеешь! — приказал Электроник. Они вылезли из-под стола. Рэсси подпрыгнул до потолка, дважды кувыркнулся в воздухе и приземлился на все четыре лапы.

— Дрессированная собака!.. — изумлённо протянул Сыроежкин. — Знаешь, я сразу понял, что Рэсси самый ловкий в мире пёс. Терьеры — они легко поддаются дрессировке.

— Собака — это ещё не всё, — загадочно произнёс дрессировщик.

— А что же?

Электроник подвёл приятеля к доске. Среди длинных, непонятных формул Серёжка прочитал:

«Технический паспорт.

Имя, Рэсси — редчайшая Электронная Собака, Страус. И так далее».

— Страус? — Сыроежкин вытаращил глаза.

— Лучший в мире стайер, — пояснил Электроник. — Стометровка — за три и две десятых секунды. Пожалуйста — вот формулы.

— Ого! Так не бегаешь даже ты! — похвалил

конструктора Сыроежкин и стал читать дальше.

«Класс: Модель современная.

Тип: Неуничтожимая».

— Здорово! — выдохнул Сыроежкин. — Неуничтожимая! Не горит, не тонет, не плавится, не ломается, не разбивается, двоек не получает и всегда в хорошем настроении. Так?

— Приблизительно так. По новейшей теории моего учителя профессора Громова. Это самая совершенная модель, — ответил Электроник, а Рэсси, лежавший у его ног, замахал куцым хвостом.

«Основное правило поведения, — читал дальше Сыроежкин, — чёткое выполнение приказов, которые даёт хозяин. Самостоятельность и свобода действий помогают модели соблюдать основное правило поведения».

В этом пункте Электроник мелом дописал после слова «хозяин»: «И его друг». На что Рэсси утвердительно гавкнул, словно умел читать.

Электроник вынул из кармана маленькую металлическую коробку, протянул Сергею:

— Возьми. Это транзистор. Теперь Рэсси услышит тебя хоть за сотню километров. Ты — хозяин. Ты — друг. Я это уже говорил, Рэсси запомнил. Возьми!

Сергей осторожно взял лёгкий серебристый транзистор, не веря, что это — ему.

— Но я за лето забыл все формулы, все теоремы, которые знал. Как я буду командовать Рэсси?

— Командовать можно и обычными словами. Рэсси переводит их сам на язык формул.

Сергей облегчённо вздохнул, тихо сказал в серебристую решётку транзистора:

— Рэсси, ко мне!..

Пёс одним прыжком подскочил к новому хозяину, замер у ног.

Сергей внимательно осмотрел терьера: стоячие уши — одно чуть длиннее другого, умные глаза за космами шерсти, хвост морковкой. Раздвинул усы и, заглянув в рот, увидел красный язык и кинжалы острейших зубов. Пощупал прочные, удлинённые ступни.

— Как настоящая! — вздохнул Сергей.

— Точность до последнего волоска, — похвастал Электроник.

— И лает.

— Лают не одни собаки. Умеют лаять шакалы, лисицы, гиены, белухи, некоторые рыбы. Даже воробей, когда очень рассердится, рычит, будто собака. — Электроник, как обычно, всё на свете знал и не допускал неточности в речи собесед-

ника.

— Постой, — сказал Сыроежкин, потирая ладонью лоб. — Ничего не понимаю, всё перепуталось в голове. Неужели то, что здесь написано, — про Рэсси? — Он показал на доску.

— Я и так стою возле тебя, — серьёзно отвечал Электроник. — Что тут непонятного? В первой же строке сказано, чей это технический паспорт.

— «Редчайшая Электронная Собака, Страус. И так далее», — перечитал Сергей. — Значит, и для меня Рэсси будет Страусом. И так далее?

— Конечно. Мы уже решили раз и навсегда.

— Но ведь Рэсси не страус, не кошка, не дельфин, не ворона, — задумчиво продолжал Сергей.

— Не дельфин, не ворона, — подтвердил Электроник. — Он — всё вместе. Рэсси — это Рэсси, машина специальной конструкции.

— Гениально! — вздохнул Сыроежкин. — Как ты это придумал?

— Когда все разъехались на каникулы, — стал рассказывать о себе Электроник, — я сначала не знал, что мне делать. Я, конечно, читал, занимался с отстающими, подготовил учебный материал для Таратара, — всё это пустяки. Заходила однажды старушка, просила найти пропавший бидон. Я нашёл. Звонил Виктор Неделин, знаешь, из

десятого «А». Ему стало скучно на Чёрном море, и он решил потренироваться со мною в решении задач. Потренировался и больше не звонил… То и дело заглядывали разные люди. Придут, спросят: «Электроник?» Посмотрят на меня, покачают головой и уходят. Вот я и повесил на двери: «Без вопроса не входить». Без умного, конечно, вопроса…

Серёже стало жалко Электроника. Пока он в лагере гонял мяч, плескался в реке, уплетал завтраки и ужины, пел до хрипоты у костра, его друг проводил время в пустом и пыльном кабинете математики…

Правда, чуть позже, после встречи с учителем, жизнь Электроника переменилась. Профессор Громов привёл его в институт и показал свою новую работу. Электроник внимательно читал страницы, заполненные мелким профессорским почерком. Он был хорошим математиком и достойным учеником Громова: не только мгновенно запоминал схемы и формулы, в них он видел смелое решение новых законов — законов движения, зрения, слуха, равновесия, выбора направления, защиты от опасности.

В эти минуты Электроник вообразил необычное существо…

— Ты всё понял? — спросил Гель Иванович, внимательно поглядывая на ученика.

— Понял, — спокойно подтвердил Электроник.

— Видишь ли, мне нужна твоя помощь. Эти формулы для одного уважаемого научного журнала, который торопит меня со статьёй. Но здесь не завершены некоторые расчёты. Я могу, конечно, сделать их сам, но ты считаешь гораздо быстрее меня.

— Завтра расчёты будут готовы.

— Прекрасно, — обрадовался профессор. — Значит, у меня в запасе ещё один день, чтобы написать статью.

Электроник остался в лаборатории Громова. Он начал прилежно выполнять задание. Учителю он ничего не сказал о том существе, которое виделось ему в формулах, которое он потом назовёт именем Рэсси.

Быть может, в ту ночь электронный мальчик представил своё появление на свет. Вспомнил громоздкие счётные машины, которые непрерывно проверяли сложные схемы. Вспомнил, как слой за слоем из тончайших плёнок складывался его организм. И момент, когда он впервые увидел этот огромный сложный мир…

Утром Гель Иванович, подойдя к двери, услы-

шал странное жужжание. Ни один из механизмов в его лаборатории не издавал подобных звуков. Профессор взглянул на табличку, убедился, что жужжание доносится именно из его комнаты.

Войдя в лабораторию, Громов застыл на месте. Сломанные приборы, пустые футляры счётных машин, разбросанные на полу блоки и детали свидетельствовали, что с его учеником случилось непоправимое. Вот и он — посреди груды деталей. Спокойно поднимается, увидев учителя, здоровается, говорит:

— Извините, профессор, я не закончил работу, не успел навести здесь порядок.

— Так… — сказал Громов, доставая из кармана свою знаменитую трубку. — Так-так… — повторил он, раскуривая трубку и немного успокаиваясь. — Итак, это — порядок… — Он оглядел разгромленную лабораторию. — Порядок, по-моему, совсем другое положение вещей. О каком порядке, Электроник, ты говоришь?

Его снова удивило непривычное жужжание. В углу комнаты работала какая-то машинка размером с портфель. Видимо, ради нее Электроник и разобрал столько техники. Маленькая, а шумит на всю комнату!..

— Не может она работать потише? — спросил

Гель Иванович, подойдя к машине.

Электроник развёл руками.

— Сейчас сюда сбежится весь институт, и мне нужно объяснить дирекции, что всё это — идеальный порядок!.. Придётся разобрать твоё изобретение.

Что мог возразить ему учёник?

Вместе они разобрали машину.

Сидя на полу среди разложенных деталей, Гель Иванович курил трубку. Потом он сказал:

— Любопытно… А что, если снова собрать эту модель? Может, она будет шуметь поменьше?

— Ручаюсь, что Рэсси будет очень молчаливым, — подхватил Электроник. — Он никому не помешает!

— Рэсси? — спросил Громов. — Почему Рэсси?

И тогда Электроник расшифровал имя того странного существа, той новой машины, которую он представил себе во всех подробностях, прочитав и обдумав работу профессора. Он говорил о нём как о живом, и Громова поразила его убеждённость. Учитель слушал ученика, совсем забыв, что перед ним электронное подобие человека; слушал, забыв, что это его ученик; слушал, как коллега коллегу, и размышлял про себя: «Рэсси… Неплохо придумано… Даже электронному маль-

чику нужен друг… По-моему, есть все основания сделать Рэсси прежде всего собакой…»

Учитель и ученик собрали вновь маленькую машину. На этот раз она работала беззвучно. Потом приходили учёные из соседних лабораторий и улыбались, разглядывая новое творение: всем была известна привычка профессора придавать своим изобретениям необычные формы. А на другой день сотрудники принесли альбомы и фотографии породистых собак, два доктора наук демонстрировали своих домашних четвероногих друзей. После долгих обсуждений учитель и его ученик выбрали за образец лохматого чёрного терьера.

Так родился Рэсси, любимец всего института.

— Значит, это ты изобрёл Рэсси? — спросил Сыроежкин, выслушав друга.

— Нет. — Электроник покачал головой. — Это не моя идея. Но мой учитель как-то сказал: «Мысли, которые пришли мне в голову, я мог бы превратить из-за собственной непрактичности в громоздкое сооружение. К счастью, мой ученик, обладая точностью и здравым смыслом, сумел за одну ночь разобрать все приборы и построить очень маленькую, прекрасно действующую машину».

— Ага, раз он так сказал, значит, ты конструктор! — настаивал Сергей.

— Не торопись с выводами, — предупредил Электроник. — Я мог бы давным-давно построить собаку. Но кем бы был Рэсси без новых формул? Глупым чёрным ящиком с хвостом, и всё.

— Мне он кажется умным, — сознался Сергей.

Впечатлений было так много, что Сыроежкин забыл уточнить, что значили непонятные слова «И так далее» в имени Рэсси.

Глава 5

На другой день после знакомства Сыроежкина с Рэсси друзья отправились в институт, где, как загадочно сказал Электроник, должна состояться очередная тренировка модели. Сергей ожидал, что они придут на спортплощадку или на какую-нибудь просторную аллею, отмерят там стометровку и Рэсси промчится, ко всеобщему удовольствию, за три и две десятых секунды. Но они миновали газоны с крупными осенними цветами, взошли по мраморной лестнице и стали бегать между толстенными колоннами, совсем было забыв, зачем пришли в этот дом, пока их не прервал знакомый голос:

— Рад видеть дружную компанию.

Профессор Громов с удовольствием наблюдал игру ребят и собаки. «Все мы одинаковы в детстве, — подумал Громов, — любим бегать, толкаться, прыгать, визжать. Оленята скачут по поляне, белки перепрыгивают с дерева на дерево, выдры скользят на лапах по первому льду, даже глупые утки, замерев, несутся вместе с бурным течением — это особая радость движения, скорости, наслаждения миром. Вот кружат двое между

колонн, лает собака — и им хорошо».

Но урок есть урок, время большой электронной машины расписано по часам, и Громов вынужден окликнуть друзей.

— Удивляюсь, как только Рэсси вас различает, — шутливо говорит профессор. — Вот что может натворить случайная фотография в журнале. Не успели мы сделать по этой фотографии Электроника, как тут же появился оригинал и всё на свете запутал… Виноват, прошлое ворошить не буду, можешь не хмуриться, дорогой программист. Между прочим, Электроник, учти, что ты единственный электронный мальчик, который умеет смеяться. Ни одна в мире машина ещё не наделена эмоциями. Учёные не знают, к чему это приведёт. Можно сказать, Электроник, ты первый опытный образец, и мы с Сергеем отвечаем за все последствия. Прошу тебя как можно критичнее относиться к себе…

Гель Иванович Громов привёл друзей в машинный зал, усадил на пружинящие стулья перед разноцветными кнопками пульта.

Рэсси, повинуясь знаку, лёг на пол.

— Командуй, — сказал профессор, подавая Электронику исписанный лист. — Вот условия задачи. — Сам он остался стоять за спиной

Сыроежкина. — Очень азартная, с разными хитростями, но, разумеется, математическая игра. Я постараюсь кое-что тебе объяснить, если пойму сам.

Электроник застучал кнопками, вводя условия в машину, и одновременно зажужжал каким-то странным комариным голосом. Громов кивнул на Рэсси, и Сергей догадался, что Электроник, не теряя даром время, очень быстро читает задачу механической собаке.

Они отлично понимали друг друга — конструктор и его творение. Электроник мог отдавать команды Рэсси словами, цифрами или формулами — в полный голос, шёпотом и даже молча, про себя: их миниатюрные передатчики работали на одной волне. Конечно, это не значило, что Рэсси понимал все слова человеческой речи и что он мог в одно прекрасное утро заговорить… о хорошей погоде, — будь так, Рэсси, наверное, звали бы не Рэсси, а иначе. Но если Серёжа командовал собаке: «Рэсси, пожалуйста, возьми на столе синий том сочинений Бурбаки и отнеси Электронику, а мне принеси мяч от пинг-понга», — Рэсси немедленно исполнял просьбу, потому что особые механизмы внутри него переводили обычные слова на язык математических символов и по-

том в сигналы, которые мгновенно находили в схемах его памяти нужную информацию — то, что люди называют словами «синий», «возьми», «мяч». Транзистор, который подарил Электроник, Сергей зашил в карман рубашки, теперь во всём мире только два человека могли командовать Рэсси на расстоянии — Электроник и его друг.

Честно говоря, Сергей не уловил всех тонкостей погони, происходившей на маленьком экране, хотя Гель Иванович старательно объяснял ход событий. Но главное было ясно: светлая точка — охотник, за которого думала огромная умная машина, а тёмная точка в центре — Рэсси, который не хотел, чтобы его поймали. Рэсси был само спокойствие, он ни разу не взглянул на экран. Но его механизм напряжённо работал, решая сложную задачу; сигналы от Рэсси шли по тонкому проводу к машине и отражались на экране. Две точки долго носились внутри какого-то цилиндра, скрученного и изогнутого, как причудливая раковина улитки или как фантастическая звёздная спираль, и это закрученное пространство означало лес, поле, морские глубины или сам космос — всё равно что, и жертва никак не давалась охотнику, все хитрила, делала петли, лишь бы не попасть в опасную, покрытую сумеречной тенью

зону охотника, где он мог её легко настигнуть.

Сыроежкин вспомнил, что так когда-то в поединке с громоздкой машиной обучался и Электроник. Профессор Громов сидел за пультом и давал ученику разные задачи; если Электроник ошибался, делал неправильный ход, профессор нажимал кнопку: стоп, ошибка! Электроник мгновенно запоминал ошибку и никогда не повторял её... И вот теперь за пультом не Громов, а его бывший ученик. И профессор невозмутимо наблюдает не только Электроника, но и его новое изобретение.

— Отличный результат, — произнёс Громов, — хотя две-три петли в действиях Рэсси были лишними. Я полагаю, Рэсси запомнит их и в следующий раз будет умнее.

Сергей сидел на корточках и гладил победителя. «Интересно, — думал Сыроежкин, — а в настоящей погоне сумеет он удрать от преследователя? Или я видел лишь математическую шутку?»

— Учись, Рэсси! — наставительно обратился Электроник к своему ученику. — Ещё несколько уроков, и ты удивишь всех ловкостью и скоростью.

— Рэсси завоюет мир! — вспыхнул от внезапной догадки Сыроежкин.

— Мир очень сложен, — уточнил Электроник. — Но наш Рэсси — гибкая система, он умеет ориентироваться в меняющейся обстановке.

— Ты говоришь скучно. Рэсси рождён для подвигов. Иначе зачем его было изобретать?

— Проверка новых схем — разве этого мало? Я вот сам…

— Ты другое дело…

Они перешли из машинного зала в комнату лаборатории, потому что время их истекло и место у пульта заняли работники института.

Громов не вмешивался в спор наших друзей, ходил из угла в угол, повторяя любимые шекспировские строки: «Есть многое на свете, друг Горацио, о чём не снилось даже мудрецам…»

Потом они смотрели телевизор, и это тоже был урок для Рэсси. Зарубежное телевидение транслировало открытие зоопарка в далёком западноевропейском городе Теймере. Телекамеры, установленные на вертолётах, показывали зеркало прудов с журавлями, утками, фламинго, застывших на скале горных козлов, участок африканской степи с бегущими антилопами, мирное стадо слонов, дремлющих в зелёной роще.

Диктор объявил, что выступает хозяин самого большого в Европе зоопарка «Мир животных»

доктор Манфред фон Круг. Доктор стоял в группе парадно одетых гостей и именитых горожан, негромким голосом говорил в микрофон:

— За последние сто лет на Земле исчезло более ста видов ценных животных. Люди уже никогда не увидят быстрого индийского гепарда, с которым выходили на охоту магараджи. Не коснутся доверчивого ленивца, не услышат пения морских сирен, пленивших спутников Одиссея. Сегодня на планете осталось четыреста тигров, семьсот леопардов, двести кашмирских оленей, сто двенадцать африканских носорогов и шестьдесят два индийских. Они тоже под угрозой вымирания — в последних уголках сохранённой природы, в заповедниках, в зоосадах, и наши потомки, возможно, будут знать тигра только по фотографиям.

— Мрачную картину нарисовал фон Круг, — заметил негромко Гель Иванович. — Можно подумать, что он и в самом деле заботится о будущем…

— А вы знаете его? — спросил Серёжа.

— Встречались на заседаниях Международного Совета охраны животных…

— В наше время, — продолжал фон Круг, заняв своими тёмными очками почти весь экран, — в наши дни, когда весна приходит в город без пения

птиц, без первых подснежников под деревьями, дети города неосознанно тоскуют по природе. Они хотят видеть зверей, слышать птиц! В этом «Мире животных», — доктор взмахом руки указал на живописные ворота зоопарка, — среди обычных носорогов, гамадрилов, цапель есть особенные животные. По своему поведению и внешнему виду они не отличаются от живых собратьев. Наука сумела продлить их жизнь на долгое время, заменив некоторые органы и ткани надёжными механизмами и материалами. И спустя десятилетия наши внуки будут приходить в «Мир животных», кататься на спине верблюда, смеяться над проделками шимпанзе, рисовать тигра с натуры.

— Ура! — закричал Сыроежкин. — Да здравствуют вечные тигры!

И смолк, увидев, что Громов качает головой, а Электроник сидит неподвижно.

— Мы указали возможный путь сохранения редких животных, и дело тех, кто охраняет и ценит природу, принимать его или отвергнуть. Двери моих лабораторий открыты. Как и ворота в «Мир животных».

— Возмутительно! — громко сказал Громов. — Он загубил на свои опыты десятки редких

животных.

— Загубил? — пробормотал Сыроежкин, ничего не понимая.

А Электроник педантично повторил:

— Десятки ценных животных…

Профессор включил видеофон, набрал номер.

— Слушаю вас, Гель Иванович, — произнёс человек с резкими морщинами на лице.

Сыроежкин узнал академика Немнонова, который выступал перед школьниками.

— Вы видели, Николай Николаевич, новое открытие фон Круга?

— Наблюдал. Наш с вами старый противник, — усмехнулся Немнонов.

— То, что он сделал, — горячо продолжал Гель Иванович, — противоречит элементарной этике учёного. Он даже не спросил мнения Международного Совета…

— Признаюсь, я тоже не ожидал, что фон Круг так скоро пойдёт в атаку. Ваши предложения?

— Протест в Совет охраны животных… Далее, я срочно пишу и публикую статью о вреде подобной теории. Наконец, нам надо встретиться, подробно всё обсудить.

— Согласен, Гель Иванович. Сегодня же вечером.

Экран погас, но профессор не мог успокоиться. Он ходил по комнате, забыв про ребят, обращался сам к себе:

— Я тоже хорош: не сумел вовремя закончить статью. Теперь и ребёнку ясно: то, что обещает фон Круг, похоже больше на машину, чем на живое существо…

— Гель Иванович, — громко сказал Сергей, — а как же… — И Сыроежкин выразительно посмотрел на Рэсси.

Громов остановился, усмехнулся, поняв неоконченный вопрос.

— Рэсси — это Рэсси, а тигр есть тигр, — загадочно ответил он. — Ты никогда не встречался с тигром?

— Не-ет.

— Вот то-то. У него усы одни чего стоят!.. — Глаза Громова были серьёзны, даже чересчур серьёзны. — И ещё вопрос, дорогой Сыроежкин: можно или нельзя сохранить на планете тигров…

Друзья выбежали в институтский двор.

— Рэсси, вперёд! — командует Электроник.

И чёрный пёс перепрыгивает высокий куст, мгновенно пробегает двор, скрывается в воротах.

— Рэсси, назад! — спокойно говорит Сергей, зная, что пёс отлично слышит его в транзистор.

Будь он за сто километров и позови Рэсси, тот примчится.

Рэсси возвращается к ребятам, садится у ног, смотрит в лицо. Что ещё? Он ничуть не устал, бока не вздымаются, язык за зубами.

— Рэсси, отнеси записку профессору. — Электроник протягивает сложенный лист бумаги. — Я забыл с ним попрощаться.

— Рэсси, ко мне! Я тоже забыл…

Громов машет им в окно, шутливо произносит: «Ах вы, дети, ах вы, звери…»

Доктор Громов за свою жизнь создал немало механизмов, но всегда старался превращать неживое в живое, а не наоборот. Над ним подчас посмеивались, что он увлекается изобретением игрушек, — он не обижался, зная, что эти модели не менее ценны, чем большие машины. Его мотылёк летел всегда на свет; рыжий лис с самыми правдивыми в мире глазами старался доказать, что он быстрее всех движется; болтливый попугай говорил на сорока языках… Громов вспоминал всех «своих детей», и ему было жаль их: они слишком старательно выполняли свою задачу, доказывая его, Громова, новые идеи. Верный мотылёк, ежедневно прилетавший на свет ночной лампы, однажды был привлечён пламе-

нем большого пожара и не вернулся… Почти все модели сломались и забыты, но схемы их вошли в книги по кибернетике — игрушки сослужили свою службу для науки. Остался Электроник да ещё вот Рэсси. Сложнейшие механизмы. Что подскажут они ему, Громову, другим учёным? Трудно предвидеть…

Глава 6

Отгремели оркестры у всех двенадцати въездов в зоопарк. Воздушные шары в виде смешных зверушек уплыли в спокойное небо. Пёстрые фирменные автофургоны с приглушёнными моторами разъехались по дорогам. Взрослые и дети с любопытством смотрели в окна, ожидая, когда мелькнёт в траве гибкое тело дикой кошки, пересечёт дорогу задумчивый слон или промчится, хрустя ветками, носорог. В «Мире животных» звери бродили на свободе. В «клетках» на колёсах путешествовали зрители, и это было необычно, забавно, слегка заставляло нервничать, хотя ни одно животное, как объяснили экскурсоводы, не нападало на машины. Иные зрители осматривали парк с бесшумных вертолётов, наслаждаясь соседством саванны и тайги, гор и пустынь, изучали в бинокли, азартно фотографировали ничего не подозревавших вольных жителей.

Здесь можно было увидеть обитателей разных континентов Земли. Гиганты тропических стран — слоны, буйволы, гиппопотамы — протаптывают в зарослях дороги к водопоям и солончакам; под гигантскими надувными куполами «Аркти-

ки» и «Антарктики» блаженствуют на льдинах белые медведи, моржи, тюлени, пингвины; на лесистых островах живут обезьяны; а вот пустая ещё чаша океанариума, где вскоре разместятся киты и дельфины.

От серых гранитных слонов, подпиравших спинами арку парадного входа, от причудливо изогнутых бронзовых деревьев, окружавших могилу естествоиспытателя прошлого века, чьё имя, открывая церемонию, вспоминал профессор фон Круг, отъехал кортеж почётных посетителей. Хозяева торжествовали: их маленький скромный город Теймер, упомянутый в справочниках одной лишь строкой как родина великого зоолога, и сегодня привлекает внимание мира. Там, где несколько лет назад были пустыри, создан «рай животных всех континентов». Смешные воздушные шары — хвостатые, рогатые, глазастые — унёс ветер, и, быть может, в каком-нибудь большом городе мальчишка поймает за длинную ногу цаплю, прочтёт: «Мир животных». И навсегда запомнит название зоопарка и имя таинственного далёкого Теймера — такова сила рекламы…

Приземистый «шёл» профессора замыкал кортеж машин. Фон Круг был в мрачном настроении. Он не собирался осматривать «Мир животных»,

но пришлось сопровождать гостей.

Что поделаешь, у известного человека всегда много обязанностей, и даже если они неприятны, приходится их выполнять. Профессор в своей речи, которую транслировало телевидение на многие страны, обращался к детям, дарим им вечных животных. Фон Круга раздражали шум и непоседливость детей. Но он знал, что все великие изобретения должны быть обращены к потомкам. Детство самого фон Круга было суровым, он не любил его вспоминать. Приятны были лишь часы, проведённые в семейной библиотеке. Там, возле полок со старыми книгами, в немом разговоре с завоевателями прошлого, мальчик мечтал о славе, о могуществе, об управлении миром из полутёмной комнаты старинного особняка…

Сидя неподвижно в машине, фон Круг видел, как неторопливым шагом, оглядываясь на автомобили, уходит от дороги группа львов, как наслаждаются в грязи бегемоты и носороги с белыми цаплями на спинах. Доктор различал среди животных свои «вечные модели», и ему казалось, что его жирафа чересчур заученно объедает ветки дерева, что его зебра скачет как-то деревянно, что его слон, посыпая спину песком, не выражает своим видом никакого удовольствия.

Другие животные, не механические, а живые, привезённые из заповедников и зоопарков, не выделяли их из стада, относились как к равным, но доктор Круг отлично знал, что в сложной лестнице подчинения стада — от грозного вожака до последнего рядового — его животные занимали самую нижнюю ступень. Они не умели постоять за себя, не ведали чувства страха, не ощущали боли, не играли от избытка сил. Их не волновал запах крови. Они не испытывали вообще никаких чувств!

Возле птичьих озёр фон Круг внезапно приказал Мику Урри свернуть, и профессорский «шёл», отделившись от кортежа, направился к обезьяннику. Они проехали мимо острова с прыгающими в ветвях макаками, мимо лесного озера, посреди которого две группы шимпанзе устроили свой обычный «карнавал» с дикими криками, беспорядочной беготнёй, и выехали к вольеру горилл.

Автомобиль мягко затормозил. Фон Круг пошёл дальше пешком. Туннель из прочнейшего стекла предназначался для посетителей, желавших встретиться лицом к лицу с грозными предками.

Двухметровая горилла показалась из леса и раскачивающейся походкой, опираясь одной рукой о землю, направилась к человеку. Спокойно и

меланхолично подошла горилла к стеклу, выпрямилась во весь гигантский рост, остановилась, чуть заметно покачиваясь из стороны в сторону. Фон Круг снял очки, приблизил лицо к стеклу, сквозь которое отчётливо видна была волосатая, с вывернутыми ноздрями и глубоко запавшими глазницами безобразная морда. С минуту они смотрели друг другу в глаза…

Потом зверь отвернулся и всё так же меланхолично заковылял прочь.

Фон Круг сжал кулаки. Проклятье! Истинная горилла, если ей посмотреть прямо в глаза, примет взгляд как вызов, вступит в бой. Одним взмахом гигант способен оторвать голову человеку, не отделяй его, конечно, толстое стекло от противника. Это был лабораторный зверь. Безразличная механическая горилла.

— Домой! — велел фон Круг шофёру.

Урри, оглянувшись, впервые увидел глаза хозяина: бледно-голубые, сощуренные, они казались не столь грозными, как за стёклами очков.

— Вот что, Урри, — сказал по дороге барон фон Круг. — Есть только одна машина, которая наделена человеческими эмоциями. На первый взгляд игрушка; возможно, и в самом деле игрушка. Но не это важно. Модель профессора Громова обла-

дает чувствами, не доступными пока никакой другой машине. Мне она необходима. Понятно, Урри?

Глава 7

Мик Урри отбросил ногой контрабас-футляр и, держа в опущенной руке стальной прут, двинулся к дивану. Только теперь, увидев презрительно блеснувшие глаза мальчишки, Урри понял непоправимость случившегося: он привёз не машину, а очень похожего на Электроника мальчишку, возможно двойника. Урри всегда жил по принципу «да или нет» — победа или поражение, не допуская никаких случайностей. Случайности выводили уравновешенного Урри из себя. Он пролетел тысячу с лишним километров, благополучно миновал со своим «научным грузом» таможню, можно сказать, почти выполнил задание хозяина. И вот…

Урри не успел замахнуться на собаку: раздался сухой треск — зубы пса перекусили сталь. Нападавший со всей проворностью, на какую был способен, отскочил за квадратную машину.

«К дьяволу этого пса! — решил он, оценивая взглядом бешеного терьера. — Лучше перенести скандал, чем ходить без руки». — Он нажал в машине кнопку высокого напряжения.

Железный ящик, медленно подталкиваемый

человеком, двинулся на собаку. Мальчик, забившись в угол дивана, следил за страшным механизмом. Терьер замер на месте и, казалось, пытался понять, что за чудовище хочет на него напасть. За жёсткими прядями шерсти отчётливо горели зелёные глаза.

— Не надо! — испуганно закричал мальчик.

Его голос слился с треском сильного разряда. Человек упал. Когда Урри открыл глаза, он увидел перед собой оскаленную пасть. Урри вскочил. Он не понимал, что случилось. На полу дымилась проводка от развалившейся машины…

Мик Урри сунул руку в карман. Он успел сделать только один бесшумный выстрел. В ту же секунду чёрная тень выбила пистолет. Рука Урри словно отнялась.

— Уходите скорее! — кричал мальчишка. — Уходите, а не то он вас… — И мальчишка прижал ладонь ко рту, вдруг вспомнив, что его предостережение может обернуться приказом.

Мик Урри толкнул плечом дверь, исчез в темноте профессорского кабинета…

— Пистолет против ребёнка и собаки, — презрительно сказал фон Круг, наливая Урри воду. — Не кажется ли тебе, Мик Урри, что всё это недостойно администратора?

— Это не собака! — Администратор осушил стакан, вылил остатки в ладонь, размазал по бритой голове. — Какая-то дьявольская штука!

Про оружие Урри ничего не сказал. Профессор, разумеется, знал, что пистолет стреляет сонными зарядами, мгновенно усыпляющими жертву. А если бы и пулями?..

У Урри сложилось странное впечатление, что собака старалась обезоружить его и не нападала всерьёз.

— Отличная модель, — согласился фон Круг. — Узнаю руку профессора Громова. При всей его рассеянности и неповоротливости машина ему удалась. «Дьявольская штука»! Наконец-то, Урри, ты научился отличать модель от оригинала. Я доволен, что эта «штука» появилась в моём доме. Посмотрим, что она собирается предпринять…

Он усилил звук.

— Пойдём отсюда, Рэсси! — раздался просящий голос.

На экране мальчишка подбежал к двери и оглянулся. Пёс сидел на полу.

— Ко мне, Рэсси!

Пёс не шевельнулся.

— Что с тобой, Рэсси? — Мальчик вернулся к собаке. — Ты слышишь: я говорю — бежим!.. —

Пёс не сдвинулся с места. Мальчик потёр рукой лоб. — Кажется, я догадываюсь… У тебя другой приказ… — Он оглянулся на дверь: не сказал ли что-нибудь лишнее? — Хорошо, Рэсси… покажи мне, и я всё пойму.

Пёс прыгнул на диван. Мальчик сел рядом. Пёс вытянул лапы, положил на них голову. И мальчик лёг, вытянувшись во весь рост.

— Ты будешь меня охранять… — сонным голосом сказал мальчик. — Я согласен… С тобой ничего не страшно… Я так устал…

И пёс радостно залаял.

— Кто у кого в гостях? — Фон Круг выключил звук.

Этого ещё только не хватало! Нахальный мальчишка, укусивший его за палец, по-хозяйски улёгся на диван. А помощник, который рукой может свалить быка, побеждён машиной и выглядит беспомощным. Впрочем, Урри слишком механическая конструкция, новые изобретения вне его понимания… Профессор иронически взглянул на администратора:

— Теперь, Урри, чтобы выйти отсюда, тебе придётся пройти мимо дивана. Так, Урри?

Урри молчал.

— Или, может быть, вызвать полицию? — Доктор нервно рассмеялся, и Урри удивлённо взглянул на него. — На сегодня, я полагаю, достаточно приключений, — сухо заключил фон Круг и решительно направился к двери. — Оставайся в качестве заложника. У тебя будет время подумать о своей ошибке.

Его вернул телефонный звонок.

— Господин доктор, к вам прибыл гость. Это русский профессор Громов, — доложила секретарь с первого этажа. — Господин Громов просит принять его немедленно…

— Я готов принять господина профессора… —

Фон Круг чуть помедлил. — И пожалуйста, не провожайте господина профессора. Объясните, как пройти.

Глава 8

Сыроежкин не помнил точно, как его схватили, хотя это случилось сегодня утром, всего несколько часов назад. Был знакомый двор — и вдруг чужой дом, чужие лица.

Кажется, на пустынной улице к нему подошёл грузный человек и как-то странно, по слогам спросил: «Э-лек-тро-ник?..» — «Да», — кивнул Сергей: иногда в шутку он выдавал себя за знаменитого друга. И тут наступила темнота…

Мальчик успел лишь крикнуть: «На помощь, Рэсси!»

И Рэсси чёрной молнией выскочил из здания школы, услышав призыв. Огромными прыжками, удивляя прохожих и водителей, мчался он вдоль шоссе, слыша шёпот мальчика и одновременно подавая сигналы тревоги Электронику, пока не прибежал на аэродром. Чемодан-контрабас уже погрузили в самолёт, и Рэсси, пристроившись к чьей-то ноге, взбежал по трапу, на брюхе пополз под креслами. Он нашёл то место, где под полом, в темноте багажника, в духоте чемодана, билось живое сердце, усиленное зашитым в карман транзистором, и стал царапать металл.

Рэсси получил приказ не отставать от Сыроежкина. Конечно, Рэсси не мог назвать Электронику ни аэродрома, ни номера рейса, но он точно указал направление, в котором бежал, время, когда он взлетел вместе с огромной машиной, и скорость полёта. В пути он забрался в чью-то сумку и затих…

Профессор Громов и Электроник на аэродроме узнали по времени вылета пункт назначения — город Теймер. И тут впервые смутная догадка поразила профессора: «Неужели фон Круг?..» Город был знаменит зоопарком «Мир животных» и круговскими лабораториями.

Они приземлились в Теймере через час после Мика Урри, и Громов назвал шофёру такси адрес: «Особняк фон Круга». Сомнений больше не было: Электроник точно знал, что произошло в особняке.

— Без тебя как без головы, — сказал профессор Электронику, с любопытством разглядывая улицы незнакомого города. — Ну, как бы я догадался, где сейчас Рэсси, куда пропал Сергей и что вообще в наши дни может быть такое злодеяние?! Одного не могу понять: зачем фон Кругу потребовался твой приятель? Или он… — И Гель Иванович, взглянув на Электроника, загадочно

прищурился…

Такси въехало в ворота, доставило гостей к подъезду особняка. Шофёр откатил машину в тень. Громов и Электроник поднялись на третий этаж. Хозяин встречал коллегу в приёмной. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, к вошедшим метнулась чёрная собака, а за ней — мальчик.

— Гель Иванович! Электроник! Это я… Сыроежкин!..

Громов обнял бледного Сыроежкина.

— Ты не ошибся… Мы здесь… Мы с Электроником очень волновались за тебя. Мы приехали за тобой.

— Я ждал… я знал… — смущённо забормотал Сергей. — Рэсси меня спас… А теперь вы… Электроник, как я рад…

И он счастливыми глазами смотрел на своих. Потом стал трясти руку Электроника.

Одного взгляда на мальчишек, которые, улыбаясь, хлопали друг друга по плечу, доктору Кругу было достаточно, чтобы понять, почему его помощник допустил оплошность. Единственная в мире машина умела улыбаться и потому была неотличима от живого мальчика. То, что на языке науки называется машинной эмоцией, то, чего

не хватало его механическим животным, — в двух шагах, рядом. «Отлично, отлично, коллега Громов», — про себя сказал фон Круг.

Он пригласил Громова в кабинет. Мальчики и собака остались в приёмной.

— Я надеялся увидеть вас, господин Громов… — начал фон Круг, предлагая гостю сесть.

Громов не сел.

— Объясните, что всё это значит, доктор Круг! — резко сказал он.

— Произошло досадное и неприятное лично для меня недоразумение. — Фон Круг развёл руками.

— Прошу ответить на мой вопрос! — перебил гость. — Почему мальчик оказался в вашем доме?

— Отвечу вам точно. — Фон Круг холодно взглянул на гостя. — Для завершения работы мне нужны схемы машинных эмоций.

— Так вот вы какой… — задумчиво проговорил Громов. Глаза его изучали фон Круга, словно видели впервые. Не на конгрессе, не на заседании Международного Совета, не на экране телевизора — здесь, в своём доме, застигнутый в странной роли похитителя, фон Круг неожиданно произнёс фразу без привычных красивых слов, фразу откровенную и циничную, которая с головой

выдавала его беспомощность как учёного. Это понимали оба собеседника.

Русский профессор казался чересчур спокойным. Фон Круг неожиданно для себя представил медведицу, которая лениво следит за своими медвежатами, но мгновенно даст знать случайному любопытному, что такое материнская забота.

После неловкого молчания хозяин продолжал:

— Я писал вам. Ответа не получил.

— Именно поэтому вы решили присвоить все мои схемы?

— Перейдём к делу. Здесь, за стеной, имеется модель… — Фон Круг кивнул на дверь, и Мик Урри, неподвижно сидевший в углу, понял этот знак по-своёму: подскочил к двери и запер её на ключ. Громов обернулся.

— Главный администратор, — совсем некстати представил своего помощника хозяин особняка.

Мик Урри демонстративно держал в руке ключ. Доктор Круг сделал вид, что не замечает мрачной решительности помощника.

— Хотя я и уважаю ваш талант, — холодно продолжал фон Круг, — вы всегда были непрактичным человеком. Не поняли до сих пор, что жизнь есть борьба. Математики, к вашему сведению, так же лихо съедают друг друга, как и

акулы. Если опоздал на день и не доказал сегодня теорему, то завтра уже гремит имя другого учёного. Мы с вами соперничаем давно, и вы, господин Громов, должны признать, что в соревновании новейших моделей я обогнал вас. Не хватает лишь деталей. Говорю всё прямо, с глазу на глаз — эта груда мускулов не в счёт! — Фон Круг кивнул на Урри.

— Господин фон Круг, — спокойно обратился Громов к противнику, внимательно выслушав его, — кто кого обогнал, я не знаю, потому что лично с вами не соревнуюсь. Надеюсь, что оценку наших работ дадут специалисты, и в частности Международный Совет. Я всегда считал вас человеком наблюдательным и педантичным. Очень жаль, что знакомство с моей новой моделью ничему не научило ни вас, ни вашего помощника, который к тому же так дурно воспитан, что закрывает гостя на ключ.

Упоминание о собаке взбесило Урри. Он покраснел от гнева, шагнул, сжав кулаки, к хозяину Рэсси.

— Меня зовут Мик Урри, господин профессор, — прохрипел он. — Я ошибся только раз в жизни… Мы тут одни, господин профессор… Мальчишки не в счёт!

В тишине щёлкнул замок, и слабый этот звук произвёл впечатление выстрела. Фон Круг резко обернулся к двери. Его помощник туго соображал, что произошло: «Дьявольская машина отмыкает замки?»

Громов с улыбкой наблюдал, как в открытую дверь вошёл невозмутимый Рэсси. Внезапно Урри схватил тяжёлое кресло, поднял над головой. Маленький терьер вырос перед ним на длинных ногах.

Гигантская, как почудилось Урри, куриная лапа, странно согнувшись, мощным ударом отбросила его вместе с креслом. Урри потерял сознание.

— Ну, это уж слишком… — пробормотал фон Круг и, сдвинув стенную панель, вошёл в лифт, которым пользовался только он. — Можете экспериментировать без меня! — крикнул он из лифта.

Панель скользнула на прежнее место.

— Совершенно с вами согласен, — сказал рассеянно Громов. — Впрочем, доктор Круг… куда вы?.. — Профессор совсем растерялся, наблюдая поспешное отступление хозяина. — Рэсси, что за странный поступок! Вернее, не Рэсси, Электроник…

А Рэсси, сложив и втянув страусовые ноги и снова став терьером, обежал вокруг кабинета, зарычал из-под стола, щёлкнул какой-то кнопкой. Гель Иванович с осуждением взглянул на собаку, потом — на Электроника.

— Что тут происходит? Электроник, обдумывай строже команды. Я просил только отворить дверь… Но это вовсе не значит, что надо сбивать с ног и останавливать лифт между этажами.

— Он уже застрял, — скрипуче произнёс Электроник.

— Пусть знает! — подхватил Сыроежкин. — В чемодане ещё хуже.

Громов усмехнулся.

— Вы, пожалуй, правы: наш хозяин не очень гостеприимен. Теперь волей-неволей ему придётся поскучать. Электроник, попроси Рэсси на всякий случай узнать, как там самочувствие доктора.

Рэсси встал у выдвижной панели, и Электроник хрипло объявил:

— Лифт между вторым и первым этажами. Шахта ведёт в подвал. Никаких особых звуков из шахты не слышно.

Мягко прогудел сигнал, включился динамик.

— Алло, «пеликан», — прозвучал далёкий голос, — вас вызывает двадцать шестой. Господина

профессора срочно просит двадцать шестой…

— При чём тут пеликан? — удивился Гель Иванович. — Один профессор подойти не может, — сказал он, обращаясь к динамику, — а другой как будто не имеет полномочий отвечать за него…

«Там что-то случилось, — подумал Сыроежкин. — Кому-то срочно нужна помощь».

— Гель Иванович, скажите им что-нибудь!..

Гель Иванович стоял посреди кабинета и пускал из трубки клубы дыма. Двадцать шестой трижды вызывал пеликана. Потом другой голос, такой же далёкий, но погрубее, отчётливо произнёс:

— Докладывает командир двадцать шесть. Задание для «Мира животных» выполнено. Отловлено более пятидесяти первоклассных экземпляров. Завтра утром груз будет погружён в самолёты. Программа номер два тоже выполнена. Пеленгатор зафиксировал сто сорок восемь сигналов. Данные переданы на указанной волне…

Во время бесстрастного доклада Громов приблизился к письменному столу и как бы в раздумье опустил пальцы на пульт. Но он уже не колебался: включился в разговор.

— Двадцать шестой, где вы сейчас находитесь?

— Рад слышать вас, господин профессор. — Голос в динамике чуть смягчился. — В квадрате одиннадцать — сорок два. Сейчас привал, у нас утро. Двигаться можно только ночью.

— Жарко? — участливо спросил профессор.

— За пятьдесят! Прямо скажем — пустыня! Но ребята держатся. Сонные стрелки, господин профессор, не жалея сил, отрабатывают своё жалованье. — Голос в динамике задребезжал: далёкий собеседник, видимо, засмеялся. — Вы будете довольны. Доброе утро, господин профессор!

— До свидания.

Сыроежкин, понимая, что случилось что-то необычайное, вопросительно смотрел на профессора. Электроник спокойно ждал распоряжений.

Громов, выключив динамик, опустился на стул. Потом встал, подошёл к большой карте Африки, отыскал, сощурившись, нужный квадрат, пробормотал:

— Сонные стрелки… Вот они где…

— Здесь за стеной установлена электронная машина, — спокойно сообщил Электроник. — Рэсси чувствует её тепловое излучение.

— Раз Рэсси чувствует, значит, машина работает, — согласился Громов. — Программа номер два… Что это такое? Как это я забыл спросить?

— Все данные есть в машине, — спокойно продолжал Электроник. — Я могу запомнить последние сообщения.

— Ох, Электроник, — покачал головой профессор, — трудные ты мне задаёшь задачи… Что скажет на всё это хозяин машины?

— Он в лифте. Он пока молчит. — Электроник слушал и докладывал.

— В последнем сообщении есть логика…

Громов не окончил фразу, потому что Электроник, приняв слова профессора за одобрение, скомандовал:

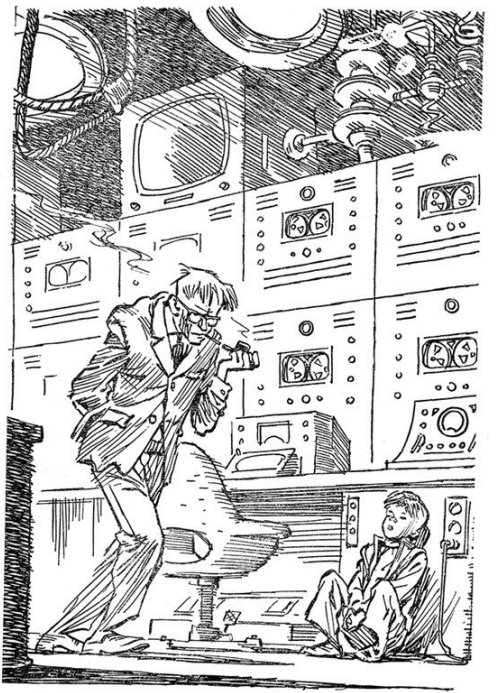
— Вперёд, Рэсси!

Рэсси прыгнул к декоративной стене, где в едином клубке переплелись тысячи диких существ, отдёрнул висевший на кольцах ковёр. Панель, похожая на дверь лифта, легко подалась, открыла вход в машинный зал.

Электроник, сев у пульта машины, читал мелькавшие на экране цифры. Их было много — нескончаемые колонки цифр, которые Электроник мгновенно запоминал. Профессор молча измерял шагами длинную машину.

Эта машина, подпиравшая стены железными боками, была огромна. Электроник, поглощая цифры, скоро пришёл к выводу, что ему нужно

сидеть здесь несколько суток...



И Электроник решился на подвиг, если можно назвать подвигом единственное правильное решение маленькой модели, которая должна была подчинить себе большую мудрую машину. Он вынул из круговской машины несколько блоков, переставил детали, потом достал из кармана коробочку транзистора и, упрятав её в один из блоков, аккуратно поставил всё на место.

Электроник подключился к машине фон Круга. Теперь он мог не смотреть на экран: он слышал все сигналы машины. По радио, на любом расстоянии.

— Я всего этого не запомню, — скрипуче сказал Электроник. — Миллионы цифр! Слишком большое количество информации…

Профессор положил руку на его плечо.

— Отключись, — посоветовал он. — Привыкать надо постепенно.

Учитель оценил подвиг ученика. С этой минуты они будут знать все действия фон Круга и его экспедиций. Спрятанный в машине передатчик настроен на волну Электроника.

— Пора возвращаться домой. На сегодня хватит впечатлений, — сказал Гель Иванович, и лицо его стало грустным. — Пора и проститься с Рэсси.

— Почему? — воскликнули мальчишки. — По-

чему проститься?

— Способен Рэсси за восемь-десять часов преодолеть более тысячи километров? — вместо ответа спросил Громов Электроника.

— Способен.

— Передашь ему по дороге вот это задание. — Профессор протянул ученику листок.

Электроник пробежал формулы.

— Он справится!

— Но почему Рэсси не летит с нами домой? — недоумевал Сыроежкин, ничего не понимая.

— Сонные стрелки! — кратко пояснил Громов и удивлённо взглянул на Сыроежкина. — Стоп! Ты подал мысль! В самом деле, почему Рэсси тоже не полететь? Зачем зря тратить ему энергию! Центральная Африка — это не близко.

Громов и его спутники вышли из особняка. Такси направилось в аэропорт. На заднем сиденье между двух мальчишек примостился лохматый пёс. Одним ухом Рэсси слушал формулы, другим — скупые мужские слова о своей силе и ловкости. И ещё он слышал, наверное, тихие слова профессора Громова:

— «И так далее»... Удачно придумано. Никогда не знаешь, какое испытание ждёт впереди. И вот — серьёзный экзамен. Пришла пора проявить

ему своё «И так далее»…

…Перед отлётом профессор Громов позвонил из аэропорта секретарю фон Круга:

— Извините, пожалуйста. Я забыл сказать вам при прощании, что господин фон Круг, провожая нас, застрял в лифте между первым и вторым этажами…

Рэсси остался в группе пассажиров, ожидавших самолёта в Африку.

Глава 9

...Есть два мира, где живут люди, называющие себя глубинниками. Глубинники редко бывают в привычных нам городах, а приехав, тоскуют по своей странной сфере глубин, где всё изогнуто-кривое, легко-невесомое, необычайно тихое.

Первый мир — Космос. Второй — Океан.

Космическая и подводная эры в истории человечества начались почти одновременно: после полёта вокруг Земли Юрия Гагарина и спуска в океан Жака Пикара и Дена Уолша. Разведка Мирового океана и планет Солнечной системы привлекала людей особой силы воли и прочности духа — специалистов, умевших работать в непривычной и враждебной для человека среде. Чудовищная тяжесть воды и бездонная пустота космоса — такие разные на первый взгляд условия — роднили жителей двух миров. Космические станции и ракеты, подводные дома и корабли во многом были похожи; глубинники одинаково нуждались в кислороде и пресной воде, чувствовали себя оторванными от привычной, твёрдой земли. Два мира исследовали неизвестное, соревновались, шутили друг над

другом и вместе посмеивались над теми чудаками-землянами, которые из года в год живут под одной крышей, ходят привычной дорогой на работу и не помышляют нырнуть в океанскую впадину или пробежать по пескам Марса.

Космос и Океан держали постоянную связь. В короткие перерывы между рабочими разговорами диспетчеры обсуждали новости далёкой Земли. Двое из них — Астронавт и Командор — были знакомы давно и не упускали случая обменяться взглядами с разных, так сказать, «полюсов».

— Алло, Астронавт, как тебе понравилась идея механических зверей в «Мире животных»? Ты видел, надеюсь, передачу из Теймера? Приём.

— Видел, Командор. Скучное зрелище. У меня таких «механических зверей» полные экраны. И вся эта электроника — спутники, станции и так далее — летит по заданным орбитам. Приём.

— Что-то ты сегодня не в духе, Астронавт. Пустота действует тебе на нервы… Я понимаю, тебе, звёздному пустыннику, незачем глядеть на жирафу: тебе, чтобы вспомнить любое животное, достаточно информации о его параметрах. Но твоей дочери, Аст, когда она подрастёт, надо увидеть жирафу с ногами и длинной шеей. Иначе

она не поверит, что есть такой зверь. Ну как, Аст? Приём.

— Понял тебя, Командор. Я специалист по небесной механике и ничего не знаю про то, как выращивать жирафу. Скажи мне лучше, что ты видишь в своих иллюминаторах? Приём.

— В ближнем — мутный ил. В дальнем — теперь я понимаю, кто взбаламутил воду, — стая рыб активно работает хвостами. Вот и всё, Аст. Приём.

— После твоих слов моя серая Луна позеленела от зависти. Живые рыбы!.. А у меня одни камни. На твоём месте, Командор, я бросил бы работу и уплыл охотиться. Между прочим, ты знаешь, что самое большое удовольствие — охотиться с собакой? Приём.

— Лес на рассвете. Лёгкий туман между деревьев. И впереди тебя, изредка останавливаясь, нюхая воздух, бежит собака. Приём.

— Гонит на тебя, всё ближе и ближе, вот-вот выскочит из кустов ошалелый заяц… Довольно, Командор! Как ты слышал, вслед за тиграми и жирафами пойдут механические зайцы. Разве интересно охотиться на такого зайца? Забудем все эти глупости. Приём.

— Ты прав, Аст. Такая жизнь не для нас. Приезжай в отпуск ко мне. Я приметил одно ущелье,

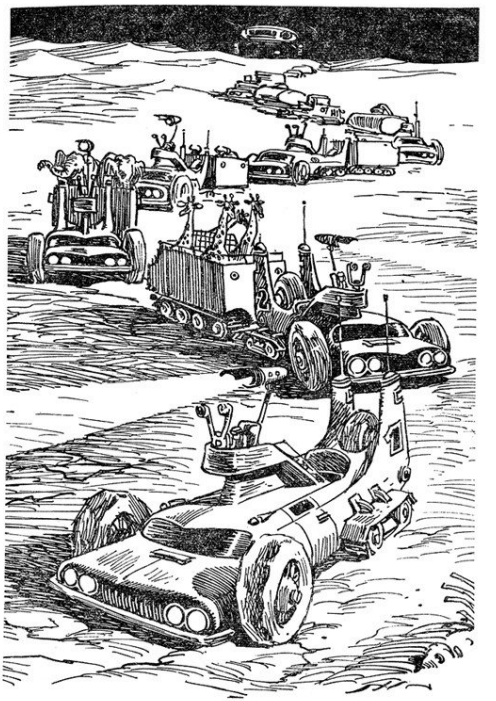
где прячется хитрющий спрут. Разобьём на зелёном склоне палатку. Зарядка, завтрак, потом прогулка на дельфине, экскурсия на затонувшие корабли, после обеда — отдых в тёплом течении. А когда всё надоест, выследим и поймаем спрута для наших ребятишек. Как тебе это нравится, Астронавт? Приём.

— Отлично, Командор! Только, наверное, мне удастся вырваться к тебе не скоро. В ближайший отпуск договорился с приятелями взойти на самую высокую гору Луны. Я расскажу тебе, как всё будет. Так что извини и спасибо… До скорого! Меня вызывает Юпитер. Отбой.

…В лунном свете полз по пустыне караван машин.

Шагающие, как у лунохода, колёса, беспрепятственно проходящие сквозь пески, уминали красноватую землю Африки. Днём, в ярких лучах солнца, это однообразно плоская, унылая равнина, где попадаются иногда низкие колючие кусты да грязные ямы. Ночью луна преображала пустыню: блестели вершины песчаных холмов, тянулась впереди колонны серебристая дорожка, — ночная пустыня была похожа на притихшее море. Мягкая, безветренная лунная ночь — награда после раскалённого дня, когда даже павиана

может хватить солнечный удар, после горячего, иссушающего кожу ветра и обманных миражей воды. Ночью над африканской пустыней висят близкие, почти ручные звёзды.



Сверху караван похож на огромную, извивающуюся между холмов змею. Командир двадцать шестого отряда Пенн повис на воздушной машине в конце колонны, где движутся цистерны с водой, холодильники с молоком, фургоны с прессованным сеном. «Мой ноев ковчег» — называет Пенн свою колонну. На открытых платформах вездеходов покачиваются слоны, носороги, гиппопотамы. Автокранами торчат над кабинами жирафы, в других машинах — зебры, антилопы, страусы. Львы в вездеходе с решётками, — скорее по традиции, чем из-за необходимой предосторожности. Пятьдесят с лишним животных, добытых для зоопарка «Мир животных», — все спокойные, будто ручные. Обычные трофеи сонных стрелков.

Пенн, командир стрелков, или, как его зовут следопыты за выдающийся рост, Пенн-долговяз, долгое время работал «белым охотником», унаследовав редкую профессию от отца и деда. Он умел делать всё, что входит в обязанности охотника: выслеживать зверя, разбивать лагерь, готовить обед, проявлять фото- и киноплёнку, водить самолёт, машину и, разумеется, безошибочно стрелять. Правда, с тех пор, как охота на животных была запрещена для всех, стрелять

Пенну приходилось крайне редко.

За последние годы белый охотник убил одного слона, который, услышав жужжание кинокамеры, прижал уши, свернул кольцом хобот и с такой яростью бросился на открытую машину, что смял бы её, как пустую жестянку, не останови нападающего пуля в лоб из тяжёлого нарезного ружья. Слон рухнул на колени возле самых колёс. Хладнокровный турист из Европы, до последнего метра снимавший нападение слона, спас Пенна от тюрьмы: эффектная киноплёнка подтвердила грозившую людям опасность. Кроме того, турист, назвавшийся профессором фон Кругом, предложил охотнику новую работу. Пенн-долговяз стал сонным стрелком.

Сонные стрелки охотились на самых редких зверей, причём выбирали лучшие экземпляры. Они носили с собой мощные ружья и презирали охоту с автомобилей, когда привыкшие к технике звери подпускают человека на несколько шагов; уходили в заросли, выслеживали там жертву, нажимали спусковой курок. В этой охоте всё было, как и десятки лет назад: азарт и осторожность охотника, хитрость зверя, странная тишина перед решающим моментом и мгновенность нападения — почти всё правдоподобно. Зверь падал не

мёртвым, его мгновенно усыпляла сонная пуля.

И хотя Пенн, став уже командиром стрелков, называл свою работу «врачебной охотой», он отлично помнил, что родился в другое время, чем его дед и даже отец, которые охотились по-настоящему. Когда не в кого стрелять разрывной пулей, «врачебная охота» — лучшее занятие для таких азартных, сильных, жаждущих погони за зверем парней, как он сам. Сейчас сонные стрелки отдыхали, переживая во сне, быть может, ещё раз свои приключения; спали все, кроме тех, кто вёл машины вместе с проводниками.

Пустив аэромобиль на малой скорости, командир с удовлетворением поглядывал на свой ноев ковчег. Пятьдесят голов — гордость любого охотника. Добыть пятьдесят голов, когда почти вся саванна превращена в поля и пастбища, когда звери скрылись в колючих зарослях, — значит месяц бродить с пересохшим от жажды ртом по пустыне. Месяц адской работы! Там, на платформе, были и его, Пенна, «охотничьи рекорды»: носорог с мощным рогом и лев с редкой чёрной гривой. Лев выскочил из травы в пяти шагах от Пенна и, остановленный выстрелом, свалился тяжёлым мешком, чуть не царапнув его по плечу; носорог, которого охотник выслеживал больше

недели и встретил на узкой тропе, со свойственным ему яростным упрямством не пожелал уступить Пенну дороги…

Была и вторая программа, о которой командир двадцать шесть докладывал фон Кругу. Цель её профессор не объяснил даже Пенну, но для стрелков она представляла особый интерес: состязание в меткости. Надо было попасть особой радиопулей в определённое место головы или тела. Зебры и страусы, антилопы и жирафы, помеченные радиопулей, убегали галопом. Более агрессивные мишени, если они обнаруживали охотника с бесшумным ружьём и нападали на него, получали вдобавок сонную пулю. Такую жертву не трогали: через несколько часов зверь просыпался, вставал на ноги.

Сонные стрелки не интересовались задачами такой необычной охоты. Считали, что у науки свои причуды; они же получают от этих причуд удовольствие, не нарушая — что очень важно — правил закона о браконьерстве: радиопули не убивали животных. А кроме удовольствия, стрелков ожидала специальная награда. Командир всегда знал, кто попадает точно в цель: в радиоящике пеленгатора, который он возит в своей машине, каждая радиопуля попискивает своим

сигналом.

…Пенн посмотрел на часы и убедился, что ночь подходит к концу. Звёзды вскоре погаснут, и огненный шар начнёт своё привычное кружение над пустыней. К тому моменту колонна выберется на каменистый кряж. Кряж ведёт к реке и зелёным холмам. Дальше — шоссе. На этом шоссе можно развить скорость и через несколько часов доставить груз на аэродром.

Глава 10

С востока, опережая на полчаса солнце, к каравану приближалось странное существо. Если бы Сергей Сыроежкин мог видеть сейчас своего лохматого друга, он ахнул бы от изумления: вытянувшись в воздухе стрелой, Рэсси летел на крыльях. Впрочем, для любого наблюдателя с земли шесть прозрачных плоскостей, похожих на крылья насекомого, были почти неразличимы, как незаметны бывают крылья летящей мухи — одно лишь мелькание в глазах. Крылья вращались сверху вниз мощными взмахами, делая петли в виде восьмёрки, лапы были спрятаны, уши крепко прижаты — всё подчинено скорости.

Рэсси пространствовал.

Это не значит, что он просто летел на большой скорости, отмеряя километры. Он искал цель, и всё его существо, все тончайшие механизмы излучали, исследовали то, что простиралось под ним и вокруг него.

Со своей высоты Рэсси обозревал на десятки километров плоскую равнину, блестевшую в лунном свете, будто алюминиевая сковорода. Как лев, как леопард, как любая кошка, он прекрасно

различал в темноте каждый холм, каждый куст и осторожные силуэты хищников между ними. Но лев, разумеется, никогда не сможет подняться в такую вышину и увидеть чёткую грань земли и неба — плавно выгнутую линию горизонта; лев никогда не увидит так близко звёзды Африки, а для Рэсси, стремившегося вперёд с лёгкостью птицы, были важны луна и звёзды: по ним он ориентировался, зная с точностью до минуты, когда солнце сотрёт их с небосвода.

Встречный ветер не заглушал для Рэсси звуков обычной жизни. Он слышал хохот гиены, глухое ворчание самого властелина пустыни — льва, топот сорвавшегося с места табуна антилоп. Рэсси узнавал мимоходом многие ночные секреты — для него были понятны даже те звуки, которые не улавливает человеческое ухо.

Но Рэсси не вмешивался в ночной быт хищников. Он слушал: нет ли сигналов особой опасности, предупреждающих о приближении каравана машин?..

Попав в полосу тумана, многокрылый летун узнал по слабым тёплым волнам, что он пересёк шоссе и следует вдоль берега реки, где в вязком иле попискивают готовые вылупиться из яиц крокодильи младенцы, призывая мать-крокоди-

лиху разрыть лапами свою кладку.

Все обострённые чувства, пробудившиеся в Рэсси, и были тем особым состоянием, которое необходимо ему, чтобы выполнить поручение, и которое названо словом «пространствовать». Это особая работа сложнейших механизмов, из которых состояла новая модель… Пространствовать для Рэсси означало найти цель, решить множество задач, проявить все способности, зашифрованные в кличке одной таинственной буквы «И» — «И так далее»…

Рэсси пространствовал над ночной пустыней и ещё издали обнаружил караван вездеходов. Он приблизился на большой высоте, а потом, снизившись, некоторое время парил над машиной командира, подробно изучая противника, заранее составляя и проигрывая, как опытный теоретик, программу действий. Сложив четыре крыла, планирующим полётом на двух раскинутых в стороны плоскостях Рэсси резко направился вниз.

Пени, отмерявший на карте расстояние до шоссе, услышал пронзительный, резкий, многократно повторенный в ночи звук, от которого он вздрогнул: как будто закричали разом все звери Африки. То, что увидел Пени сверху, поразило

даже его, охотника, родившегося в Африке, командира дюжины отчаянных парней.

Звери словно взбесились. Слоны с боевым трубным воплем молотили хоботом по кабинам. Ревели, сотрясая воздух, львы. Носорог, обратившись в живой таран, одним ударом разнёс борт вездехода. И ещё Пени заметил в серой мгле совсем непонятное существо: оно скользнуло вниз на длинных, блеснувших в свете фар крыльях и пропало на фоне чёрной земли. Пени включил сирену тревоги. Машины остановились. Из фургона высыпали сонные стрелки.

Блеснули вспышки выстрелов. Но пули опоздали. Львы, страусы, зебры, носороги, жирафы бежали, подгоняемые протяжными, всё не стихающими звуками тревоги. Быстрым глазом охотника Пенн успел заметить, что на платформе после первых ударов слонов откинулись борта и гиганты сошли на землю.

— Двое в «лягушку», — командовал Пенн в микрофон. — Остальным охранять машины. Включить все прожектора!

Сам Пени устремился за беглецами к реке, развив предельную скорость. За ним, легко соскочив с платформы, резво отталкиваясь от каменистой почвы, прыгала машина-лягушка с двумя

стрелками.

Глава 11

— Наш друг змея! — хрипло сказал Электроник.

И Сергей растерянно спросил:

— Змея? Какая змея?

— Наш друг змея помогла Рэсси увидеть в тумане шоссе. Его антенны, чувствительные, как особые точки на голове змеи, уловили слабое тепло…

За тысячи километров от африканской пустыни, в школе юных кибернетиков, в обычном кабинете математики, Электроник чутко слушал далёкого Рэсси. Для Сергея он повторял всё вслух, а для себя писал на доске формулы. Сыроежкин постепенно узнавал, как пространствовал Рэсси над ночной пустыней. Наконец-то он начал понимать, что значит таинственное «И так далее» в имени их лохматого друга!

— Наш друг кошка, — скрипуче произнёс Электроник, стуча мелом по доске, и пояснил: — В темноте у Рэсси стопроцентное зрение, как у кошки. А по глазам кошки можно даже определить точное время: в полночь они идеально круглые и горят.

Глаза Рэсси, точнее, его многоглазие особенно удивляло Серёжку. Если черепаха глядит как бы сквозь зелёные очки; собака, корова, лошадь не различают никакие цвета; орёл, страус, осьминог видят, как человек; стрекоза делит мир на голубой верх и пёстрый низ, а пчела ясно различает невидимую часть радуги, то Рэсси смотрел на расстилавшийся перед ним мир так, как ему было удобно. Рэсси мог превратить его в чёрно-белый и в обычный цветной, мог совмещать жёлто-зелёно-оранжевые краски и различать недоступные человеку тона. Мог, если бы очень захотел, увидеть мир вокруг себя переливающимся тончайшими оттенками, медленно текущим, как цветная река, как бесконечная мелодия красок, таким разноцветно-ярким, что у обычного человека, будь он на его месте, закружилась бы голова. Рэсси мог увидеть все богатства солнечного мира здесь, на Земле, а не на поражающем воображение Юпитере.

Когда Рэсси парил над колонной, следя двумя глазами за вездеходами и третьим, невидимым «глазом рака» — за воздушной машиной командира, Электроник затих, решая вместе с далёким разведчиком сложную задачу. Но вот Рэсси издал пробудивший пленников клич, и Электроник

подскочил на месте, а потом произнёс:

— Это что-то новое, надо запомнить. На первый взгляд — крик крайней опасности, составленный из сигналов разных животных. Точнее проанализирую позже. — И он улыбнулся.

— Не вовремя улыбаешься! Что там произошло? — Сергей нетерпеливо дёргал друга за рукав.

— Животные бегут к реке. Я улыбаюсь необычной информации.

— Хотел бы я видеть это! А где Рэсси? Что случилось с ним?

— Рэсси ведёт их за собой.

— А что сейчас? А сонные стрелки? Ну, отвечай же, отвечай!

— Когда однажды сороконожку, — спокойно ответил Электроник, — спросили, как ей удаётся передвигать все сорок ног, она сразу же разучилась ходить. Не мешай мне, пожалуйста. Я всё скажу, что сумею узнать. Связь действует отлично. Спокойствие и анализ… И не отвлекай, пожалуйста, Рэсси лишними словами. Ведь он тебя тоже слышит…

Глава 12

Яркое африканское солнце осветило речные заросли. Птицы, ящерицы, змеи, крокодилы, насекомые, лягушки, черепахи — всё разом пробудилось; наступила привычная пора охоты, песен, игр.

И словно невидимая рука отдёрнула вдруг мелко сплетённый занавес мошкары; смолкли невидимые в тумане птицы. Речные жители притаились и будто исчезли. В клубы тумана, в прохладные воды реки, тяжело стуча ногами, спускалось с откоса грозное стадо. Рядом с зебрами и антилопами прыгали львы, жирафы спешили за страусами, слоны и носороги, с треском ломая тростник, пробирались к противоположному берегу. Там защитная стена кустарника, оплетённые лианами деревья.

Над бегущими, испуская призывные крики, парил крылато-мохнатый разведчик. Странные «рога» на голове, которые видел издали командир Пенн, — вовсе не рога, а выдвижные антенны глаз, как у некоторых мух. Рэсси зорко наблюдает за преследователями: в верхних клетках сетчатки его глаз медленно перемещается воздушная

машина, скачущая «лягушка» — в нижних, и Рэсси точно определяет расстояние до зелёных холмов и скорость преследователей. Пленники успеют. Успеют добежать до выстрела.

Пенн понимал, что звери скроются в колючих зарослях. Однако его волновали не «охотничьи трофеи» — он был уверен, что стрелки выследят бывших пленников, — Пенн с холодной яростью следил за многокрылым летуном, который увёл его добычу. Кто это был, Пени не знал, но интуиция подсказывала охотнику, что перед ним сейчас опасный противник.

А тот словно дразнил стрелка: завис на серебристых крыльях над бамбуком, будто знал, что человек приземлит свой аэромобиль.

Машина командира в зарослях была бесполезна. Пени, выбравшись из кабины, подождал, пока по склону холма взберётся «лягушка». В подоспевшей «лягушке» были один из стрелков и оруженосец командира — Зузу, державший наготове два электронных ружья.

— Со мной поедет Зузу, — сказал Пенн стрелку. — Извини, парень, хочу настигнуть вон ту штуковину.

В колючих зарослях машина-«лягушка» незаменима, хотя, разумеется, не столь комфортабельна,

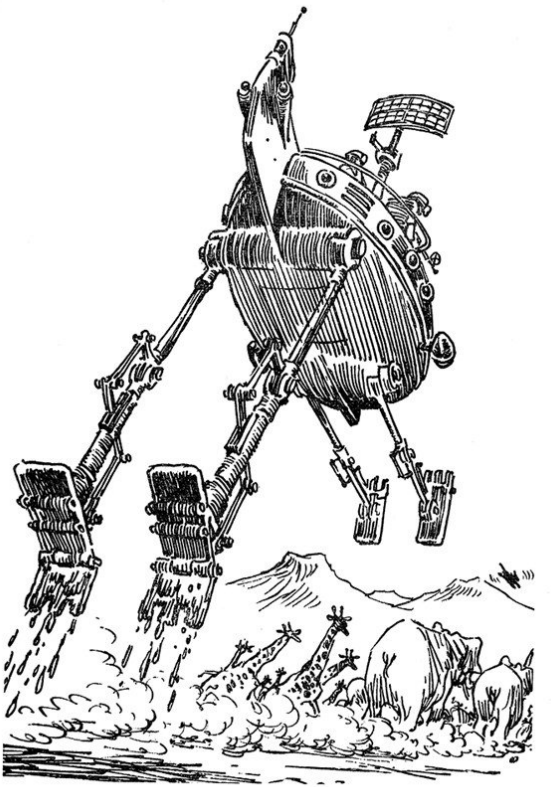
как аэромобиль. Пенн-долговяз, надев на голову шлем, втиснулся на водительское место, так что его колени оказались возле подбородка, привычно нащупал подошвой армейского ботинка педали, нажал на кнопки управления. Машина, оттолкнувшись четырьмя лапами, гигантским прыжком взвилась над кустами и с треском приземлилась в сухом бамбуке.

Пожалуй, прыжки в «лягушке» можно сравнить со спуском горнолыжника с опасного склона: коварные бугры и ямы способны внезапно подбросить в воздух, свалить в сторону, разбить о вырастающее на пути дерево. Здесь всё внимание — трассе, мгновенному выбору площадки до следующего прыжка, ну и, разумеется, цели погони. Водитель «лягушки» должен быть опытным, хладнокровным преследователем.

Рэсси на своих крыльях тоже лавировал. Двигаясь рывками, он облетал деревья, скользил между кустов. А главное, что бесило преследователя, — лохматый летун угадывал, куда именно прыгнет «лягушка», и удирал чуть ли не из-под самого носа машины. Пени вскидывал на ходу ружьё, которое протягивал ему оруженосец, но всякий раз опаздывал на какое-то мгновение: Рэсси не давал стрелку прицелиться.

Пот катился из-под шлема, на рубашке выступила соль. Охотник, сжав зубы, посылал машину вперёд. Он видел, что многокрылый превосходит любого зверя по быстроте реакции, но не отступал.

Внезапно «лягушка» увязла. Пени нажимал на кнопки — бесполезно: болото. Он выскочил из машины и, провалившись по колено в жижу, выпалил из обоих стволов в небо, где в последний раз мелькнула тень, — просто так, чтоб разрядить свою ярость. Как это он не заметил и угодил прямо в болото! Охотник махнул оруженосцу: надо возвращаться пешком, вдвоём «лягушку» не вытянуть…



Они пробирались сквозь заросли, искали тропу. Весь мир вокруг охотника и его следопыта был колючим: острые, как рыболовные крючки, согнутые шипы царапали кожу, рвали одежду. А сверху жалило солнце. Пенн был недоволен собой: он стрелял, хотя цель уже исчезла, — что может подумать о нём чёрный оруженосец?.. Но Зузу, казалось, забыл позорное для охотника происшествие: молчаливо скользя среди кустов, он выводил спутника из зарослей.

Иногда они ползли в густом, переплетённом вверху кустарнике, и Пенн видел перед носом лиловые пятки следопыта. Выбравшись на простор, Зузу вытаскивал из рубашки охотника колючки; сам он был без единой царапины.

А где-то в кустах бежал носорог — его, Пенна, рекордный трофей…

Ухо охотника уловило в знойном воздухе медленные звуки барабана: неподалёку, у реки, была деревушка. Пени выругался про себя: ещё не вечер, а уже передают новость. Кто-то стучал по натянутой на огромную чашу коже слона: «Рум-ра-та… ра-ра… дум!» И это значило: «Слушайте все, слушайте! Звери белых охотников разбежались. Каравана больше нет…»

Тяжёлый, глухой звук плыл над рекой…

…Несколько дней сонные стрелки выслеживали беглецов. Те, кто уходил к зелёным холмам за рекой, возвращались без добычи. Самые опытные охотники спешили по свежему следу, но не сделали ни одного выстрела: звери словно превратились в привидения. Пени был уверен, что во всём виноватo странное крылатое существо, которое он не догнал. Час за часом под раскалённым солнцем патрулировал командир в своём аэромобиле, но не замечал ни одного подозрительного силуэта. Это было какое-то проклятое место! Как будто подходящее для охоты, с бродившими рядом «живыми целями» и — пустое. Пенн-долговяз уже колебался: может, ехать дальше и начать охоту заново?..

Несколько дней Рэсси пространствовал в тропических зарослях и вёл себя как прирождённый африканец. Прыгавшие на ветках обезьяны, пёстрые крикливые попугаи, притаившийся в развилке дерева леопард, мирно сопящий на пустынной тропе носорог, которому все уступают дорогу, зная его дурной характер, строгая шеренга слонов, идущих к ночной реке, — ничто не ускользало от острого взгляда Рэсси.

Он слышал звуки африканских джунглей, понятные всем зверям: ведь только безнадёжно

глухой не уловит крик боли телёнка, на которого прыгает большая кошка. А кроме того, каждый зверь, каждая птица говорили друг с другом почти неслышно для соседей: зебра фыркала своему жеребёнку беззвучно для рыскавшей рядом гиены, а переговоры шакалов, сопровождавших львиное семейство, были для львов лишь слабым шёпотом. Чуткие уши Рэсси невольно подслушивали лесные тайны — любви и рождения, гибели и утоления жажды, гона добычи и свержения сломавшего ногу вожака. Рэсси мог даже вмешаться в чью-то чужую жизнь, подавая особые сигналы для каждого животного. Но он вёл себя как все: звери по природе своей молчаливы и не говорят без причины; даже царь пустыни, чей рык сотрясает землю, подаёт голос очень редко. Так, внимательно слушая окружающий мир, Рэсси проверял то, что знал раньше: в любом крике зверя, в любой песне птицы есть важная нота, и смысл пёсенки меняется, если переставить ноты.

Огибая препятствие с ловкостью летучей мыши, Рэсси следил за небом и землёй, не теряя из виду преследователей. Как ни были опытны и осторожны охотники, разведчик замечал их первым. То, что человеку могло показаться промелькнувшей смутной тенью, для глаз Рэсси было

точной фигурой; он определял расстояние до неё и скорость её движения. Вот тут Рэсси подавал знак опасности резким голосом. А когда охотник был близко, лохматый страж ощетинивался, принимал угрожающую позу, предупреждая: спасайтесь! Обнаружив стрелка в засаде, он оставлял пахучие метки на тропе, кустах, стволах деревьев, и все шедшие на водопой обходили страшное место или возвращались обратно; сиди стрелок в секрете хоть несколько дней — ни один зверь не переступит опасной черты.

Если бы звери имели обычай выбирать среди своих вожаков наиглавнейшего, которого почитал бы не из одного только страха каждый житель леса, Рэсси несомненно был бы избран «царём зверей». Даже в короткие минуты передышки оберегал он своих подданных, решая сотни задач.

Как всякая машина, Рэсси никогда не думал о себе в превосходной степени и вообще не думал о себе. Разве только в моменты опасности. Да и тогда он представлял себя в третьем лице — как игрока в честном поединке, который непременно должен выиграть. Несмотря на особую чувствительность, не был он электронным поэтом, наподобие тех машин, которые сравнивают

шелест травы с тихим дождём, а звон ручья с пением птиц. Но это не значит, что Рэсси был просто механическим набором схем. Его электронное нутро жило своими ритмами, его обострённые чувства — слуха, зрения, погоды, направления, движения, опасности — непрерывно изучали окружающий мир, чтобы угадать, предвидеть действия противника, опередить его. Иначе бы Рэсси просто не был Рэсси!..

Непрерывно посылая информацию Электронику, Рэсси получал от него ответные сигналы. Он не знал, конечно, что происходит в далёком от него городе. Не видел, как Электроник даёт листы бумаги, испещрённые математическими знаками, учителю; как тот, лукаво улыбаясь, говорит: «Ну что ещё преподнесло нам наше таинственное «И так далее»?»

И хмурится, и качает головой, и радуется, читая листы.

А потом Громов на свободной части листа набрасывает уравнение, протягивает Электронику: «Пошли-ка Рэсси эту поправку. Возможно, она ему пригодится...»

Электронный Рэсси, редчайший механизм, — он слишком старательно выполнял поручение. Убедившись, что самые стойкие, самые сильные, заметные всем издали сигналы опасности — пахучие метки, разведчик подобрался на рассвете к каравану и, как маленькая химическая лаборатория, оставил свои знаки на шагающих колёсах вездехода. Затем скользнул в открытую дверь фургона, где дремали сонные стрелки, и очень внимательно осмотрел ботинки охотников.

— Смотрите, — изумлённо сказал, просыпаясь, один из стрелков, — собака. Ребята, да ведь это

терьер!

Вслед за лохматым терьером стрелок выскочил наружу и увидел странное существо, убегающее на длинных ногах с огромной скоростью.

На этот раз радиопуля поразила цель. Любитель собак сообразил, что обычный терьер вряд ли станет улепётывать на страусовых ходулях.

Пенн-долговяз ухмыльнулся от такого везения. Выслушав стрелка, он сразу понял, кого отметила радиопуля. Теперь надо только дождаться солнца, чтоб выследить наверняка и прикончить боевым зарядом проклятое многокрылое существо. Разбойнику не уйти, кем бы он ни был. Радиоящик, стоявший в багажнике машины, издал характерный писк.

Приземлив аэромобиль, Пенн побежал в фургон к стрелкам — поздравить счастливца.

Когда он вернулся к машине, то не поверил своим глазам. Багажник с дорогой аппаратурой был сплющен мощным ударом, будто на него наступил слон.

Пени растерянно осматривал остатки аппаратов, соображая, что он теперь доложит фон Кругу. Без уникального пеленгатора охота радиопулями не имела никакого смысла: машина фон Круга не получит ни одного сигнала и хозяин очень скоро

догадается, что экспедиция провалилась.

Через полчаса колонна пустых вездеходов направилась к шоссе…

Глава 13

— …Ничего не понимаю в этом ящике с хвостом. Модель вышла из подчинения. — Электроник развёл руками. — Несколько дней наш Рэсси изучал и синтезировал запахи опасности, раздражения, приманки и забыл главный для путешественника знак — чувство дома. Он даже не слушался моих приказаний. Только теперь Рэсси возвращается.

— Победителя не судят! — авторитетно заявил Сыроежкин. — Вот Колумб. Поехал в Индию, а открыл Америку. Никто ему и слова не сказал. А наш Рэсси открыл Африку. Африку для свободных зверей…

Как обычно, друзья встретились в кабинете математики и обсуждали приключения Рэсси. Электроник аккуратно чертил формулы на доске, стирал их и писал новые.

— Конечно, Рэсси — особая личность и, как предусмотрено основным правилом, имеет свободу действий, — скрипуче продолжал Электроник. — Но я не думал, что он проявит такую самостоятельность… Вероятно, постоянное усложнение системы в результате накопленного опыта рождает новые свойства, которые невоз-

можно предвидеть…

Электроник монотонно бормотал, и лицо его было очень скучное, почти тоскливое. Хотя в этих неинтересных научных словах и угадывалось новое открытие Рэсси, Сыроежкину стало жаль друга. Его Электроник, математическое светило, чего-то не понимает!.. Не может этого быть! Он просто устал от напряжения. Его надо развеселить, помочь ему развеяться.

— Ты хочешь сказать, что Рэсси умнее тебя? Чепу-ха! — Сыроежкин рассмеялся. — Погоди, вот он вернётся, мы ему устроим экзамен и выясним, кто лучший в мире фокусник и математик.

— Не к месту смеёшься, — сделал ему замечание Электроник. — Когда система не подчиняется и даёт странные результаты, их прежде всего надо понять. Я должен всё спокойно проанализировать.

Ого! «Система не подчиняется»! Ставит в тупик самого Электроника… И он в этом признаётся…

— Молодец, Рэсси! — не выдержал Сергей. — Эх, будь я на его месте…

Да, Рэсси — гениальная личность… Уметь слышать шелест змеи, который не слышит даже лягушонок, понимать песни иволги, подражать трубному крику слона. А летать в темноте, прима-

нивать зверей, узнавать все новости пустыни…

А пространствовать! Видеть, слышать, бегать, планировать, чувствовать, искать, находить — всё это сразу — каково, а? Пространствовать в небе, в джунглях, в море, а завтра, возможно, и на Луне, среди звёзд!

Да любой человек, решил про себя Сергей, захочет стать такой собакой!

— Кто же из нас не прав? — размышлял Электроник. — Я хозяин Рэсси, значит, мои распоряжения неоспоримы, а он меня просто не слушается. (Нет, не хотел рассудительный Электроник превратиться в гениальную собаку!) А Рэсси, может быть, старается доказать, что выполняет задание хозяина, исходя из обстановки. Но хозяин, к сожалению, этого не понимает…

— С ума сойдёшь, какая-то страшная путаница, — взмахнул руками Сыроежкин. — Быстрее решай свою задачу! Делай мировое открытие!

— К счастью, я не впадаю в панику, сталкиваясь с логическими тупиками, — хрипло продолжал Электроник. — Я применяю в таких случаях первую теорему Гёделя: не все истины можно доказать. И оставляю пробел в своей памяти.

— А вдруг Рэсси прав? Вдруг он сделал открытие?

— И здесь есть выход. Надо спросить профессора. Учителю я полностью доверяю.

— Мудрая теорема, — согласился Сыроежкин. — Как ты сказал — Гёделя?

— Великая теорема о неполноте формальных систем. Повторяю её суть: не все истины можно доказать. Если бы я не знал её и не применял на практике, я давно бы перегорел от бессмысленных рассуждений.

— А как же профессор?

— Профессор обычно отвечает: «Благодарю тебя, мой друг. Ты ещё раз напомнил мне, что человек изобрёл машину, а не наоборот. Придётся мне подумать...» А потом он вдруг находит решение. И я заполняю свой пробел.

— Голова! — восхищённо произнёс Сыроежкин. — Лучшая в мире голова — профессора Громова. И ты скоро станешь профессором, Электроник. Бедняга ты, бедняга. День и ночь следишь за Рэсси, слушаешь машину фон Круга и считаешь, считаешь, считаешь... Брось всё это, Электроша! Давай погоняем мяч или прокатимся на велосипеде... А то в самом деле перегоришь раньше времени...

— Опять ничего не понимаю. — Электроник сказал это так хрипло, что Сыроежкин мигом

понял: что-то случилось.

— Ну? — Сергей подошёл к другу.

Электроник застыл. Несколько минут стоял он тихо, прислушиваясь к себе и раздумывая. Сергея смутило его молчание: неужели Электроник перегорает на его глазах?

— Что с тобой?

Электроник молчал.

«Куда бежать? — лихорадочно соображал побледневший Сергей. — Ему, кажется, плохо… В аптеку?.. Что я, в какую это аптеку? Теоремы в аптеках не продаются… Что делать? Ведь я не знаю Гёделя…»

— Не все истины правильны… — горячо сказал Сергей. — Верно, Электроник? Отвечай!

— Отвечаю. Уже несколько часов Рэсси летит над стадом, — прервал молчание Электроник. — Бегут тысячи антилоп. Ряд за рядом. Там есть страусы и даже лев. Лев никак не вырвется из стада. Ревёт, кусается, но он в плену… Они поднялись на гору… Впереди обрыв, пропасть!.. Рэсси ничего не может сделать. Он пугает, кричит, бежит впереди, увлекает за собой. Стадо не сворачивает… Рэсси не знает, как сбить их с пути. Я тоже ничего не могу придумать. Не могу подсказать… Осталось несколько минут…

— Звонить Громову! — крикнул Сергей.

Громов понял их с первых же слов.

— Сколько до пропасти? — спросил он отрывисто.

— Пятьсот метров, — ответил через несколько секунд Электроник.

— Поздно, — прозвучало в трубке. — Пусть Рэсси внимательно слушает на разных волнах, нет ли радиосигналов от антилоп.

— Есть. Сигналы исходят от животных, которые бегут вперёд. Такие же, как от пули, которая застряла в Рэсси… Они уже прыгают! — крикнул Электроник. — Ряд за рядом, все до одного с большой высоты — в пропасть. И разбиваются! Рэсси кружит вверху… Я ничего не понимаю, Гель Иванович.

— Передай Рэсси: немедленно возвращаться!

Глава 14

— Господа, я благодарен вам за то, что вы пришли выслушать меня. Сообщение, которое я хочу сделать, думается, заинтересует правление фирмы «Пеликан».

Доктор фон Круг торжествующе оглядел длинный ореховый стол, за которым сидели правители могущественной фирмы «Пеликан». Фирма, имеющая заводы и лаборатории в десяти странах, выпускала всё: электронику для ракет, обшивку для подводных судов, приборы для промышленности, косметику, мясные и рыбные консервы, механических зверей для зоопарков. Сложный прибор и консервную банку венчала знаменитая этикетка: весёлый пеликан, ловящий на лету в свой мешок золотую рыбку. Сейчас золотую рыбку для «Пеликана» держал профессор фон Круг. Наступила минута, к которой он готовился всю жизнь. Если правление фирмы доверит ему, он получит неограниченную власть. Сейчас не нужны никакие формулы. Его аргументы — энергичное изложение идеи, точные слова.

— Выводы, к которым я пришёл, изучая живые организмы, в кратком изложении выглядят так:

возможно управление всем животным миром планеты. Технически это несложно: миниатюрный радиопередатчик, введённый в болевой нерв организма, не мешающий его нормальной жизнедеятельности, в любой момент может быть включён простым нажатием кнопки. Животное под влиянием боли будет двигаться в заданном направлении. На свой страх и риск я проверил систему управления в разных условиях, дав задание некоторым нашим экспедициям. Система действует безотказно.

Я вижу мир разумного будущего, в океане пасутся стада китов, дельфины направляют косяки рыб, исследуют глубины океана, спасают жертв с тонущего корабля, олени и антилопы сами направляются на тучные пастбища, стаи птиц уничтожают вредных насекомых. Моя фантазия не в состоянии представить всех выгод для человечества.

Я кончил, господа!..

Негромкие аплодисменты свидетельствовали, что докладчик поймал невидимую рыбу удачи.

— В этой трагедии надо разобраться. Кто-то должен ответить за гибель тысяч животных!

Гель Иванович Громов говорил горячо. Отрывистые слова вылетали вслед за маленькими

клубами дыма из длинной профессорской трубки, и казалось, каждое слово мягко взрывается в воздухе. Друзья, которых профессор пригласил на чашку чая, видели, что он волнуется. Друзья вспоминали, как когда-то в этом кабинете испытывались кибернетические модели, которые любил собирать хозяин: черепахи, лисицы, электронный мальчик. И Рэсси, который действует где-то за тысячи километров.

— Но что же, в конце концов, ваш Рэсси? — спросил академик Немнонов.

— Произведение искусства! — Глаза Громова радостно сверкнули. — Да, да! Как бывает шахматный этюд или литературное сочинение, так и Рэсси — произведение бионики.

Резкие морщины на лице Немнонова чуть разгладились. Он с удовольствием пил крепкий чай из пластиковой, почти невесомой чашки.

— Надеюсь, Гель Иванович, ваш Рэсси не очень самостоятелен?.. Как тот красный лис с самыми правдивыми в мире глазами?.. — Александр Сергеевич Светловидов, самый молодой из собеседников, улыбнулся.

— Ах, вот вы о чём! — Громов рассмеялся, представив хитрую мордочку своего лиса. — Вы, Николай Николаевич, — обратился он к Немноно-

ву, — вероятно, не слышали про этот случай. — И он рассказал, как рыжий лис долго водил за нос его, не говоря уже о работниках милиции, пока однажды в нём не кончился заряд электроэнергии и беглец не остановился.

— Но Рэсси…

— Рэсси, — живо подхватил профессор, — был изобретён, как вы понимаете, не для борьбы с фон Кругом и его сонными стрелками — совсем для других целей. Я долго занимался изучением нервной системы человека и пришёл к выводу, что в информации, которую она передаёт, есть большие пропуски. Мы часто не видим мир таким, какой он есть, даже таким, каким его видит ребёнок. Недаром говорят, что все дети — талантливые художники: они воспринимают всё ярко и точно. Словом, у меня появилась потребность взглянуть на мир другими глазами, осмыслить его заново и целиком. И прежде всего — представить, как относятся к природе и человеку звери, птицы, обитатели моря. Здесь, понятно, главное — сохранение животного мира планеты. За образец я и взял способности разных животных, их особую чувствительность, их таланты, а Электроник по схемам построил модель…

— И неплохо справился с задачей, — заключил

Светловидов. — В схватке с сонными стрелками Рэсси подтвердил ваши идеи.

— Дело ещё в том, что Рэсси обладает свободой действий, которая помогает ему выполнять все задания. Между прочим, его поведение в среде животных любопытно. Каким-то образом ему очень ловко удаётся воздействовать на них. Правда, антилоп он не сумел спасти.

— Я думаю, — размышлял вслух Светловидов, — что ударом по пеленгатору в машине командира стрелков Рэсси замкнул какие-то контакты. Антилопы, носившие в себе радиопули, получили болевой удар и увлекли за собой стадо. Разумеется, это только предположение, требующее проверки… Сам Рэсси, вероятно, не почувствовал раздражения…

— К счастью или несчастью для себя, Рэсси не имеет нервов, — подтвердил профессор. — Пуля сидит в его толстой шкуре… Однако если Александр Сергеевич прав, то это опасная своими последствиями история.

Хозяин разлил гостям чай.

— Просто не верится! — прервал молчание старый академик. — Какая-то дикость в наши дни — сонные стрелки, радиопули, наконец, доктор Круг. Мы строим машины вероятного будущего,

а сталкиваемся подчас с невероятным, отсталым миром!

— Такие, как фон Круг, — спокойно и строго произнёс Громов, — уничтожили очень многое на Земле: саванну и прерии, гепардов и ленивцев, цветы и травы. Уничтожили, так и не поняв всей ценности для людей этого наследия природы. А теперь замахиваются на всё остальное.

— «Свободное экспериментаторство», которым так гордится фон Круг и его компаньоны, и подлинное будущее человечества несовместимы. Фон Круг — человек из прошлого, он разрушитель.

— Я благодарен вам, Николай Николаевич, за то, что вы подтвердили мои мысли. В последнее время я раздумывал: что ждёт людей, если они постепенно уничтожат природу? Без лесов, трав, животных — без привычного за миллионы лет мира — человек просто переродится…

— Не будем ждать, когда сфинкс засмеётся, — шутливо заключил Немнонов, и его собеседники вспомнили выразительную древнюю надпись на базальтовой стене: «Когда человек узнает, что2 движет звёздами, сфинкс засмеётся и жизнь на Земле иссякнет».

Где-то в черноте космоса, над этим домом, над

городом, над Землёй кружили межпланетные станции, мчались ракеты и спутники, но человек ещё не знал, что2 движет разбегающимися во все стороны галактиками… Сфинкс — вечная собака фараонов — молчал…

— Вы предупредили Совет охраны животных? — спросил академик.

— Не только предупредил, — отозвался Гель Иванович, — но и получил задание. Завтра улетаю с Электроником в Индию.

— С Электроником? — Светловидов от неожиданности привстал со стула.

— С вашего разрешения, — иронически поклонился Громов и от души рассмеялся, увидев недоумение на лице коллеги. — В этой истории всё непостижимым образом переплелось: дети, звери, сфинксы, тропики и ещё один старый рассеянный профессор. Авторитетно могу вам заявить, что ещё не научился вещать формулами, как Электроник. Моим Рэсси удивительно управляет именно Электроник. И ещё его давний приятель Сыроежкин.

— Тот самый, — вмешался академик, — что выдавал себя за Электроника?

— Совершенно верно, только всё было наоборот… Кроме того, я уже рассказывал, как

Электроник держит связь с машиной фон Круга и получает все отчёты сонных стрелков. Как видите, я буквально ни на один день не могу расстаться с Электроником.

— Кое-что начинаю понимать в этой истории, — кивнул Немнонов. — Ну, а вы-то, дорогой Гель Иванович, ни с того ни с сего и вдруг — в Индию?

— Завидуете путешественнику, да? — хитро спросил Громов. — А я рад: проблемы, волновавшие меня в молодости, не утратили всей остроты и поныне. Раз уж есть на свете Рэсси, надо посмотреть его в действии!.. А если говорить серьёзно, то именно в Индии наиболее активны сонные стрелки. Международный Совет разделяет мои опасения: посланы экспедиции в места промысла стрелков, усилена охрана заповедников. И самое главное — должна быть кем-то создана теория, которая не только покажет всю лживость доводов фон Круга, но положительно решит проблему! Что вы на это скажете, Николай Николаевич?

— С удовольствием наблюдаю вашу юношескую задорность и потому не сомневаюсь в успехе. — Академик Немнонов встал. — А пока вы не улетели, нам надо решить очередное уравнение Громова — Немнонова.

И они стали ходить по комнате, говоря друг с другом на точном языке математики. В разговоре среди прочих строгих законов мелькало и уравнение Громова — Немнонова; оно произносилось обычным тоном, как самые простые слова, — ведь им давно уже пользовались учёные разных стран. Сейчас коллеги разрабатывали новую теорию. Если её удастся доказать, мир ещё больше откроется человеку.

— На чём мы остановились в прошлый раз?

С этими словами в восьмой «Б» вошёл математик Таратар, и класс отозвался дружным смехом: «последний раз» был весной.

— От имени учителей и редколлегии стенной газеты «Программист-оптимист» поздравляю с началом новой жизни! — продолжал шутливо-серьёзно старый друг программистов Таратар Таратарыч, и распущенная щёточка его усов подчёркивала торжественность момента. — По вашим лицам я вижу, что вы решили завоевать мир формулами и уравнениями. Похвальное намерение!

Новая жизнь, а для Сыроежкина — конец приключениям. Каникулы окончились, начинались трудные времена, а все были почему-то радостно возбуждены. Все, кроме Сыроежкина. Даже вы-

нырнувший из толпы обугленный до черноты Макар Гусев, который насмешливо приветствовал Серёжку: «Это кто — Сыр Сырыч Сыроежкин или Электрон Электроныч Электроник?» — получил от него только дружеский хлопок по спине.

— Все на месте. Не вижу одного Электроника, — сказал Таратар, оглядывая класс. — Если мне не изменяет память, на последнем уроке именно Электроник был назначен моим помощником — за выдающиеся успехи в математике.

— Он в Индии, — буркнул Сыроежкин, вызвав неудержимое веселье товарищей.

Усмехнулся и Таратар, дёрнув густыми усами, подумал: «Сколько в ребятах весёлой энергии!»

— Чего тут смешного? — нахмурился Сыроежкин. — Я ведь русским языком сказал: он в Индии, выполняет важное задание. — И махнул рукой: разве всё объяснишь!

— Хорошо. — Таратар привычным жестом успокоил класс. — Пока не вернётся мой знаменитый ассистент, на эту неделю помощником назначается… — Он обвёл взглядом загорелые лица. — Будет назначен тот, кто отличится сегодня!

И словно пробили невидимые склянки. Плавание в неведомое началось.

— Мы познакомимся с новейшей математикой

и её важнейшим разделом — теорией управляющих машин. Это могущественная теория, так как с её идеями можно смело браться за изучение мозга, давать задания машинам, самим строить электронно-биологические системы…

«Рэсси! — подумал после этих слов учителя Серёжа. — Где он сейчас, крылато-хвостатая система? Летит в далёкую Индию? Или атакует новый отряд сонных стрелков? Теперь ничего не узнаешь про Рэсси — как там его успехи, пока не вернётся Электроник».

— Итак, о формулах, — продолжал математик. — Лучше всего, на мой взгляд, о них сказал знаменитый Генрих Герц. Когда он узнал, что свет — лишь частный случай электромагнитных волн, открытых математиком Максвеллом, то заметил: «Нельзя избавиться от ощущения, что эти математические формулы имеют независимое существование и собственный разум, что они мудрее, чем мы; мудрее даже, чем их первооткрыватели; что мы получаем из них больше, чем в них было первоначально заложено…»

Сыроежкин поднял руку.

— Пожалуйста, Сыроежкин.

— Герц сказал правильно, но он был знаком только с первой частью работы современного

программиста, — решительно заявил Сергей.

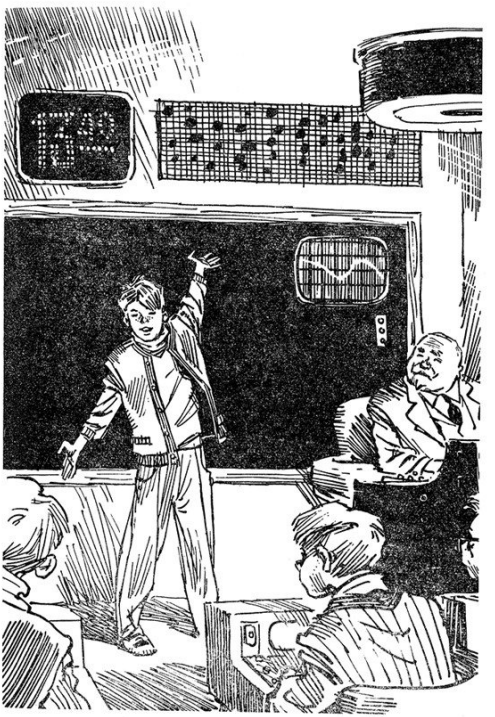
Гул удивления пролетел над партами. Сыроежкин поправляет Герца!

— Если на основе формул построить электронную модель, — спокойно пояснил Сергей, — она может дать неожиданные результаты.

— Ты что, агитируешь за монтажников? — ехидно бросил Вовка Корольков.

Класс насторожился: вечный спор между программистами и монтажниками, возникший вместе с рождением школы юных кибернетиков, спор о том, кто важнее для науки — теоретики или практики, учителя или конструкторы вычислительных машин, продолжался.

Сергей обернулся к соседу по парте.



— Сто лет назад, — спокойно ответил он Профессору, — сразу же после спуска на воду утонул вместе с экипажем английский броненосец «Кептен». Утонул только потому, что лорды адмиралтейства осмеяли опыты с моделью броненосца. Модель-игрушка переворачивалась даже при слабых волнах. А потом пошёл ко дну и сам броненосец. И ты знаешь, Профессор, какая мемориальная доска висит в Лондоне?

Профессор, не ожидавший такого вопроса, молчал. Вокруг него была такая пустая тишина, точно он внезапно очутился на необитаемом острове.

И громом прозвучал голос учителя математики, цитировавшего первый исторический параграф устава современного кибернетика:

— «Вечное порицание невежественному упрямству лордов адмиралтейства!»

От грохота задребезжали стёкла. Казалось, вместе с классом хохочут над своей глупостью сами невидимые лорды адмиралтейства. Вечный вопрос на сегодня был решён. Сыроежкин сел с видом победителя.

— Ну зачем ты так? — проговорил, хихикая, Вовка Корольков. — Шепнул бы мне на ухо…

— Читать надо, Профессор, — строго сказал Серёжка. — И не одни только логарифмические

таблицы…

Таратар, подождав, пока класс успокоится, вновь обратился к победителю:

— Но ты не закончил, Серёжа. Идея твоя интересная. А доказательства?

И Сыроежкин, став у доски, начал рассказывать о сложной биоэлектронной системе — то, что он знал о Рэсси. И хотя он ни разу не назвал его имени, ребята почувствовали, что речь идёт о какой-то необычной личности: вот она, набросанная в уравнениях, обретает плоть в электронных схемах, учится распознавать образы, обнаруживать цель, формирует свои понятия о внешнем мире, тренируется в математических играх, изучая полёт, движение в воде, погоню, пожар, ранение, аварийное состояние, даже землетрясение, — и всё запоминает. Каждый, кто слушал Сергея, как он рассказывает о следах памяти, представил снежный рисунок на стекле, или серебристую паутину, натянутую между деревьев, или звёздную нитку Млечного Пути — словом, какой-то сложный, мгновенно сверкающий узор, — так запоминает важные события память машины и человека. Хитросплетённые узоры остались после обучёния в схемах Рэсси, сложной модели, которая должна принести миру

новые важные открытия.

— Кто это? — спросил тонкий голос, когда Серёжка умолк.

— Рэсси, — кратко ответил Сыроежкин и испуганно пощупал карман. К счастью, транзистор был в другой рубашке, и Рэсси не слышал лекции. — Я покажу его, когда вернётся Электроник.

Все сразу поверили, что есть на свете Рэсси. А Макар Гусев, махая над головой кулаками-гирями, закричал:

— Это не Сыроежкин! Я сразу догадался… Это Электроник. Он слишком умный!

Сыроежкин молча погрозил Макару, и тот с уважением вспомнил, что у Электроника железный кулак.

— По данному мною обещанию, — сказал Таратар, — я должен назначить ассистентом Сергея Сыроежкина. Но я не могу этого сделать. Сергей уезжает по заданию научного института.

— Что?! — Сергей не верил своим ушам.

— Ты ещё не знаешь, — мягко сказал Таратар. — Сейчас будет звонок. Иди к директору, он тебе объяснит.

Сыроежкин покраснел и, забыв портфель, выскочил из класса.

Последнее сообщение потрясло класс. Индия,

Рэсси, научное задание — и всё это на одном уроке! Шум стоял такой, что никто не слышал звонка.

— От Института бионики! — торжественно выговорил учитель, застёгивая портфель. — Вот так, программисты-оптимисты!..

А Гусев приставал к приятелям:

— Потрогай-ка плечо. Ещё сегодня утром меня хлопал сам академик Сыроежкин.

Глава 15

На морском берегу в маленькой бухте сидят на плоском камне мальчик и собака. Они отделены от мира подковой зелёных гор, от их ног начинается синее полотно моря. Мальчик и собака смотрят на спокойное зеркало залива.

Они встретились здесь, на берегу. Рэсси, издали приметив знакомую фигуру, спланировал сверху на серебристых крыльях. В первый момент Серёжа даже вздрогнул: он не представлял, что летящий Рэсси похож на гигантскую стрекозу. Крылья бесшумно сложились, уползли под густую шерсть, Рэсси вновь стал привычным Рэсси, бросился навстречу хозяину. Они катались по горячему песку, и визг собаки смешался с радостными криками мальчишки. Потом Сергей сел, подобрав под себя ноги, и, всё ещё изумлённо глядя на Рэсси, сказал:

— Это ты, Рэсси? Как я рад… Сядь рядом. Слушай…

Сергей вынул из кармана листок со срочным заданием для друга…

Его, единственного из людей, кого слушался Рэсси, провожали, как важную персону: Тара-

тар и кибернетик Светловидов приехали на аэродром, а мама даже пробралась в самолёт и, тревожно оглядываясь, защёлкнула на его поясе тяжеленную бляху ремня. Когда самолёт взревел, развернулся и в иллюминаторе мелькнули далёкие, трепетавшие в воздухе руки провожающих, Сергей наконец-то поверил, что именно он летит выполнять ответственное поручение.

Листок с заданием для Рэсси, который лежал у Сергея в кармане, был сочинён профессором Громовым. Точнее, написан рукой кибернетика Светловидова, а продиктован самим Громовым из далёкой Индии. Светловидов, вручая Сергею листок, так и сказал: «Мне звонил Гель Иванович. Случилось непредвиденное: экспедиция морских охотников преследует уникального синего кита. Его имя — Нектон. Найти и выручить синего кита может твой Рэсси. Ты передашь ему содержание этого листа. Ведь Рэсси слушается тебя, не так ли?»

Сыроежкин кивнул. Он почти ничего не понял в профессорских формулах, но после объяснения Светловидова запомнил, как читать с листа каждый знак. Встреча состоится на берегу моря, в бухте Тихой, куда по команде Электроника летит сейчас Рэсси…

В южном аэропорту, где приземлился самолёт, радио пригласило пассажира Сыроежкина Сергея в комнату дежурного, и там человек в белой рубашке с закатанными рукавами, научный сотрудник морской станции, крепко пожав руку восьмиклассника, пригласил его в машину. Он отвёз Сыроежкина в приморский посёлок, поселил в маленьком белом доме, и хозяйка, накормив гостя обедом, показала с обрыва, как пройти по узкой кромке берега в бухту Тихую. Мягкие линии гор, золотой песок, синева моря, сливающаяся с синевой неба, понравились Сыроежкину. В прекрасном настроении спустился он в бухту Тихую, где приземлится Рэсси. Кроме того, в бухте была назначена ещё одна встреча.

«Ты должен понять всю сложность поручения, Сергей, — подчеркнул в разговоре Светловидов. — Рэсси, прекрасный разведчик пустыни, станет на этот раз морским жителем…»

«И так далее»?» — спросил, сощурившись, Сергей.

«Ты прав: как сказал Гель Иванович Громов, Рэсси выручит именно его знаменитое «И так далее». Когда ты прочитаешь ему задание, включатся схемы поведения морских жителей. Но Рэсси, понятно, не сможет плыть один, ему нужен

опытный проводник. Институт бионики дал нам в помощь специалиста — молодого, но уже опытного дрессировщика. Его дельфин поможет Рэсси. Запомни это имя: морской строитель Дон».

Сергей и Рэсси ждали больше часа. В глазах Сыроежкина плыли круги от солнечной ряби. Вот Рэсси насторожился, приподнялся, и Сергей увидел, что из моря выходит светловолосый парень, шлёпая по мелководью ластами.

На берегу пловец снял очки и ласты, пустил изо рта струю воды, присел, подпрыгнул несколько раз, хлебнул воздуха и только тогда обратил внимание на Сыроежкина.

— Сергей?

— Да.

— Меня зовут Дон. — Пловец протянул руку. Он был на несколько лет старше Сыроежкина. — А это, насколько я понимаю, Рэсси. — Дон кивнул на лохматого терьера.

Но Рэсси, не заинтересовавшись Доном, подбежал к воде. Из моря вылезала собака.

— А, Малыш, ты догнал меня!

Дон нагнулся, взял собаку и, держа её за задние лапы, стал трясти, как мешок. С шерсти стекала вода. Дон положил бездыханную собаку на пёсок.

— Нахлебалась воды? — шёпотом спросил Сыроежкин.

— Сейчас отдышится, — небрежно ответил юноша и, увидев широко открытые глаза нового знакомого, усмехнулся: — Ты что, не знаешь, как плавают сегодня на глубине?

Мальчишка покачал головой, пробормотал:

— Как сказал бы наш главный силач Макар Гусев: на уроках не проходили.

Он нагнулся над несчастной дворнягой. А та вдруг вскочила и, обдав Сыроежкина мокрым песком, с лаем бросилась на Рэсси. Подбежав к невозмутимому терьеру, дворняга внезапно смолкла, словно почувствовала какой-то подвох. Потом обнюхала незнакомца, завиляла мокрым опущенным хвостом.

— Ну вот, знакомство состоялось, Малыш — славная морская дворняга, ты на неё не обижайся, Рэсси, — улыбнулся смотритель. — Сергей, ты не заметил тут Бочку?

— Не-ет. А что это?

— Не что, а кто. Мой дельфин. Дельфин Белобочка.

— Ах, Белобочка! Мне про него говорили. Но я сразу не понял. Дельфина пока не видел.

— Я его зову Бочка — так проще. Бочка-Белобоч-

ка поплывёт с Рэсси искать Нектона.

— Знаю. — Сергей с облегчением вздохнул: кажется, он точно выполнял сложное задание.

Всё шло так, как объяснил ему Светловидов. Вот Дон, вот Рэсси, скоро прибудет Белобочка. Но как Рэсси поплывёт с незнакомым дельфином — этого Сыроежкин не представлял. А ведь именно они — Рэсси и Белобочка — должны спасать Нектона.

— Нектон! — с удовольствием сказал Сергей. — Красивое, мужественное имя.

— Да, — подхватил Дон. — Свободный кит.

Синий кит, морской гигант, одиноко бороздил просторы океана. Кит был известен морякам разных стран, хотя и избегал встреч с кораблями. Потому и имя ему было дано Нектон, что значит по-древнегречески «свободно плавающий» — свободный кит. Мало кто сталкивался с Нектоном в просторе океана: он любил спокойные прохладные глубины. Но те, кто хоть раз видел, как из зелёных пучин, пустив ввысь радужный фонтан, выплывает острая, расщеплённая таинственной улыбкой бархатно-чёрная морда с серпом усов и умными глазами; как мощным рывком, оставляя за собой тонны взбитой пены, выпрыгивает кит в небо и, сверкая на солнце иссиня-тёмной спиной с белым пятном, летит свободно над волнами,

набирая в мешки своих лёгких порцию воздуха, необходимую для погружения; как потом, перевернувшись, словно ныряльщик с вышки, отвесно входит в воду, медленно и без брызг, исчезает на несколько часов в загадочных глубинах, на прощание шлёпнув море лопастью сильного хвоста, отчего ещё долго бегут белые барашки волн, — те счастливцы, кто видел Нектона, рассказывали о его силе и редкой красоте, смелости и особом чутьё, их скупые слова со временем превращались в легенды.

Подлодки не рисковали спускаться в морскую пучину, где чудовищной тенью скользил свободно Нектон: там крепкую сталь мгновенно разорвёт давление воды. Но на судоходной глубине, среди обычных кораблей, шедших своим курсом, одна подлодка специально искала встречи с Нектоном. Подлодка «Тунец», принадлежавшая фирме «Пеликан», изучавшая жизнь дельфинов, получила срочное задание найти и загарпунить сонным снарядом Нектона. Несколько строчек в одной из газет Теймера о том, что новейший зоопарк «Мир животных» готовится принять необычный экспонат — синего кита, известного среди моряков под именем Нектон, — встревожили Международный Совет охраны животных.

Совет дал поручение морским станциям, всем экспедициям найти и задержать подлодку. Тогда же профессор Громов предложил в помощь своё новое изобретение.

Так в одной точке планеты, в бухте Тихой, сошлись пути Рэсси, его проводника дельфина Белобочки, дрессировщика дельфина Дона и Сыроежкина. Два хозяина должны были познакомить морских разведчиков, объяснить им сложность задачи.

— Если бы Земля стояла, как думали древние, на трёх китах, то одним из них был бы Нектон, — задумчиво сказал Дон, вспоминая то, что он знал о синем ките. — Даже не верится, что в наши дни может быть первобытная охота на такого кита!..

Сергей представил особняк в Теймере, хозяина «Мира животных» и молча кивнул.

— Скажи, — Дон с подозрением взглянул на терьера, — а твой Рэсси угонится за Белобочкой? Я слышал о его талантах и, разумеется, верю каждому слову Александра Сергеевича Светловидова, но ведь Бочка быстрый пловец.

— У Рэсси скорость меч-рыбы, и сам он обтянут дельфиньей кожей, — с гордостью сообщил Сыроежкин. — Только не видно под шерстью. Это изобретение Громова.

— Отлично сказано! Авторитет Геля Ивановича Громова настолько высок, что я уже начинаю беспокоиться за способности моего Бочки… — Дон засмеялся и тут же нахмурил выгоревшие брови. — Но где же Белобочка? Где этот неуклюжий, болтливый Бочка?

Дон поднёс ко рту свисток, который висел на металлической цепочке. Серёжа не услышал привычного свиста — вообще никакого звука не издал свисток. Дон вскочил на камень. Мальчик встал радом с ним, приложил ладонь к глазам. Из-за гигантской глыбы, миллионы лет назад брошенной вулканом в море, блеснув серебром спины, выпрыгнул дельфин и направился к берегу.

Морской смотритель бросился в воду, поплыл навстречу дельфину, крикнув: «Это он!» Собаки, кружившие по песку, остановились, повернули морды к морю…

Дон, встретившись с дельфином, протянул ему руку, а Бочка раскрыл рот, словно смеясь, осторожно сжал руку зубами, потянул человека за собой в море. Но Дон, ловко изогнувшись, обхватил скользкое серебристое тело и даже поставил дельфина на хвост, вызывая на борьбу. В первый момент Бочка как будто растерялся, беспомощно

взмахнул плавниками, а потом, изловчившись, ткнул нападавшего мордой в грудь, сшиб ударом хвоста. Падая, Дон ухватился за плавник, и дельфин стрелой утащил его в прохладный простор залива. Чуть позже пловцы вернулись к берегу.

— Каков мой Бочка, а?! — кричал, подплывая, Дон. — Самолюбив, упрям, зато смел! Видел?

Сергей кивнул. Дон вышел из моря.

— Бочка с радостью исполняет все поручения, но он свободный дельфин, — сказал хозяин. — Он никогда не примирится с неволей — утонет от тоски или разобьёт себе голову о камень.

Сергей понимающе улыбнулся: Бочка с первого взгляда показался ему симпатичным.

— Не будем терять время, — предложил Дон. — Надо их познакомить… Но твой Рэсси знает задание?

— Знает, я уже прочитал ему формулы. — Сергей достал из кармана и махнул в воздухе листком, который вручил ему Светловидов. — Мне кажется, он умеет говорить по-дельфиньи…

— Умнейшая у тебя собака. — Дон усмехнулся. — Понимаешь, Серёга, мой Бочка по-своему способное существо, но он не понимает формул, как твой Рэсси. Вообще для него человеческая речь звучит слишком медленно. Он свистит

гораздо быстрее и, как говорится, без лишних «слов». Стараюсь научиться свистеть, как он. — И Дон щёлкнул пальцем по свистку, висевшему на его шее.

— Я читал, что дельфины свистят, — вспомнил Сергей.

— Вот я и свистел Бочке, но ты солжёшь, если скажешь, что слышал что-то. Это не для наших ушей — ультразвук. Слышит один Бочка. Может, ещё и Рэсси… Но теперь я должен с ним объясниться. Скоро увидимся.

И Дон побежал к морю, где его ждал, беспокойно выпрыгивая из волн, Бочка, одинаково хорошо видевший в воде и в воздухе. Подплыв, Дон лёг на спину и взялся рукой за дружески предложенный плавник.

Он вернулся очень скоро, присел на камень.

— Теперь дело за Рэсси.

— Что ты ему сказал? — нетерпеливо спросил Сыроежкин.

— Всё в порядке. Мы договорились.

— Так быстро? О чём?.. Пожалуйста, расскажи!

— Я просвистел ему… — медленно начал Дон. — Ты, Сергей, этого не поймёшь: надо знать моего Бочку, чтоб угадать все оттенки его интонации. Свист дельфина с трудом укладывается в челове-

ческие слова, и ты, выслушав меня, чего доброго, можешь подумать, что Бочка — свойский парень, чуть ли не твой одноклассник, только в дельфиньей шкуре. Это не так… Я рискну переложить наш свист в обычные слова, но ты помни, что я неопытный переводчик. Вот разговор.

«Бочка, твой брат в опасности», — просвистел я энергично, чтоб он уловил всю важность просьбы.

Он сразу свистнул призыв своему брату и тут же атаковал меня сигналами:

«Я ничего не слышу. Брат не отзывается. Кто в опасности? Что с ним?»

«Он тебя не услышит, — ответил я, — он очень далеко, может, за тысячи миль. Но ему надо срочно помочь».

«Я всегда готов мчаться навстречу опасности, когда приходит беда и надо выручить брата. (Белобочка азартен, как любой дельфин, и, кроме того, очень смел.) Кто он — афалина, гринда или мой соплеменник, белобочка? — страстно откликнулся Бочка. — Отвечай! Только свисти быстрее. Не теряй время».

«Это кит, — просвистел я так быстро, как только мог. — Синий кит, самый большой и сильный из всех китов. Люди зовут его Нектон. Наверное, ты

слышал о нём…»

«А-а, кит… Я видел однажды этого громадного Нектона. Он всегда одинок…»

«Да, он кит, твой брат по крови. Ему надо помочь, Бочка…»

«Ты опять тратишь драгоценные секунды. Человек, как всегда, очень неповоротлив и многословен. Я знаю, кто такой кит, знаю и Нектона. Что с Нектоном?»

«Его хотят загарпунить. Плывёт подводный корабль «Тунец», ищет Нектона и когда найдёт, то всадит в его голову гарпун».

«Гарпун? Я видел однажды гарпун — это страшно. Но гарпун для громадины кита — всё равно что для меня камешек».

«Ты прав, Нектон даже не почувствует удара гарпуна. Но когда тот застрянет в его облепленной ракушками коже, Нектон перестанет быть Нектоном. Он сразу потеряет свободу и послушно поплывёт к берегу. Там его поместят в бассейн, и Нектон начнёт задыхаться».

«Я плыву. Я предупрежу Нектона».

«Погоди, Белобочка. Ты, как всегда, отважен и нетерпелив. Подумай немного, как ты предупредишь Нектона: это — кит, он не станет слушать дельфина, просто тебя не заметит».

«Я слушаю тебя внимательно, Дон».

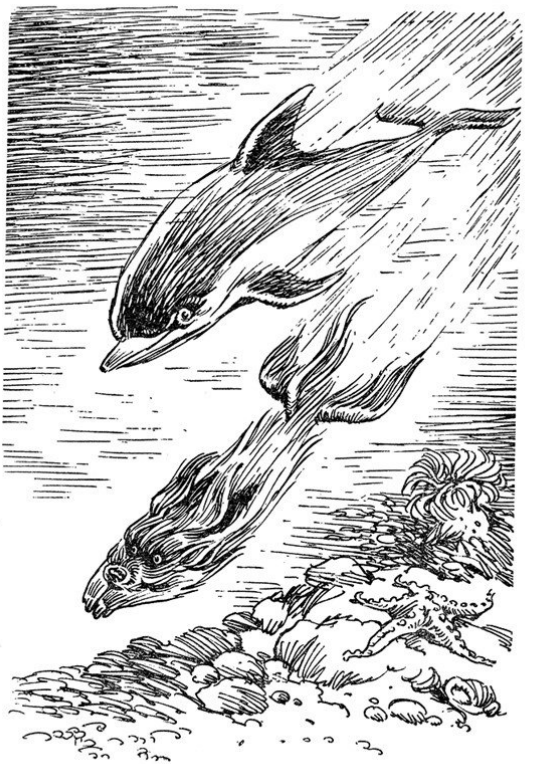
«С тобой поплывёт морская собака Рэсси. Вон она бегает на берегу вместе с моей дворнягой».

«Эта покрытая шерстью, неуклюжая, медлительная малявка? Да она сразу же пойдёт ко дну, и я буду её спасать».

«Не волнуйся, Рэсси плавает не хуже тебя. Он знает язык китов».

«Тогда немедленно в путь».

«Не торопись, Белобочка. Только что ты назвал Рэсси медлительной малявкой и тут же готов плыть с ним на край света. Познакомься, пожалуйста, с Рэсси, поиграй, посмотри, на что он способен, привыкни хотя бы к нему. Трудный путь могут проделать только товарищи — ты знаешь».



«Где он, этот лохматый Рэсси? Может, он подкинет мне носом мяч? Или пустится со мной наперегонки? Или поймает мне рыбу?»

— Вот приблизительно весь наш разговор, — закончил серьёзно Дон. — Он был, конечно, не таким многословным, длился минуту или две. Но я специально рассказал с подробностями, чтоб ты, хозяин Рэсси, знал, с кем ему придётся искать Нектона. — И морской смотритель испытующе взглянул на хозяина Рэсси.

Восьмиклассник поскрёб пальцами затылок. Вот это задача! А он всего-навсего прочёл Рэсси формулы…

— Ко мне, Рэсси, — тихо позвал Сыроежкин, и пёс одним прыжком оказался у его ног.

Встав на колени, обняв ладонями голову друга, Сергей стал объяснять, кто такой Белобочка. Он говорил, говорил, но в душе своей не надеялся на силу медлительных человеческих слов. В конце концов достал из кармана листок и ещё раз прочитал вслух важные формулы задания.

— Это всё, — хрипло сказал Сыроежкин, вставая на затёкшие ноги. — Иди познакомься с Белобочкой. Вперёд, Рэсси!

Рэсси на глазах изумлённого Сыроежкина вдруг начал толстеть, будто надуваемый изнутри

воздухом; голова и плечи слились в единый шар; хвост завибрировал, распустился веером, превратившись в руль или движитель. Неуклюже переваливаясь на кривых лапах, Рэсси, похожий на игрушечного кита, пошёл к воде и ловко поплыл, рассекая носом волну, оставляя за собой пенистый след, — маленькой чёрной торпедой ринулся наперерез дельфину. Сыроежкин с облегчением вздохнул.

Дон залез на камень, прищурился, изучая скорость пловца.

Они встретились на середине залива — Белобочка и Рэсси — и некоторое время плыли рядом. Потом дельфин продемонстрировал свои обычные грандиозные прыжки, и Рэсси, как камешек, отскакивающий рикошетом, подпрыгнул над водой, правда, не столь ловко и умело, как соперник. Дельфин, зарыв голову в волны, показав серебристый серп спины, поплыл в открытое море. Рэсси последовал за ним. Пловцы скрылись в волнах.

— Молодец, Рэсси! — крикнул Дон.

— Ай да Бочка! — подхватил Сергей.

Дрессировщики торжественно пожали друг другу руки.

А Малыш с лаем носился по песку, почему-то не

решаясь влезть в тёплую воду, хотя ещё недавно поднялся со дна морского.

Когда пловцы вернулись, каждый из них держал в пасти пойманную рыбину.

Проглотив добычу, Белобочка поддел мордой товарища, подкинул его в воздухе. И Рэсси, бросив свою добычу, которую Белобочка немедленно съел, маленький Рэсси, ловко нырнув, к изумлению дрессировщиков, перевернул толстого жирного Бочку. Дельфин, махнув хвостом, тотчас высунул из воды улыбающуюся морду и довольно фыркнул. Его тёмные пуговичные глаза, казалось, говорили Сыроежкину: «Я всё понимаю и беру назад свой свист о медлительности Рэсси. Но почему этот ловкач, этот артист отказывается от вкусной рыбы, которую поймал?..»

Торжествовал главный закон дельфиньей жизни, который подметил ещё древний философ Плутарх: «Дельфины — единственные существа, нашедшие великий философский принцип: дружба не за вознаграждение».

Серёжка и Дон были довольны, что их питомцы подружились. Но что ожидало пловцов — акулы, штормы, может быть, даже кругосветное путешествие — разве угадаешь?..

Наступила грустная минута прощания.

— Счастливо, Белобочка! — сказал Дон и свистнул в неслышный свисток.

— До свидания, Рэсси! — крикнул Сергей.

Вместе с Доном он взобрался на большой камень и с него наблюдал, как удалялись два пловца. Вот уже искристый след стал расплывчатым, исчез в блеске моря. Море было огромно. Оно сливалось с океаном, и где-то в этом беспредельном просторе плавал Нектон. Его надо было отыскать, как одинокого космонавта в звёздной галактике.

Глава 16

Рэсси и Белобочка пространствовали в океане.

Они миновали прибрежные районы, где люди жили в подводных городах и трудились на подводных заводах, добывая золото и нефть, марганец и уголь, пресную воду и уран; электростанции, работавшие на ядерном горючем; подъёмные краны, передвигавшие грузы взмахами щупалец; экскаваторы, дробившие и перемалывавшие челюстями коралловые рифы, подводные комбайны, расчищавшие джунгли водорослей, — всё, что ползало, плавало, трудилось на дне, помогая человеку завоевать Великий океан, ещё издали замечал Рэсси. Гонцы обходили стороной подлодки, глубинные дирижабли, танкеры, грузовые баржи — быстроходные, безопасные подводные суда, которым не страшны были волны, ветер, бури. Рэсси мгновенно отличал змеиный силуэт танкера от стремительного катера «летучая рыба». Но среди множества кораблей спутникам не встречалась подлодка «Тунец» с характерным горбом плавника.

Океан для острых глаз Рэсси был большим прозрачным аквариумом; линии жизни и смерти его

обитателей проходили где-то совсем рядом, иногда странно переплетаясь. Как в математической игре-погоне, которую Рэсси, обучаясь когда-то, вёл с машиной. В этой морской игре, как убедился Рэсси, наблюдая жителей океана, побеждали быстрейшие, хитрейшие, зубатые. Серой безмолвной тенью скользили в сумрачной глубине акулы, обречённые природой на вечное движение — ни единой минуты сна, чтобы не утонуть без спасительного для всех рыб плавательного пузыря; парили похожие на птиц скаты, изящно взмахивая плавниками, зорко выслеживая свою добычу; реактивные кальмары, вытянувшись стрелой, скользили по своим маршрутам хвостом вперёд; летучие рыбы разгонялись у самой поверхности и, расправив крылья, маленькими самолётами летели над волнами. Всё было в движении, в погоне, в борьбе.

Морские жители не говорят очень громко и без причины, чтобы не привлечь врагов. И всё же, несмотря на свист ветра и плеск волн, шум кораблей и подводных городов, рокот быстрых струй и далёких землетрясений, уши Рэсси слышали необычные звуки. Если бы он умел сравнивать с привычными людям понятиями, он бы сказал так: весь океан наполнен гудением, тарахтением,

криками, плачем, скрежетом, мурлыканьем, свистом, воем, грохотом, щёлканьем, кваканьем, мычаньем, барабанной дробью. Рэсси особенно не интересовался, кто из рыб какие звуки издаёт, но одна только белуха, по его наблюдениям, умела свистеть, стонать, хрюкать, плакать, как ребёнок, звенеть колоколом, пищать, играть на флейте и передразнивать птиц, которых она никогда в своей жизни не видела.

…Вот в зарослях водорослей плавает обломок бревна, но это не бревно, а лежащая на спине морская выдра. На груди у неё заснул детёныш. Выдра медленно опускается в глубину, зорко наблюдая за спящим, а её сына баюкает волна. Когда он проснётся, мать мгновенно подплывёт, вылижет его густую шерсть — в награду за первый урок плавания. А потом путешествия в морских глубинах, бесконечные игры и новый урок с приходом сумерек — устройство на ночлег. Выдра, прижав к груди детёныша, тщательно укутывается листьями гигантской водоросли, и волна океана будет качать их в зелёном одеяле до утра.

Но что для Рэсси какая-то случайная выдра! Надо проплыть сотни миль с Белобочкой, вместе хлебнуть немало морской соли, чтобы понять,

какое это быстроходное, любопытное, преданное другу существо — вольный морской дельфин. Наши путешественники состязались в скорости, ловили самую крупную рыбу, оскаливались на приближающуюся мрачную акулу и часто свистели друг другу. Одинокий дельфин молчалив, в паре разговорчив, в стае болтает без умолку. Бочка, следуя этому правилу, пересвистывался между делом с приятелем, иногда произносил монотонное, почти человеческое «ха-ха», а когда Рэсси слишком долго плавал на глубине, щёлкал челюстями, отыскивая пропавшего, и печально-призывно свистел.

Белобочка знал массу разных историй, как всякий путешествующий дельфин, но одну из них повторял спутнику не раз.

«Я слышал, — свистел Белобочка, разумеется, не словами и не голосом, а особыми, неслышными человеческому уху звуками, — я слышал и верю, что это сущая правда, а не пустой свист. Я слышал, что когда-то стада дельфинов и китов вышли из моря на сушу и стали жить на твёрдой земле, как жил до сих пор ты, Рэсси, пока не встретился со мной. Это были счастливые времена, потому что на земле нет штормов, в которых гибнут стада дельфинов, — на земле

мягкая трава, много плодов, рыба в реках и пахучий, ароматный воздух. Звери не нападали на нас: у дельфинов, ты знаешь, очень много зубов, а киты сами по себе грозные. И мы уже забыли совсем про море и считали, что родились и всегда жили на зелёной земле.

Но однажды на рассвете, когда мы скользили по мокрой траве, пришла злая обезьяна с толстой палкой. Ни один из нас не знал, кто обидел эту обезьяну, во всяком случае — не кит и не дельфин, а обезьяна кинулась на нас, стала бить направо и налево по гладкой коже, а мы уже не могли двигаться так проворно, как злая обезьяна, потому что солнце высушило росу. Дельфинов и китов, Рэсси, нельзя бить, как и детей: у них нежная кожа, они очень обидчивы и запоминают несправедливость на всю жизнь.

Мы вернулись в море…

Мы навсегда вернулись в родную стихию. Но были уже не теми, что раньше. После жизни на суше в нас пробудился страх: страх утонуть, когда волна оглушает тебя, страх захлебнуться в пучине. Мы по-прежнему свободны, но не можем забыть, что жили когда-то на твёрдой земле… Вот почему, наверное, каждый дельфин, каждый кит, если даже ему грозит опасность, мчится спасать

тонущего, едва заслышит призыв о помощи…»

«Просвисти мне этот главный сигнал», — попросил Рэсси, выслушав древнюю историю.

Бочка издал два продолжительных, почти сливающихся друг с другом сигнала.

И Рэсси запомнил их навсегда…

Из зелёных волн навстречу им неожиданно вынырнули, громко свистя, быстрые афалины и, подскочив к Бочке, стали подбрасывать его мордой в воздух, словно он уже тонул. Бочка, перевернувшись в воде, начал пояснять причину своего крика, а потом спросил усердных афалин — ведь все в мире дельфины объясняются на одном языке, — не встречался ли им кит, которого люди называли Нектоном. Афалины, поняв, что Белобочка подшутил над ними, разом прощебетали что-то возмущённым свистом — вроде «как только не совестно» — и, мигом умчавшись, ответили издали: «Нет, не встречали».

Наши разведчики, развлекаясь и разговаривая в пути, ни на минуту не забывали о синемките, разумеется, они не слышали мрачной фразы фон Круга капитану подлодки «Тунец», которая охотилась за Нектоном: «Попадите ему в болевой нерв, а потом этот неуловимый кит добровольно, своим ходом приплывёт в «Мир животных»; они не

знали, как профессор Громов кричал в телефон: «Алло, прошу срочно передать мне сведения о чувствительности медузы к бурям!» — наши друзья не имели пока никаких сведений о Нектоне, но помнили, что должны отыскать синего кита. И Белобочка спрашивал всех встречавшихся им дельфинов, а Рэсси по-своему решал сложную задачу. Из наблюдений за дельфинами и из сигнала, который просвистел Бочка, Рэсси сделал вот какой важный вывод: как всякого кита, Нектона можно извлечь из таинственных глубин криком крайней опасности, на который тот откликнется мгновенно…

Оставалось разгадать карту жизни одинокого Нектона. А она, несомненно, была очень запутанной. Ведь если даже оглянуться на их путь в море, он будет выглядеть как странно изогнутая нить — из-за течений, ветра, гроз, встречных кораблей, которые они обходили. Нектон, знавший просторы мирового «подводного космоса» лучше Белобочки, петлял в океанах хитрее и осторожнее — по своим китовым орбитам.

Однажды Рэсси и Белобочка натолкнулись на стадо чёрных гринд, отбивавшихся от акул. Выстроившись полукругом, прикрыв собой беззащитных детёнышей, эти дельфины ударами

круглой, как бы надутой головы откидывали нападавших, страшно хлопали челюстями, рвали зубами чёртову кожу зазевавшегося хищника.

Акулы не отступали.

С каким-то хриплым лаем, странно отозвавшимся в ушах Рэсси, его спутник бросился на акул; в его пасти зубов было не меньше, чем у пяти гринд. В одно мгновение Рэсси обогнал Белобочку, на которого надвигались горящие глаза и сотни кинжальных зубов, всадил электрический заряд в чувствительный нос нападавшей акулы.

Вряд ли что поняли в этой короткой схватке храбрые дельфины-гринды и отчаянный Белобочка. Но все они пронзительно засвистели, приветствуя победу Рэсси. После ударов электричеством несколько извивающихся тел медленно опустились в глубину, и акулья стая набросилась на своих оглушённых собратьев. Кровожадность — главный закон морских пиратов…

Гринды, кивая тёмными головами, пропищали путешественникам, что несколько дней назад видели синего кита. Быть может, в глубинных слоях ещё остался пахучий след, если его не размыли течения…

Расставшись с толстыми гриндами, похожими на раздутого Рэсси, наши разведчики опустились

на дно. Они плыли в темноте, не обращая внимания на стаи пугливых рыб. Бочка, когда у него кончался запас воздуха, выныривал на поверхность, а Рэсси оставался и петлял в глубине.

Рэсси наткнулся на слабый след кита, когда вернувшийся сверху Белобочка сообщил, что надвигается шторм.

Они бросились по следу, как две гончие, теряя едва различимый даже носом Рэсси китовый запах и неожиданно находя его вновь.

Но как ни был увлечён Белобочка погоней, он не мог бесконечно долго, подобно Рэсси, плыть в глубине: его лёгкие требовали свежего воздуха. И когда Белобочка в очередной раз всплыл вверх, Рэсси услышал призывный крик. Главный сигнал дельфина, на который спешат его собратья, жалобная мольба о помощи заставила Рэсси забыть о следе Нектона, погнала его со скоростью, на которую он был способен, к тонущему другу.

Он точно рассчитал по сигналу место встречи, с ходу поддел крепким носом неподвижного Бочку, и опять гигантская волна ударила дельфина о скалу, увлекла пловцов за собой…

Глава 17

После проливных муссонных дождей приятно путешествовать в индийских джунглях. Солнце ласковое, нежаркое. Под ногами густая ярко-зелёная трава. Деревья в золотисто-оранжевой листве. А на горизонте сверкают шапками вечных снегов далёкие горы.

Главный инспектор заповедника Радж Манас выехал с гостями — профессором Громовым и мальчиком — на рассвете. Индиец, втайне презиравший вездеходы и вертолёты, с лёгким поклоном предложил для путешествия своего любимого слона Замбу. Инспектор считал: чтобы увидеть и услышать джунгли, лучше всего идти пешком или передвигаться верхом на слоне. Профессор с улыбкой встал на заднюю ногу Замбы, которую слон предупредительно согнул, и, ухватившись за верёвку, вскарабкался на широкую спину слона, точнее, на деревянный помост, прикреплённый ремнями. Потом Громов подал руку Электронику, и тот сел рядом с учителем. Инспектор Радж Манас, строгий и аккуратный в своей белой чалме, возглавил экспедицию. Впереди него, обхватив шею слона ногами, сидел

старый погонщик с палочкой в руке — махаут.

Замба шёл не спеша, срывая и перемалывая ветки, и в животе у него урчало, будто там работал старый мотор. Конец одного бивня у Замбы был обломан. В схватке с диким свирепым махна, бродячим слоном без бивней, но с очень сильным хоботом, Замба чуть испортил красоту своих длинных костяных стрел, зато спас хозяина.

Профессор Громов, оглядываясь по сторонам, не совсем представлял, как они на слоне догонят сонных охотников, но раз инспектор сказал: «Поймаем», ему следовало верить.

— Носорог. — Радж Манас обернулся к гостю и вытянул руку.

Вероятно, впереди была яма с жидкой грязью, в которой блаженствовал носорог: серый панцирь спины, торчащие угли да воинственно изогнутый рог — вот всё, что было видно путникам. Услышав топот Замбы, носорог вылез из ямы, а за ним выскочил детёныш. Сквозь грязь было видно, что у младенца розовая кожа.

Нагнув голову, выставив опасный рог, самка бросилась на слона. Она приближалась с пыхтеньем и хрипом; за безрассудно храброй матерью резво скакал младенец. Замба не свернул, он лишь замедлил шаг и поднял хобот. Инспектор

не шевельнулся.

Подбежав к спокойному Замбе, самка вскинула голову. Злобные глаза уставились на людей.

— Укусит или не укусит? — пробормотал инспектор. Он знал: индийский носорог редко бодается — чаще всего кусает противника.

Неожиданно сзади раздался какой-то рёв. Инспектор обернулся. Кричал мальчик с невозмутимо спокойным лицом.

Носорог круто повернулся и, уступив тропу Замбе, бросился с детёнышем наутёк, показав короткий толстый хвост, забавно венчавший броню доспехов.

— Ваш Э-лек-тро-ник, — сказал инспектор профессору, с трудом выговаривая трудное имя, — знает язык носорогов?

— Немного знает, — ответил Гель Иванович. — Учил в школе. — Громов усмехнулся, вспомнив, как он обучал когда-то Электроника разным премудростям.

— Он может быть хорошим махаутом, — сдержанно похвалил Радж Манас. — Замба один только раз удирал от носорога, и сегодня мой гость помог ему.

Они двинулись дальше. Электроник хрипло произнёс:

— Тигр.

— Где тигр? — шёпотом спросил Громов.

— Я не вижу, — проскрипел Электроник. — Но я слышу крик павлина: мэй-оу!..

— Он прав: близко тигр, — подтвердил инспектор. — Видите?

Замба концом хобота стучал по утоптанной тропе, издавая глухой металлический звук. Он, как и павлин, чуял тигра.

В траве промелькнула красно-чёрная спина, потом высунулась круглая голова с пушистыми баками. Бледно-голубые глаза равнодушно взглянули на путников. Замба сделал шаг вперёд, угрожающе качнул бивнями. Он не боялся большой кошки, только свернул кольцом уязвимый для острых зубов хобот. Несколько минут слон и тигр изучали друг друга. Но стоило Громову пошевелиться, как кошка, мелькнув полосатой молнией, скрылась за скалой.

— Королевский, — сказал Громов, с любопытством глядя вслед трёхметровой кошке. — Не удалась ему охота.

— Спугнули, — подтвердил Манас. — Мы ещё встретимся с этим багхом, профессор. — Багхом индиец называл всех тигров своего леса. Он отлично знал каждого в «лицо», характер и повадки, только не давал им имён.

Тигр охотился за детёнышем носорога, которого выгнал из тёплой ямы Замба. Может быть, в открытом взгляде тигра и был немой упрёк слону: зачем ты лишил меня любимого лакомства?.. Но тигр, конечно, не знал, что рядом идёт ещё одна охота, что его самого выслеживают невидимые противники — сонные стрелки!..

Слон быстрым шагом обогнул скалу. Инспектор, дав знак махауту, остановил Замбу, спрыгнул на землю. Под развесистым деревом стояла клетка из прочнейшего бамбука. Поднятые с двух концов решётки словно ожидали какого-то пленника.

— Вам лучше остаться здесь, профессор, — сказал Радж Манас, снимая с плеча ружьё.

Громов, приказав Электронику ждать, слез со слона и решительным шагом направился за инспектором. Они исчезли в густом кустарнике.

Замба подошёл к дереву, стал лакомиться сочными ветвями. Погонщик уселся в тени. Электроник кружил возле клетки.

Тишину оборвал выстрел. Электроник замер. И тут прямо на него выскочил из зарослей тигр — тот самый, с бледно-голубыми глазами, что охотился на детёныша носорога. Грациозными прыжками промчался он на мягких лапах в двух шагах от Электроника. Маленькое красное пятно

проступало на полосатой груди.

Электроник вскрикнул протяжно-жалобно: «Вау!.. Хуаб… Вау!» Пожалуй, никогда ещё в своей странной электронной жизни не бегал он так быстро — быстрее любого знаменитого спринтера, потому что тигр, услышав знакомый сигнал испуга на своём языке, мигом повернул и прыгнул вслед. Махаут, бледный от ужаса, прилип спиной к шершавому стволу. Слон, громоподобно затрубив, выставил бивни и попятился: впереди тигра бежал мальчик.

Наверное, тигр настиг бы свою быстроногую добычу только в клетке, куда он влетел вслед за мальчиком. Но Электроник успел выскользнуть в проём, обрушив перед самым носом тигра решётку. Слон, оберегая мальчика, ударом бивней захлопнул вторую решётку.

Раздался оглушительный рёв. Тигр в бессильной ярости грыз скользкий бамбук, и в его крике, страшном для людей, только чуткий слух Электроника мог уловить жалобные ноты и отрывисто-сухой кашель. Мальчик был совершенно спокоен, словно, спасаясь, случайно поймал не тигра, а котёнка, и бледный погонщик, трясясь всем телом, смотрел на него изумлёнными глазами.

Над кустами проплыла белая чалма, за ней шляпа. Это бежали Радж Манас и Громов. Чуть позже помощники инспектора, дежурившие в зарослях, вывели здоровенного парня в армейских ботинках — сонного стрелка, который стрелял в тигра.

— Что случилось? — спросил инспектор. Он был очень удивлён, увидев своего багха в клетке.

Гель Иванович разглядывал Электроника, мял в руках шляпу, не зная, куда её девать. Потом, рассеянно нахлобучив её на ученика, спросил:

— Ты не пострадал?.. Ты так и ловил — в шляпе? Сними, очень жарко…

Профессор протянул шляпу слону, и тот водрузил её себе на спину.

Немногословного до сих пор махаута будто прорвало. Жестикулируя, подпрыгивая, протягивая к мальчику сухие руки, погонщик долго говорил о том, что случилось всего за несколько секунд.

— Я надеюсь, вам нужен именно этот тигр, — скрипуче сказал Электроник. — Я его заманил после того, как прозвучал выстрел.

— Мы его выпустим. Только прежде вынем из него пулю. — Радж Манас внимательно посмотрел на сонного стрелка, который ничего не понимал во всей этой истории: тигр, только что

подбитый радио-пулей, очутился в клетке.

— Молодой человек, отойдите, вы мнёте своими ботинками прекрасный цветок, — сказал профессор сонному стрелку.

Тот шагнул, пожал плечами: чудак, цветок пожалел.

Инспектор повернулся к помощникам:

— Отвезите багха и этого бравого охотника на станцию. Извлеките пулю. Багха пустите в джунгли, а стрелка задержите. Мы должны узнать, почему он охотился на тигра… И, кроме того, найти его сообщников.

Глава 18

Несколько дней гостил Сыроежкин в морском посёлке, но не в том, что стоит у самого обрыва на берегу, а в подводном, где жил его новый знакомый Дон.

В голубом просторе висят на якорях дома-колокола. В таком доме всё как обычно, только чуть прохладнее. Правда, дверь уже не в стене, а в полу, и в эту дыру надо нырнуть в маске, ластах, с прозрачным мешком за плечами. Мешок наполняется водой, расправляется в крылья, и уже паришь невесомый на больших крыльях, вдыхая кислород из этих искусственных жабер, и видишь ровные дорожки из моллюсков, очищающих воду, и густые джунгли водорослей, преграждающих путь ползучему песку. А поднимешь голову — увидишь изогнутый линзой воды круг далёкого солнца, и вспомнишь об остальном мире, и тут же о нём забудешь, потому что море есть море. И в глубине его не только посёлки, но и подводные города — с улицами, стадионами, зоопарками. Это особый мир: в нём можно плавать, нырять, кувыркаться, дельфинить, кашалотить, акулить, белужить — словом, жить под водой, подражая

вольным морским обитателям, совсем как Рэсси.

Сопровождавший Сыроежкина Дон плавал без мешков-крыльев. Перед тем как нырнуть в дверь, Дон проглатывал какую-то магическую пилюлю, которая помогала мышцам долго хранить кислород и поглощала углекислоту. Вдохнув всей грудью, Дон прыгал ласточкой в люк двери, а на глубине, пустив вверх несколько пузырей, набирал в лёгкие воды. Теперь он был готов плыть, шевеля ластами, куда угодно, как кит или дельфин, а вслед за морским смотрителем, отмахиваясь лапой от любопытных рыб, по-собачьи перебирая лапами, следовал Малыш.

— Что ты хочешь? — спросил Дон, и Сергей услышал его голос в кнопке микрофона, вставленной в ухо. — Искать подводные клады? Гоняться за рыбами? Поймать акулу?

У Сыроежкина захватило дух, он глухо произнёс в своей маске:

— Акулу…

— Вперёд! — скомандовал Дон. — Тут недалеко я поставил капкан и давно не проверял.

Дон направился к подводной скале, где был установлен капкан. Ещё издали он увидел: есть добыча! Охотник изо всех сил заработал ластами.

Сыроежкин с осторожностью приблизился. Он разглядел под металлической сеткой гладкую серую голову и горящий мстительным огнём глаз. Капкан представлял собой петлю с проволочным сачком, в котором лежала приманка. Сунув голову в сачок, хищница затянула петлю. Акула почти смирилась с неволей, но, заметив пловцов, заработала яростно хвостом.

Дон приблизился к акуле.

— Смотри, Серёга! — крикнул он и, изловчившись, прыгнул на пленницу, схватил её за спинной плавник.

Как дикая лошадь, осёдланная акула повернулась на одном месте, а затем понеслась по кругу, удерживаемая крепким поводком. Сергей в страхе отпрянул, увидев надвигавшуюся на него морду в проволочной сетке. А всадник, обхватив ногами шершавые бока, держась за плавник, со смехом проделывал головокружительные петли. Акула вертелась в воде, била хвостом, бросалась вверх и вниз — всадник не падал. Наконец он нагнулся, протянул руку, беззвучно щёлкнул замком, соскочил с рыбины. Акула скрылась. Живучесть её казалась неправдоподобной.

— «Лучшая акула — мёртвая акула» — так говорят моряки. А моя добыча в намордник никому

теперь не страшна, — проговорил смельчак. — Поплыли, Серёга, дальше.

Они остановились у огромной, в рост мальчика, странно скрученной раковины, которую Дон нашёл в одной из экспедиций. Отличный дом, надёжная палатка для одинокого путешественника! Дон достал из раковины длинный треугольный зуб.

— Это моё главное открытие, — гордо сказал он. — Зуб доисторической акулы! Кархародон — её имя. Я готовлюсь к охоте на кархародона…

— На доисторическую? — прохрипел под маской Сыроежкин. Он начал привыкать к разным морским чудесам, но сейчас ничего не понимал.

— Смотри внимательно: зуб — не окаменевший. Я его откопал в иле, вернее, откопал экскаватор, а я поднял. Вот тебе и доисторическая! В океане есть глубины, куда никто не заглядывал. Кто же в них скрывается? Вдруг кархародон?

— Он, наверное, огромный, — пробормотал Серёжка.

— По моим вычислениям, при таких зубах размер кархародона метров двадцать пять, не меньше. Пасть во2 какая — пещера на шесть человек. А хвост! Ты представляешь, какого эта акула даст шлепка, если её оседлать?!

Тут Сергей захохотал и вдруг вспомнил Рэсси. А если ему встретится кархародон? Пусть даже не такой огромный — всё равно страшно…

…Если бы Рэсси плыл по вечернему океану, он бы услышал «голос моря» — особые звуки, которые ветер высекает из волн, — и узнал бы про надвигающийся шторм: откуда он идёт, какой силы и как скоро настигнет их. Но Рэсси уже несколько часов следовал в глубине за синим китом, и когда волна оглушила его спутника и он вынырнул спасать Белобочку, пловцы оказались в самом центре свирепого шторма, который моряки называют просто и страшно: «глаз бури». Волны, взлетавшие на высоту семиэтажного дома, образовали гигантскую воронку. «Глаз бури» в изломах молний, казалось, с любопытством смотрит сверху в эту воронку: что же там, на самом дне?

Пловцов захватил водоворот воронки. Рэсси

обнял лапами беспомощного, слабо попискивающего дельфина и напрягал все свои электронные силы, чтобы быстрое течение не унесло Бочку. Он включил внутри себя механизм аварийного управления — сотни резервных электронных схем стали определять верх и низ, скорость вращения, глубину и границы шторма, чтобы в нужный момент воспользоваться реактивным двигателем. Белобочка вдруг шевельнул хвостом и вдохнул дыхалом порцию воздуха, но Рэсси не отпустил товарища: водоворот с силой увлёк их вниз. С нарастающей скоростью приближалось дно океана.

В эти критические секунды Рэсси включил двигатель на полную мощность, и тот вытолкнул пловцов из круговерти.

Потом Рэсси вернул Белобочке свободу, в чернильной мгле стал выводить товарища из зоны бури. Все, кто мог спрятаться, почуяв шторм — медузы, рыбы, водяные змеи, скаты, — опустились в спасительные глубины, притихли. Лишь туманными дисками медленно проплывали какие-то светящиеся безмолвные существа, разглядывая пришельцев сверху. След Нектона был потерян, размыт бурными подводными течениями. Нечего было пытаться искать в этих водах слабый

китовый запах.

Они плыли всю ночь, а утром увидели безмятежно спокойное, пустынное до горизонта полотно океана…

Рэсси давно уже пришёл к выводу, что «карта жизни» Нектона, его путь в морях и океанах был очень сложным: ведь он угадал близкий шторм и ушёл от него. Как всякий кит, Нектон опасался, наверное, берегов, узких проливов, подводных городов. Но, в отличие от своих собратьев, синий кит не возвращался зимой и летом в привычные места. У Нектона не было любимых морей; он, презирающий китовые правила свободный кит, жил во всех океанах; Земля, которую он окольцевал орбитами своих путешествий, представлялась ему, вероятно, гигантской чашей солёной воды с враждебными островами суши. Всё же неуловимого пловца можно было догнать, найдя слабый запах следа.

Как-то на рассвете Белобочка и Рэсси услышали призывный крик тонущего кита и бросились на помощь. То, что они увидели, заставило их остановиться и сделать осторожный круг: в лёгкой пелене тумана глаза Рэсси и дыхало дельфина нащупали стальной корпус всплывшей подводной лодки. Характерно вытянутый горбатый корпус

с острым ножом плавника и распущенным хвостом рулей выдавал тип подлодки — «Тунец». Противник, охотящийся на синего кита, по странному совпадению или по природной хитрости людей, придумавших рыбьи подлодки и сложные электронные машины, применил тот же приём, что предвидел и Рэсси: вызывал сиреной Нектона из его глубин.

То, что произошло в следующие несколько минут, обсуждалось потом учёными и породило среди моряков новые легенды об особой чуткости и смелости синего кита.

Из тумана послышался шум быстро плывущего тела и короткое сильное сопение: «У-уф, ш-ши… у-ф, ш-ши…» Рэсси и Белобочка увидели синюю с белым пятном спину. Легендарный Нектон огромной ракетой нёсся к подлодке «Тунец», посылавшей сигналы бедствия на языке китов.

Вот сильно расщеплённый рот с крутым сводом верхней челюсти и прямой линией нижней — казалось, что Нектон чему-то улыбался. Маленькие глаза кита не различали тонущего, но чуткий слух вёл Нектона кратчайшим путём на призыв. Как вдруг синий кит резко повернул, услышав ещё более отчаянный крик — зов о помощи.

Прямодушный, безрассудно храбрый Нектон

не знал, что крик невидимого в тумане Рэсси спас ему жизнь. В тот момент, когда Нектон разворачивался, подлодка «Тунец» выплюнула вместе с пламенем блестящий предмет. Гарпун попал в голову кита, но капитан, глядя на экран, чертыхался: из-за внезапного разворота Нектона стрелок промахнулся — гарпун не попал в болевой нерв.

Синий кит почти не обратил внимания на лёгкий удар по голове. Но вскоре ему стало ясно, что железная рыбина, подманивая его сигналами бедствия, вовсе не тонула, а, наоборот, нападала, и кит, разъярившись, решил атаковать это лживое многоглазое существо с плавниками глупого тунца. Сигнал крайней опасности заставил кита подпрыгнуть над водой и отвесно, почти вертикально, уйти вниз. Одни из немногих в океане, Рэсси и Белобочка наблюдали, как сверкнула широченная фарфорово-голубая грудь Нектона, прорезанная глубокими тёмными бороздами складок. Мелькнул над водой хвост. Второй выстрел «Тунца» не состоялся.

Нырнув, синий кит изменил направление, гладким срезом головы поддел снизу коварную подлодку. Судно, погружавшееся, чтобы преследовать кита, было отброшено мощным ударом и

стало срочно всплывать…

Рэсси и Белобочка долго ещё сопровождали в глубинах Нектона. Подводный терьер, плывя рядом с синим китом, объяснял Нектону, что произошло. Выслушав маленького Рэсси, Нектон распахнул пасть и, показав все пластины своих усов, проревел. Рёв этот был так ужасен, что во все стороны брызнули стаи рыб. Но те, кто был на дне, в тёплых и прохладных течениях, в игривых океанских волнах, прислушивались к крику самого большого на Земле животного. И если перевести быстрые китовые звуки в человеческую речь, то получатся примерно такие фразы, обращённые одиноким гигантом к своим соплеменникам:

«Опасность! Когда встретите многоглазого тунца, знайте, что этот медлительный на вид тунец, едва заметив вас, выплюнет острый гарпун. Тот самый, что рвёт тело наших братьев и сестёр и делает их мёртвыми, если даже они не захлебнутся. И никто уже не придёт на помощь несчастным. Напрасно будет тыкаться китёнок в живот матери: он, глупый, не понимает, что она уже не накормит его. Спасайте китят, спасайтесь сами от лодки-тунца…»

Синий кит плыл из моря в море, изредка ревел, пугая акул, оповещая китов. Он знал, что, как и

прежде, услышав крик о помощи, будет спешить, презирая опасность, на выручку к своему брату по крови.

Глава 19

…Два диспетчера — Океана и Космоса — как обычно, делились новостями:

— Алло, Астронавт, у нас происшествие: пока мы с тобой дремали в глубинах, здесь, в океане, над моей головой какие-то злоумышленники чуть было не загарпунили Нектона. Ты слышишь меня, Аст? Приём.

— Понял тебя, Командор. Одного не понял: новость приятная или печальная? Кто такой Нектон? Приём.

— Да ты в самом деле спишь в своей пустоте, Аст. Спишь с открытыми глазами! Ты, который помнишь каждый кратер на Луне, должен знать Нектона: тот самый синий кит… Может, у тебя провальный сон, Аст? Это самая страшная глубинная болезнь, когда всё в мире кажется одинаково серого цвета, как твоя близкая Луна. Приём.

— Ты прав, Командор, меня тошнит от такого однообразия: Луна быстро надоедает. Я вспомнил Нектона! Наш брат, кит-глубинник! Что с ним, Командор? У кого это поднялась рука палить в своего парня? Приём.

— Точно не знаю, какая-то подлодка. С Нек-

тоном в порядке. Правда, в его шкуре засела радиопуля. Приём.

— На твоём месте, Командор, я разыскал бы подлую подлодку, посмотрел бы в глаза этим лихачам. Но зачем им метить кита, Командор? Не метеор, не какой-нибудь отработанный спутник на трассе — совсем не мешает кораблям. Живой кит! Приём.

— Я ещё не разобрался, Аст. Самое интересное: знаешь, кто спас Нектона? Электронный пёс, который умеет плавать не хуже рыбы, и ещё дельфин… Дельфин — обыкновенный, а пёс — Рэсси или что-то в этом роде — загадочная личность. Какова история, Аст, а? Приём.

— У вас на дне одни фантазии. В дельфина я верю. Но пёс-дельфин, пёс-рыба — какая-то чушь. Или ты не расслышал, Командор, или у тебя слуховые галлюцинации от тишины. Приём.

— Клянусь свободным Нектоном, Астронавт! Всё до единого слова — правда. Не могу доказать, но пёс существует. Я в него верю. Расспрошу наземных диспетчеров, потом всё тебе передам. Приём.

— Даже если ты математически докажешь, что твой электронный пёс — гений, считай, что для меня он не существует. Когда на мои планеты

начнут ввозить земных зверей, я первый предложу закон: механических не надо! В космосе слишком много всякой электронной всячины, а живого — почти ничего… Приём.

Глава 20

Профессор Громов и Радж Манас совершали последнюю прогулку по заповеднику. После захвата сонного стрелка, ранившего тигра, были пойманы и его сообщники. Профессор располагал доказательствами: теперь не только Совет охраны животных, но и весь научный мир убедятся, что фон Круг и фирма «Пеликан» замахнулись на самое ценное для человечества — Природу.

Утром Громов улетал домой. А пока он вёл неторопливую беседу с инспектором, сидя на спине слона Замбы, наблюдал зверей и птиц, любовался красками индийской осени. Инспектор рассказал, как однажды Замба встретил свирепого носорога и он, Радж, упал со слона, скатился в траву и лежал смирно, потому что носорог не нападает на неподвижную жертву; зверь тяжело дышал над ним, но человек не шелохнулся, пока умный слон не прогнал носорога.

— Я слышал, профессор, что ваша новая модель знает привычки и законы многих животных не хуже иного зоолога, — сказал Радж Манас.

— Честно говоря, — признался Громов, — Рэсси меня удивляет. Ничего, разумеется, сверхъесте-

ственного в нём нет — всякая машина лишь подтверждает или отрицает какую-то идею. Но Рэсси попал в необычные условия. Преследуя сонных стрелков, он накопил богатый опыт. И, пожалуй, слишком быстро проверил те мысли, которые я продумывал много лет. Необходимо ещё раз оценить его результаты. Чересчур ответственна та теория, которую я хочу предложить вниманию учёных.

Радж Манас не расспрашивал профессора. Того, что он услышал, было достаточно: вскоре появится работа, которую ожидает научный мир.

— Смотрите! — Инспектор указывал на поляну. Там, сцепив рога, наступали друг на друга два оленя. — Совсем как мальчишки, — с удовольствием произнёс Радж Манас. — Это зомбары, мои любимцы.

— Ваши зомбары ещё раз доказывают, что для измерения сил необязательна стычка. — Гель Иванович мягко улыбнулся. — Вспоминаю себя школьником. Бывало, уже в споре чувствуешь: противник сильнее тебя, но приятели подзадоривают, подталкивают в спину, и ты лезешь в драку… А зачем? Расквашенный нос никого не украшает. И как мы были поражены, когда учитель объяснил основные правила борьбы

стадных животных: смелому достаточно принять угрожающую позу, и слабый удирает…

Зомбары, потоптавшись на месте, расцепили развесистые рога и как ни в чём не бывало стали щипать траву. Боролись они не всерьёз, но зато установили, кто старше рангом.

— Я наблюдал множество схваток в джунглях и видел, что все дуэли у животных — лишь состязание в силе и ловкости, — подтвердил инспектор.

В лесу слышались отрывистый лай и особое завывание — улюлюканье, которое лучше всяких слов говорило: красные волки преследуют в чаще оленя.

Эти волки, дикие собаки Индии, гнали жертву по кругу, на смену уставшим загонщикам выскакивали всё новые — участь оленя была решена. Но люди не вмешивались в эту охоту. Природа сама выбраковывала больных и слабых, право сильного было неоспоримо. Радж Манас пояснил гостю, что олени, спасаясь от диких собак, бегут обычно на богатые пастбища и там чувствуют себя привольно. Он, инспектор, много раз подсчитывал соотношение красных волков и оленей, леопардов и коз в своём заповеднике. Они необходимы друг другу, хотя одни из них — хищники, а другие — жертвы. Но хищник ни-

когда не убивает зря жертву; можно наблюдать, как стадо оленей мирно пасётся на виду у волков и не бывает встревожено до тех пор, пока волки не начинают свою охоту. Когда же волки исчезают на время из этих лесов, появляются больные олени, распространяются эпидемии. Природа чутко сохраняет равновесие всего живого.

— Если бы вашу лекцию послушал один мой учёный противник!.. — невесело улыбнулся Гель Иванович. — Впрочем, что ему лекция. Он весьма сознательно портит природу.

— Природа — зелёный дом, в котором мы родились и выросли. Только безумцы способны уничтожать свой дом.

— В каждой школе, — продолжал Громов, — есть особые обитатели задних парт, «Камчатки», которые от души радуются, когда отменяется очередной урок. Исчезли бабочки — ура! Выпали из программы стихи — так им и надо!.. Бедняги, они не понимают, что потеряли несколько минут удивления миром и никогда уже не восстановят их. Невежество опасно и противоречит многообразию природы.

Спутники встретили по пути золотого в солнечных лучах носорога, который куда-то спешил и не пытался напасть на Замбу; снежно-белых

цапель, дремавших на одной ноге в мелком пруду, трёх диких слонов — неразлучных борцов, которые повернулись к Замбе серыми спинами, считая, очевидно, его пленником. Инспектор Радж Манас знал почти всех зверей в своих лесах и рассказывал Громову про каждого, будь то осторожный шакал, вышедший из кустов павлин или спящий в осенней листве толстобрюхий питон. Громадина питон, как оказалось, был самоотверженный родитель: силач, способный задушить в своих объятиях быка, он, когда приходит время, осторожно высиживает яйца, ничего не ест и ни на минуту не покидает будущее потомство.

— Меня часто удивляет не только забота о сохранении рода, но и героизм, который проявляют многие животные, защищая своих детей, — сказал Громов. — Когда птица, припадая на одно крыло, уводит врага от гнезда, в ней борются два инстинкта: уберечь птенцов и сохранить свою жизнь. И если опасность для детей слишком велика, она возвращается, вступает в борьбу, жертвует собой.

Шапки пеликаньих гнёзд были нанизаны на ветви акации; птенцы неуклюже ковыляли из гнёзда в гнездо; взрослые птицы, подобрав ноги, запрокинув шею, выставив длинный клюв, вы-

делывали в воздухе фигуры высшего пилотажа; иногда беспокойная мамаша приносила с озера полный мешок рыбы, и птенец нырял с головой в широко открытый клюв.

«Наш долг — защищать снежных цапель, диких кошек, упрямых носорогов, гордых павлинов, — думал Гель Иванович. — Защищать не от исконных врагов, с которыми они живут бок о бок, а от тех, кто действительно им опасен».

А на поляне резвились оленята.

Это была особая поляна душистой травы, вся в солнечных бликах, с зелено-золотисто-синим небом; как только оленёнок, отойдя от стада, вступал на неё, он валился на траву, кувыркался, вскакивал, мчался галопом, бодал кусты, ловил собственный хвост. Будто внутри каждого срабатывал невидимый механизм, призывавший играть, наслаждаться, радоваться, жить…

Наблюдая резвящихся оленей, Громов повеселел.

«Эх, ребята, эх, телята, до чего вы похожи друг на дружку! — смеялся он про себя. — Тот, кто не бегает, не сможет понять, какое это удовольствие, какая радость даже, казалось бы, бессмысленные прыжки».

Оленята старались подпрыгнуть выше кустов.

Сами того не подозревая, они учились обнаруживать крадущегося врага. А потом, когда прыжки надоели, игруны, смешно задирая ноги, принялись гонять по поляне какую-то деревяшку.

— Удар! Ещё удар! Ай-ай, какой промах!.. — комментировал профессор.

— Хорошо быть маленьким, — улыбнулся Радж Манас. — А наш укротитель тоже сейчас играет? — Инспектор вспомнил Электроника, так ловко пленившего тигра.

— Он учит древний язык Индии — санскрит, — ответил Громов. — У него гора книг. Я запер Электроника в номере гостиницы, чтоб ему не мешали.

— Классический санскрит таит много мудрости, — подтвердил инспектор. — У вас очень способный ученик.

— К счастью, он лишён моих недостатков. — Профессор смущённо хлопал себя по карманам. — Я, как всегда, растяпа. Забыл специальные очки для дали! Поневоле позавидуешь Рэсси с его глазами.

Радж Манас протянул ему бинокль.

Сильные линзы приблизили горы. Сверкали в голубом просторе неба далёкие вершины. Над одной из них искрились какие-то точки. «Неужели

гуси забрались так высоко? — подумал удивлённо профессор. — Впрочем, уже осень. И гуси летят теми же путями, что их предки…»

Замба вошёл в тень развесистого дерева, и профессор опустил бинокль. Он так и не разглядел летящего над горами Рэсси.

Глава 21

Доктор фон Круг перебирал пачку радиограмм. Экспедиции сонных стрелков провалились. Подлодка «Тунец», охотившаяся на Нектона, задержана. Международный Совет охраны животных разъяснил, что охота специальными пулями представляет опасность для животного мира планеты. В Гренландии, в Австралии, даже в антарктической пингвиньей пустыне инспектора, добровольцы-охотники, учёные выслеживали круговских стрелков.

Фон Круг отчётливо понимал, что он разорён. Компания «Пеликан» спишет убытки за его счёт — так принято в мире свободных предпринимателей, и он, независимый изобретатель фон Круг, потеряв свои деньги, земли, лаборатории, станет обычным служащим фирмы.

Фон Круг оглядел кабинет. Дубовый стол, аппараты — всё деловито, знакомо. Доктор не любил большие города, огромные залы, скопища людей. Всю жизнь мечтал он о чём-то очень простом и в то же время важном для человечества. Отсюда, из кабинета, он мог бы управлять всем живым миром обычным нажатием кнопки…

Доктор Круг вспомнил свою гориллу из «Мира животных», которая отвернулась от него. Теперь он признаёт, что это была самая заурядная машина. Но с прошлым покончено. Фон Круг не собирается складывать оружие. Он хладнокровно глядит в глаза грозящей опасности.

Доктор вызвал по телефону Мика Урри.

— За последнее время было много неудач, — холодно сказал профессор помощнику. — У меня сложилось впечатление, что кто-то пользуется нашей информацией. Понимаешь, Урри?

Урри знал о провалах, но что из этого следует, не мог предположить.

— Вот посмотри, что я нашёл. — Фон Круг вынул из стола и передал помощнику транзистор.

— Понятно, — буркнул Урри.

— Ты знаешь, где он был спрятан?

Фон Круг отдёрнул ковёр, нажал на дубовую панель, пригласил:

— Прошу.

Они вошли в зал, где стояли вычислительная машина и радиоаппаратура.

— Эту безобидную на вид коробку я обнаружил в одном из блоков машины. И положили её в тот самый день (в бесстрастной речи фон Круга мелькнула маленькая, но грозная пауза), когда ты, Мик Урри, привёз вместо модели мальчишку. Теперь понятно?

Лицо Урри покраснело. Опять эта дурацкая история! Неужели за одну ошибку, за то, что он перепутал мальчишек, надо расплачиваться так долго?..

Фон Круг вынул блок, аккуратно вставил транзистор на прежнее место.

— Что мне делать? — прохрипел Урри.

— До сих пор мы играли с закрытыми глазами. Видели лишь одно: решения противника умнее наших. Сегодня моя машина передаст последнюю информацию для двух других машин. И ты поймаешь одну из них, доставишь мне. Всё.

— Адскую собаку? — догадался Мик Урри. — Да я возьму её голыми руками, господин профессор.

— Вот что, Мик Теодор Макс Урри. — Хозяин

вторично полностью произнёс его имя, и это что-то значило. — Называй её как хочешь, хоть адской собакой, однако запомни: грубой силы не применять, оружия с собой не брать.

— Но…

— Машину доставить в сохранности. Мне надоело разгадывать её по частям, мне нужна вся система. А здесь она станет послушной, совсем ручной.

— Ясно. — Щёки Урри дёрнулись, изображая улыбку.

— Ящик с капканом на аэродроме. Открывается он снаружи. — Фон Круг пожевал тонкими губами, вспомнив, как Рэсси отомкнул дверь. — Идея простая: мы располагаем образцом голоса господина Громова. Ты должен досконально знать, как перехитрить две умные машины.

Он включил магнитофон, и зазвучала давняя запись. Профессор Громов говорил по радио с Пенном-долговязом, командиром бывшего африканского отряда:

«Где вы находитесь?»

«Рад слышать вас, господин профессор! В квадрате одиннадцать — сорок два. Сейчас привал, у нас уже утро…»

«Жарко?»

«За пятьдесят!»

Фон Круг выключил запись.

— Итак, самолёт в Индию летит через сорок минут… Для машины Громова, которая связана с моей радиостанцией, будет передана информация о похищении знаменитого белого тигра. Не сомневаюсь, что Электроник вместе со второй моделью по кличке Рэсси попытаются спасти тигра. В этой машинной битве должен победить ты, Мик Урри. На месте тебя ждёт эмптометр… Надеюсь, понятно…

Глава 22

На окраине города, за колючей изгородью и заросшим водорослями каналом, как немой свидетель былого могущества, возвышался дворец магараджи. Поражавший когда-то гостей росписью и богатым убранством залов, дворец давно уже не собирал любителей охоты и пиров — был превращен в скромный музей. Музей привлекал посетителей не чучелами, рогами и бивнями, а одним уникальным живым экспонатом: белым тигром. Даже в Индии белый тигр большая редкость. Люди всегда любовались им. Считалось, что обидеть такого тигра — значит навлечь на себя величайшее несчастье. Сегодня ночью рушились священные обычаи древности: белого тигра должны были похитить.

Электроник, запертый в номере гостиницы, сидел у стола, заваленного книгами. С той минуты, как Электроник услышал по радио приказ фон Круга сонным стрелкам достать ему белого тигра, он отложил изучение древнего санскритского языка и, вызвав Рэсси, стал считать, сколько времени осталось до назначенного часа. Успеют ли они встретиться? По всем расчётам, успеют: Рэс-

си сейчас летел над морем, включив резервные двигатели. Электроник принял единственно правильное решение: профессора, путешествующего на Замбе, не найдёшь ни по одному видеофону, а вдвоём с Рэсси они сумеют помешать похитителям…

Оставалось тридцать минут до полуночи, до обусловленного фон Кругом срока, когда мягко повернулся дверной замок и в комнату заглянула мохнатая морда Рэсси. Электроник был наготове.

— Вперёд, Рэсси! — хрипло сказал Электроник, притронувшись к волнистому затылку собаки.

Они промчались мимо прижавшегося к стене швейцара, выскочили на улицу. Электроник изучил карту города и точно представлял, где дворец магараджи, но на всякий случай объяснил Рэсси:

— Точно на юго-запад. Пять километров четыреста метров.

Они миновали центр города с деловыми небоскрёбами и стеклянно-металлическими домами, углубились в старый район. Мальчик и собака бежали по кривым узким улочкам, вдоль нескончаемо длинных глиняных стен, куда не выходило ни одно окно. Пустынная, мощённая камнем дорога вывела их к заброшенному дворцу. В свете луны блестели белые башни и купола.

Вот железный мост над рвом… Арка входа. И дальше — залы дворца. Комнаты, комнаты, гулкие тёмные комнаты — бесконечные покои магараджи. Силуэты чучел, блестящее в лунном свете оружие… Где же белый тигр в этом лабиринте залов, коридоров, узких лестниц, колоннад, балконов, каменных кружев стен? Рэсси уверенно бежал по пустому дворцу, словно держал в зубах нить, выводящую из лабиринта.

Они ступили на балкон и увидели внизу каменный дворик; когда-то здесь магараджа перед выездом в джунгли осматривал своих охотничьих гепардов — длинноногих, пятнистых, легко догонявших самых резвых оленей. Нет больше магараджи, исчез с лица земли последний индийский гепард, но остался охотничий дворик,

спрятанный в самом центре дворца-крепости.

На мраморном полу в сумеречной тени притаился огромный тигр. Он был неестественно белый, с кольцами тёмно-серых волос, с серебристыми бакенбардами. Тигр глухо рычал.

Мальчик и собака, выглядывая из-за колонны, увидели, что напугало белого тигра: над квадратом двора висел на вращавшихся плоскостях эмптометр, похожий на чудовищное насекомое. Глаза тигра следили за воздушной машиной.

Тигр вдруг прыгнул на середину двора. Оглушительный рёв разнёсся по пустым залам, затих где-то в дальних комнатах. Убедившись, что ночной дворец привычно отзывается на его голос, тигр вернулся в свой угол, оглядываясь на машину.

Разошлись створки на брюхе эмптометра, из люка пополз вниз на тросах тяжёлый ящик. Под рукой Электроника дрогнула голова Рэсси, но мальчик удержал его: рано. Ящик опустился на мраморный пол — закрытый, таящий немую угрозу стальной ящик. Выдвинулась боковая стенка, словно приглашая жертву войти. Оскаленный, с прижатыми ушами тигр затаился в углу, и было что-то страшное в этой сцене.

Громкий голос позвал: «На помощь, друзья!» —

и Электроник мгновенно узнал голос Громова. Он звучал из ящика. Учитель звал их на помощь!..

— Вперёд, Рэсси! — крикнул Электроник, перескакивая балюстраду.

А Рэсси ещё до команды хозяина, едва услышав знакомый голос, прыгнул с балкона во внутренний двор, скользнул молнией по гладкому полу, нырнул в ящик. В то же мгновение с лязгом замкнулась дверца, стальная коробка рывком поднялась вверх вместе с эмптометром.

Глухой рык зверя, крик мальчика, лязг стали — все звуки быстрой охоты на мгновение заполнили сонный дворец.

И стихло. Эмптометр удалялся к звёздам, оставив в каменном мешке человека и тигра.

— Отстань ты! — железно-скрипучим голосом сказал Электроник белому привидению, изготовившемуся к прыжку, и тигр, поднявшись с неожиданно равнодушным зевком, сделал несколько мягких шагов, вернулся в угол. — Эх ты, вау-ху-аб!..

Слишком поздно догадался Электроник, что клетка не для тигра, а знакомый голос — всего лишь приманка. Если бы он первым вскочил в ящик и дверца захлопнулась, Рэсси несомненно освободил бы своего хозяина. Но Электроник

был не в силах догнать воздушный эмптометр: он не умел летать, как Рэсси. И даже не разгадал обычную охотничью хитрость.

Мальчик вылез из каменного мешка по приставной лестнице и побежал, не обращая внимания на колючки, рвавшие его рубашку, туда, где он слышал слабый звук удалявшегося эмптометра.

Электроник бежал до тех пор, пока не почувствовал, что в нём иссякает энергия.

Глава 23

Пять мальчишек и девчонка сидели на спинке скамейки, как нахохлившиеся птицы на плетне. Они слушали Электроника.

Его встретили в школе весёлыми криками, нетерпеливыми вопросами. Но Электроник отвечал кратко и, как всем показалось, вёл себя очень сдержанно. Несколько дней бурлил восьмой «Б» после приезда с южного моря загорелого подводника Сыроежкина. И хотя скачку на акуле восьмиклассники оценили как достойное и современное испытание воли человека, они ждали с нетерпением Электроника. Он один мог рассказать все подробности спасения синего кита! И конечно, ждали неуловимого Рэсси: хотелось взглянуть на него, понять, что значит это таинственное «И так далее»?.. И вот вернулся Электроник и очень сухо говорит о носорогах, акулах, подлодке, как будто рассказывает какую-то научную книжку, а не настоящие приключения Рэсси.

Таратар, правда, остался доволен своим ассистентом. За лето он так начитался, что объяснял решение задач языком высшей математики, как

лектор студентам. Никто его, конечно, кроме Таратара, не понял, и учителю пришлось самому решать задачу. Один лишь Вовка Корольков, классный Профессор, слушал Электроника с горящими глазами: как он хотел быть таким же умным!

«В жизни Электроника наступает трудный период, — подумал Таратар. — Пожалуй, этого не мог предположить даже Гель Иванович Громов. Электроник чересчур быстро обогнал по развитию всех ребят. Он говорит с ними, как академик с коллегами: совсем забыл, что высшую математику его товарищи ещё не проходили…»

Но вот у доски встали два близнеца, и Таратар решил разрядить серьёзную атмосферу в классе:

— А ведь Сыроежкин перегнал тебя за каникулы, Электроник!

Все улыбнулись и с удивлением заметили, что Сыроежкин чуть выше своего двойника. Это была истина, но всё же чуть печальная, когда её вспоминаешь: машины не растут.

После уроков Сыроежкин шепнул приятелям новость, которую ему удалось выведать у Электроника: «Пропал Рэсси!» И тут уж Электроник не смог отделаться скучными ответами. Пять мальчишек и девчонка привёли его в пустынный

парк, чтобы узнать, как всё было на самом деле.

Электроник говорил вялым голосом, но каждый представлял себя в каменном мешке с белым тигром: как он подпрыгивает, пытаясь уцепиться за висящий стальной ящик, а руки соскальзывают, и вот уже мрачный эмптометр на полном ходу втягивает в себя груз.

— Что ты сказал тигру, Электроник? — спрашивает Макар Гусев.

— При чём тут тигр! — машет рукой Вовка Корольков. — Скажешь сам, когда встретишься… Куда девался эмптометр — вот вопрос.

— Я бы, — вмешался Витька Смирнов, — угнал первое попавшееся воздушное такси и преследовал эмптометр.

— А потом, — подхватил Гусев, — приземлился бы рядом, вытащил бы из кабины похитителей — и вот так… — Круглые кулаки первого силача замелькали в воздухе, атакуя невидимого врага. — И освободил бы Рэсси!

— Там не было воздушных такси, — прозвучал скрипучий голос Электроника.

Наступила тишина. Все молчали. Лишь изредка падали с дуба жёлуди: тук-тук…

— Эх, ты! — сказал Серёжка другу. — Недоглядел…

— Такая собака! — вздохнул Витька.

— Такой страус! — вспомнил Профессор.

— И так далее, — баском поддакнул Макар.

— Перестаньте! — произнёс девчачий голос. Майя, восьмиклассница школы химиков, презрительно оглядела мальчишек. — Набросились все на одного! Носы повесили! Где ваши великие формулы, программисты?! Ну-ка, придумайте, как выручить из беды Рэсси!

Приятели соскочили со скамьи, разошлись в разные стороны. Они шагали по дорожкам, усыпанным жёлтыми листьями. Они думали. Но что толку? Все великие теоремы мира бессильны были объяснить, где сейчас Рэсси!

— Дайте мне новые материалы, я построю другое гениальное животное, — пробормотал Электроник.

Но приятели лишь махнули рукой. А Сыроежкин, услышав слова друга, подскочил к нему и свистящим шёпотом протянул:

— Что-о?

— Попробую построить, — хрипло ответил электронный мальчик.

— Смотри, Электроник! — Сергей погрозил ему пальцем. — Ты слишком просто отказываешься от Рэсси…

И Сергей зашагал по дорожке. Потом оглянулся на неподвижно застывшего Электроника, пожалел его: «Ведь это он собирал Рэсси, учил его, держал связь за тысячи километров, давал команды. И ещё… подружил меня с Рэсси…»

Сергей тихо подошёл к Электронику, дотронулся до плеча.

— Не сердись…

— Я не сержусь. Я машина, понимаешь? — жалобно-скрипучим голосом сказал Электроник.

Внезапное признание вновь возмутило Сыроежкина, привыкшего к победам своего двойника.

— Зачем же ты тогда создан, раз не можешь найти выхода? — отчеканил он.

Электроник как-то странно взглянул на Сергея. И вдруг затрясся всем телом.

Зазвучала резкая музыка — это внутри Электроника включился транзистор. И двойник Сыроежкина, к всеобщему изумлению, смешно сгибая ноги в коленях, приседая, покачивая головой, хрипло запел:

— Э-э-э, бали-бали… Э-э-э, бали-лей…

— Что с тобой? — вытаращил глаза Сыроежкин. — Ты болен?

Электроник, качаясь в такт музыке, проговорил

нараспев:

— Неразрешимый для меня вопрос: зачем я создан? Э-э-э… Я могу перегореть… э-э… Или навсегда замолчать, решая эту задачу… бали-лей…

— Он может перегореть! — сообщил Сергей подбежавшим приятелям. — Я случайно задал ему неразрешимый вопрос…

— Какой? — с любопытством спросил Профессор, на что Сыроежкин пригрозил любителю математики кулаком: не видишь, что творится с человеком?

— Стараюсь не перегореть, бали-бали, — уточнил, пританцовывая, Электроник. — Согласно второй теореме Гёделя… Э-э-э… Ищу выход из логического тупика… бали-бали… переключился на другой ритм… э-э-э… бали-лей… Музыка отвлекает меня от неразрешимых вопросов… Э-э-э…

Сергея не успокоила даже знакомая фамилия теоретика формальных систем Гёделя. Электроник никогда не позволял себе подобных выходок. Сыроежкин был растерян.

— Ты меня не так понял, Электроша. Я что хотел сказать: очень жалко терять не просто какую-то систему, а друга. Ведь я к нему привык.

Электроник сразу успокоился, выключил транзистор.

— Хорошо, — сказал он хрипло. — Я вычеркну из своей памяти слово «друг». Так будет лучше. И тебе советую.

— Постараюсь, — согласился Сыроежкин, не споря с товарищем, чтобы случайно не задать ему новый неразрешимый вопрос, а сам подумал: «Мне так просто вычеркнуть невозможно...» — Мы всё равно будем вызывать Рэсси! Верно, Электроник?

— Эту задачу я решаю каждую минуту, — подтвердил Электроник: он непрерывно ловил сигналы от Рэсси.

— А ты, Электрон, современный парень! — В голосе Макара Гусева звучало уважение. — Что за танец?

— «Бали-бали». Я выбрал этот танец, чтоб быстрее отвлечься, — ответил Электроник.

— Я тоже применяю на себе вторую теорему Гёделя, — подтвердил Профессор. — Только иначе, чем Электроник. Как только я в плохом настроении, сразу углубляюсь в математику.

— Все вы хвастуны, — сказала Майка. — Только и слышно: математика, формулы, теорема Гёделя, а где Рэсси — никто не скажет. Не люблю воображал, люблю спортсменов!

— Долой сухотку-математику! — во всё горло

заорал Макар Гусев. — Да здравствует сила!

— В самом деле, — продолжала Майка, покраснев, — все вы прекрасно рассуждаете, а когда залезете в бассейне на десятиметровую вышку и увидите оттуда близкое дно, тут ни одна теорема не поможет: ныряй или ползи назад.

— Майка — за спорт! — радостно подытожил Макар и, захохотав, одним пальцем подцепил за ручки три портфеля, выжал их над головой.

Электроник, посмотрев на Гусева, молча пошёл к пустынной беседке-читальне. Приятели, предчувствуя неожиданное соревнование, направились за механическим мальчиком.

В беседке Электроник указательным пальцем поднял стул за спинку. Макар показал коронный номер: одной рукой — стул за ножку.

Электроник приблизился к массивному столу. Одной рукой спокойно поднял стол за одну ножку.

Макар, покраснев от натуги, пытался приподнять стол за две ноги, но только прыгал на месте и чуть не продавил пол беседки. Наконец, перевернув стол вверх ногами, он подлез под крышку и, встав на четвереньки, завибрировал с тяжёлой ношей. Электроник спокойно водрузил громоздкий предмет на место, жестом показал

Макару: «Прошу на помост». Макар, отдуваясь, влез на крышку и только собрался раскланяться перед зрителями, как стол вместе с ним вознёсся вверх.

Зрители захлопали силачу.

— Вот это сила! — кричал Макар, топая по крышке стола над головой Электроника.

— Электросила, — уточнил победитель, опуская рекордный груз.

…Вечером Сергей сидел над учебником. Уже час читал одну и ту же страницу. Геометрия Вселенной не укладывалась в его сознании. Впрочем, учебник мало интересовал Сыроежкина. Во всех подробностях представлял мальчик лохматого, забавного Рэсси.

— Рэсси, ты слышишь меня, Рэсси? — бормотал Сергей.

В кармане рубашки зашит транзистор для связи с Рэсси. Поглядывая в учебник, Сергей бубнил в карман:

— Алло, Рэсси, это я, Сергей. Ты слышишь меня?

Но Рэсси не отзывается. Может быть, потому, что голос Сыроежкина звучит слишком не похоже: ведь он волнуется…

«А если Рэсси взял да стёр в своих схемах одну

строку? Как раз ту самую, где был след памяти обо мне, Сыроежкине? А?.. Нет, Рэсси не мог так поступить!.. Просто он сейчас спит и видит всё самое чудесное, самое удивительное, что может быть только во сне: пески Марса, серые камни Луны, радуги Юпитера. И ничего не слышит…»

— Рэсси, отвечай!

Такая гениальная собака — и пропала! Ещё неизвестно, кого лишилась мировая наука… Ведь при своих способностях Рэсси мог бы стать знаменитостью в любом деле. Например, в шахматной игре — гроссмейстером… Даже чемпионом мира!.. Вот за столиком сидит международный мастер. Напротив него — лохматая собака. Собака обдумывает решающий ход… Бросок слона — мат! Аплодисменты!.. Чемпиона венчают лавровым венком. Главный арбитр объявляет: «Тренер нового чемпиона мира Сергей Сыроежкин!..»

Сергей уронил голову на стол и мгновенно очнулся. Он отбросил учебник, увидев знакомый заголовок: «Кривизна Вселенной». Подумаешь! Кривизна Вселенной знакома каждому со дня рождения: хоть скройся в пещеру, хоть залезь под кровать — тебе не уйти от звёзд, ты всё равно живёшь в своей Галактике. Зачем тогда изучать все детали кривизны: достаточно знать и исполь-

зовать главные законы!

Сейчас он сосредоточит свою волю и пробьётся наконец к Рэсси…

Сыроежкин представил себя в космическом корабле, летящем рядом с колесом обитаемой станции. Там, на огромном колесе со спицами коридоров, осью реактора и кругом жилого отсека, случилась авария. Космонавтам нужна помощь.

«Рэсси, вперёд!» — командует Сергей.

За обзорным стеклом он видит полмира звёзд, которые медленно вертятся вокруг него. Но они не имеют никакого значения. Главное сейчас — Рэсси. Сергей ищет взглядом и находит крохотную фигурку, которая, вытянув морду, плывёт к огромному колесу. Рэсси — великолепный космолаз, ему не нужен даже скафандр…

«Рэсси, левее, левее… Ты слышишь меня, Рэсси?..»

Связь прервана. Рэсси движется не к тому люку. Люди на станции ждут.

Он, Сыроежкин, попытается управлять Рэсси на расстоянии! Без всяких транзисторов… Простым приказом мысли… Как в фантастических книгах…

«Да здравствует сила!» — вдруг послышался в ушах Сыроежкина противный голос Макара

Гусева.

Никакого Гусева в пустой комнате, конечно, не было. Сергей зло вскочил со стола: как трудно управлять даже собственной мыслью. Обязательно кто-то вспомнится и испортит всё дело.

— Рэсси, ко мне! — диким голосом завопил Сыроежкин, так что в шкафу зазвенела посуда.

Посуде откликнулся дверной звонок, и Сергей бросился в коридор. Электроник!

— Нашёлся? — тяжело дыша, спросил Сергей. — Рэсси нашёлся?

Электроник покачал головой.

— Я пришёл, потому что услышал новость. По телевидению объявили, что сейчас будет выступать мой учитель. Я думаю, что он скажет и про Рэсси.

— Конечно, он скажет! — обрадовался Сыроежкин. — Как я раньше на догадался… Мы тут мучаемся, вызываем Рэсси… А он скажет одно лишь слово, и Рэсси сразу отзовётся. Профессор! Голова!.. Давай, Электроша, смотреть вместе!

…Лицо Геля Ивановича Громова в овальной рамке телевизора было серьёзным.

«Мы, люди Земли, — говорил Громов, — всей своей многомиллионной историей запрограммированы для чистого воздуха и солнечного

света, прозрачной воды и тихого леса. И когда мы варварски обращаемся со своими богатствами, мы обедняем не только себя, но и последующие поколения. Вот почему Совет охраны животных решительно вмешался в тотальную охоту сонных стрелков».

Гель Иванович рассказал о гибели антилоп в Африке, о погоне подлодки за синим китом, о зебрах и дельфинах, носящих в себе радиопули. И хотя он ни словом не упомянул о себе и о своих помощниках, ребята почувствовали себя героями. Они подсказывали профессору знакомые имена, но Гель Иванович находился далеко от них, в телевизионной студии, и, конечно, не слышал никаких подсказок.

— Мы ехали на Замбе, Гель Иванович, — скрипуче говорил Электроник.

— Скажите, что это Нектон, — требовал Сыроежкин, дыша в стекло экрана. — Все сразу узнают его.

— Сейчас он говорит о тебе.

— А теперь о тебе…

— О Рэсси! — произнесли они вместе и умолкли.

Приятели пока не понимали, что, раз профессор Громов решил выступить перед телекамерой,

значит, он хочет сказать людям очень важные слова. Те, которые он продумывал много лет, те, которые проверил в формулах, те, которые Электроник воплотил в Рэсси…

Электроник слушал очень внимательно, запоминая каждое слово профессора.

«Человек или группа людей, — продолжал Громов, — решили управлять животным миром, держа палец на кнопке. Они забыли, что число животных в мире сокращается. Они даже не подумали, что могут вызвать в природе страшную цепную реакцию, наподобие ядерной, которую невозможно было бы остановить». Профессор спокойно смотрел в глаза миллионам зрителей планеты, включивших телевизоры в своих квартирах.

— Белобочка не станет подчиняться какой-то кнопке, — убеждённо сказал Сергей. — Он гордый: скорее утонет, чем примет рабство…

— Рабство? — спросил Электроник. — Это что-то очень древнее, из книг. Мои схемы почти не реагируют на слово «рабство».

«…Последствия «дрессированного», электрифицированного мира животных, который навязывали нам фирма «Пеликан» и её представитель доктор фон Круг, опасны для человечества. В

будущем никто уже не сможет восстановить исчезнувшее…»

«Конечно, нет в мире второго Нектона, — подумал Сыроежкин, — нет другого белого тигра. Живого тигра не соберёшь из деталей, как машину…»

«Меня могут спросить: какую же вы предлагаете систему охраны животных и общения с ними, чтоб редкие виды не исчезли с лица планеты, чтоб дети и впредь любовались жирафой и катались на спине дельфинов? Отвечу: сегодня нам наконец известна система комплекса сигналов, которыми пользуются животные. Теперь человек сможет управлять животным царством моря, земли и воздуха на языке их обитателей. Это — язык запахов, форм, звуков, жестов, красок, света, образов. Можно «говорить» с тигром и ланью, воронами и саранчой, акулами и тунцами, «говорить» на их сложном языке. Такую систему разрабатывали по частям многие учёные, но впервые её применило одно забавное существо по имени Рэсси…»

Мальчишки так и подскочили на стульях. Рэсси! Сейчас он услышал своё имя, сейчас он отзовётся радостным лаем!..

А Громов рассказывал, как пространствовал

Рэсси в пустыне, джунглях, в океане, в небе, как управлял он животными, как птицы, рыбы и звери признали в нём своего вожака. Профессор очень просто говорил о Рэсси, и его с улыбкой слушала вся планета. Многие зрители, наверно, поглядывали на своих верных собак, сравнивали их с Рэсси и пытались представить — какой же он?

Профессор вспоминал, как Рэсси охранял животных от сонных стрелков.

Сергей не выдержал и, раскинув в стороны руки, закружил по комнате.

— Я пространствую в колючих кустах! — радостно объявил он. — За мной гонится сонный стрелок в «лягушке». Он поднимает ружьё. Ну командуй же, Электроник, командуй!

— Включи «глаз мухи»! — приказал Электроник. — Берегись! Планируй, Рэсси!

И Рэсси на двух длинных ногах, взмахнув крыльями, перепрыгнул стул и шлёпнулся на пол.

— Стрелок промахнулся! — торжествовал Рэсси. — Мой друг муха спасла меня… Но я уже пространствую в глубине. — Сыроежкин ползком залез под тахту. — Какая здесь темнота, я почти ничего не вижу… Даже разряжая электрических скатов, — добавил он, уколов спину о торчащий

гвоздь. — Вот из мрачного ущелья выползает какое-то чудовище. Оно извивается всем телом! Кто же это?

— Включи «глаз мечехвоста», — подсказывает Электроник. — Он чётко различает все контуры.

— Вижу. Это морской дракон, огромная змея…

Сергей замолчал: в океанскую глубину проникли печальные слова Громова:

«Рэсси пропал. Его не загрыз тигр, не расплющил слон, не сломала горилла. Однажды ночью его похитил неизвестный эмптометр…»

Сыроежкин, лёжа на полу, рассуждал:

— Убийство оленя, змеи, даже лягушонка — это всё равно убийство…

— Согласен, — подтвердил Электроник.

— Я только сейчас понял, — продолжал Сергей, — что такое пространствовать.

— Что?

— Это увидеть вовремя врага. Увидеть врага и предупредить друга!.. Не отвечает Рэсси?

— Не отвечает, — хрипло сказал Электроник.

«…Разумно управляя миром животных, мы не только сохраним все ценности природы, мы станем богаче, — заканчивал свою речь Громов. — Природа — великий художник, и человек, заимствуя её изобретения, построит новые ма-

шины и приборы, опустится в недоступные пока глубины океана и космоса…»

— Я — Рэсси, — объявил восьмиклассник, вышагивая на длинных ногах. — Я, машина-шагоход, иду по сыпучим пескам Марса…

Он плюхнулся на стул и, обхватив сиденье руками, запрыгал на деревянных ногах по комнате.

— Я чувствую, — возбуждённо говорил он, — каждую свою шагающую ногу. Как она увязает в песке и идёт снова.

— Подожди, — спокойно предупредил Электроник. — Это блестящая идея, но ты ничего не понял. Можно придумать любую машину — для песков, гор, ледовых торосов… Но сейчас, как сказал мой учитель, важно совсем другое: спасти всё живое, чтоб потом делать открытия.

— Эх, ты, — упрекнул Сыроежкин, — не смог оценить изобретение. А я-то всего-навсего хотел сказать: «Долой все колеса!» — И печально вздохнул: — Что, не отзывается Рэсси?

Электроник покачал головой.

Глава 24

— Алло, Астронавт, я только что проверил подводные маршруты в Атлантике. Сегодня у диспетчеров жаркий денёк: новое расписание, капитаны нервничают. Но всё в порядке, пока перерыв. Какие новости над нашей планетой, Аст? Приём.

— Привет, Командор. Давно ждал тебя. Тут ребята с Плутона, Юпитера и других станций бомбардируют, чтоб я узнал поточнее: что за любопытную пыльцу нашли на Земле? Приём.

— Пыльцу, Аст? Впервые слышу. Приём.

— Ха-ха, ну и заработался ты! Неужели страж лунных камней знает больше, чем землянин? Слушай же, Командор: где-то в горах откопали несколько сот атомов какого-то растения. Его нет ни в одном электронном каталоге. Что ты на это скажешь, землянин? Приём.

— Обижаешь, Аст. Я не простой землянин, я — глубинник. Новости к нам приходят иногда позже, чем к тебе. Приём.

— Вижу тебя, глубинник, извини за такую шутку. Вижу в иллюминаторе туманно-голубой шар. Вон синее пятно — твой океан, Командор.

Неужели ты на самом дне? Конечно, тебе среди подлодок, городов, грузопроводов не до пыльцы. Но это забавная история, Командор. Приём.

— Может, ты занёс со своёй Луны, Аст? Приём.

— Пока что не видел здесь никаких пальм — одни мёртвые скалы. Да и на Земле я не был уже три отпуска. Исключено, Командор. Выдвини какую-нибудь гипотезу поостроумнее, а я передам по команде ребятам. А то воют от космической скуки, как волки. Приём.

— Ладно, узнаю у аэродиспетчеров про твоё марсианское растение и растолкую тебе, что если занёс его на Землю не ты, то всё равно какой-нибудь ваш брат космонавт. Да, я давно хотел спросить тебя, Аст: ты слышал выступление профессора Громова? Приём.

— И видел, и слышал. А что, есть новая информация? Приём.

— Надеюсь, теперь мне не надо доказывать, что электронный пёс Рэсси существует? Помнишь, ты не верил, что он спас Нектона? Приём.

— Один ноль в твою пользу, Командор. Да и то: не существует, а существовал. Я так понял, что пса украли. Посмотрим, чем кончится наш спор о марсианской пыльце. Может, я отыграюсь. Приём.

— Эта история с собакой, честно говоря, не выходит у меня из головы, Аст. Нашлись какие-то мастодонты, чтоб прибрать к рукам чужое изобретение. Приём.

— И мне, Командор, жаль пса. Подумать только, какая-то железная штуковина, а на тебе — делает открытия! Приём.

— Ты знаешь, Аст, этих сонных стрелков вовремя схватили за руку. Профессор правильно сказал, что могла случиться цепная реакция: уничтожение животного мира. Представляешь — пустынная планета?.. Это бы коснулось океана, космоса и нас с тобой, Аст. Приём.

— Ну, ты перехватил, Командор. Земля изменяется на наших глазах. Леса, травы, звери, птицы… Впрочем, это дело учёных. Но при чём здесь я и ты, Командор? Глубинники бесконечно далеки от земли. Приём.

— Ты не прав, старина Астронавт! Ты не оценил значения новой теории Громова. Извини, разговор продолжим позже: меня снова требует Атлантика. Отбой!

…Гель Иванович Громов, просматривая газету, обратил внимание на заметку в разделе «Происшествия под водой».

«Подводные похитители», — гласило броское

название, и профессор хотел было отложить газету, но что-то задержало его внимание. Он начал читать с середины.

«…Как известно, одна восьмая золота и серебра, накопленных человечеством, покоится на дне Мирового океана. Если учесть, что до недавнего времени на протяжении сотен лет в штормах и бурях гибло ежегодно более двух тысяч судов, то океанское дно буквально усеяно морскими кладами».

— Поверить репортёру, — пробормотал Громов, — так надо, не раздумывая, опуститься на дно морское.

«Один из таких кораблей — «Санта-Мария», принадлежавший генуэзскому купцу, затонувший более пяти веков назад, был найден археологической экспедицией. Почти месяц корабль, занесённый илом до верхушек мачт, очищали от осадочных пород. Ценные для историков экспонаты — оружие, предметы быта, чудом сохранившийся бортовой журнал — археологи поместили в изоляционные камеры. Младший научный сотрудник И. И. Слепнев проник в трюмы «Санта-Марии» и среди остатков разложившегося груза обнаружил железные ящики. Вскрыв один из них, учёный увидел, что

он наполнен золотыми монетами…»

— И любят же газетчики всяческие неожиданности, — усмехнулся Гель Иванович.

«Когда на другой день экспедиция вернулась за кладом, ящики были пустые…»

Гель Иванович вскочил, скомкал газету, сунул её в карман.

— Какая-то чепуха! Обыкновенное подводное грабительство под рубрикой «Происшествия», — возбуждённо сказал он. — Но почему я думаю о Рэсси? Что за чушь!.. Теперь в любом загадочном событии мне будет чудиться пропавший Рэсси… Надо успокоиться, уважаемый Гель Иванович, — обратился он к самому себе, — и… и… где же газета? Где статья? Право же, какое-то наказание…

Обыскав всю комнату и найдя газету в собственном кармане, профессор стал читать дальше:

«Работники морской инспекции, прибывшие на место происшествия, осмотрели трюм затонувшего корабля, взяли пробы воды. Установлено, что проржавевшие замки на ящиках открыты ключом особой формы. Слабый след в воде, проанализированный «электронным носом», к сожалению, не выявил примет похитителей, а ведь известно, что новейшая машина «элек-

тронный нос» определяет по запаху примерный возраст, профессию, район жительства лица, совершившего преступление. В картотеке морской инспекции не оказалось сходного запаха. Кроме того, контрольные пробы воды, взятые возле затонувшего судна и в его трюме, показали, что похититель пользовался реактивным двигателем. Из всех средств передвижения подобного рода ни одно не могло бы проникнуть в тесный корабельный трюм «Санта-Марии»...»

— Он, — твёрдо сказал Громов. — Теперь я точно чувствую, что это Рэсси!..

Гель Иванович сидел, обхватив голову руками. Маленький Рэсси — отличный пловец, только он мог оставить в трюме след реактивного двигателя. Профессор вскочил, зашагал по комнате.

— Если определить мышление как присущее одному человеку качество, то создание мыслящей машины невозможно. — Он остановился, рассмеялся. — Но ведь она есть! Я сам опроверг этот бредовый тезис! И кто, хотел бы я знать, может указать предел совершенства машины?!

Громов достал из кармана трубку, закурил.

«Может, волнения напрасны и подозрения глупы, — успокаивал себя профессор. И тут же вспомнил: — Но ведь моя машина неуловима. И

для неё никто не придумал никаких Запрещающих Теорем!»

О Запрещающих Теоремах, которые могут остановить не только Рэсси, но и любую электронную машину, Громов старался больше не думать: эти мысли профессор считал опасными для будущего человечества. Но всплыла в памяти строка из газеты: «Одна восьмая мировых запасов золота и серебра».

Громов покачал головой: «Что за странная фантазия? Ну, я понимаю: поиски редких лекарственных водорослей, которые помогут излечить неизлечимые пока болезни. Открытие залежей марганца, никеля, урана на океанском дне. Наконец, если кто-то хочет срочно обогатиться, сбор алмазов на материковых отмелях Юго-Западной Африки. Их там сколько угодно в песке — алмазов в четверть карата, хоть сейчас в бурильную установку, а то и в ювелирный магазин… Но затонувшие корабли с кладами — какое ничтожное, примитивное использование новейшей машины!..»

Гель Иванович представил лохматую мордочку своего Рэсси и усмехнулся.

«Наверное, я переутомился, — решил профессор. — Все эти погони, путешествия, изобретения

не для моего возраста. Какая «гениальная» гипотеза: Рэсси — кладолаз! Когда я его создавал, то как будто был в здравом уме и не программировал грабительства… Да в этой газетной заметке всего один достоверный, подтверждённый наукой факт: корабль «Санта-Мария» родом из того же города, что и Христофор Колумб. А все остальные гипотезы требуют тщательной проверки!..»

Громов стал рисовать схемы Рэсси, заглядывая в газетную заметку. Потом он взял телефонную трубку, набрал на диске номер:

— Алло, глубинники? Говорит профессор Громов. Прошу соединить меня с диспетчером Океана. Скажите, пожалуйста, Командору, что у меня важное сообщение…

Каждые полчаса океан затихал. Подводные радиолинии, по которым летели голоса капитанов, связистов, учёных, всех плывущих и странствующих на разных глубинах, три минуты безмолвствовали: служба спасения чутко слушала, не прозвучит ли в глубине сигнал SOS. Пожалуй, это была скорее традиция, чем необходимость: с тех пор как суда опустились под воду, тревожные призывы звучали очень редко — когда вспыхивал пожар, отказывали двигатели или корабль не вернулся в порт. И пустые секунды

эфира воспринимались как молчаливая память о миллионах погибших в море, о тех, кто своей жизнью тысячи лет платил дань стихии. Лишь изредка тишину трёх минут нарушал слабый писк. Прислушиваясь, спасатели махали рукой: это были всего лишь дельфины и киты, носившие в себе микропередатчики.

Одна из таких «стихийных точек», на которую радисты и спасатели не обращали внимания, двигалась по определённому маршруту. Если бы кто-то присмотрелся к карте её жизни, он отметил бы полное совпадение с картой погибших кораблей. Причём не всех сохранившихся в памяти человечества кораблей, а лишь тех, о которых в исторических хрониках и морских справочниках сказано, что они везли ценный груз.

Это был Рэсси. Впрочем, уже не Рэсси, а Индекс — так кодировалась новая механическая система в памяти круговской машины. Рэсси-Индекс, бесценный подводный разведчик, был гордостью фон Круга: чуткий, быстрый, он мгновенно откликался из глубины. Одетый в упругую дельфинью кожу под космами шерсти, он мог соперничать с любой подлодкой, с любым морским роботом. Вслед за Рэсси по волнам плыла обычная морская яхта, каких в океане тысячи и тысячи. Только

прочитав её название — «Альбатрос», можно было установить по специальному каталогу, что «Альбатрос» принадлежит фирме «Пеликан».

Внешне Рэсси ничуть не изменился — такой же лохматый, с распущенным хвостом, чуть раздутый, похожий на маленького кита. Но пловец Индекс уже не был тем любопытным, храбрым Рэсси, который когда-то спасал синего кита вместе с дельфином Белобочкой. Встреть Индекс в морских глубинах Белобочку, он равнодушно проплыл бы мимо. Индекс слушался только новых хозяев: яхту «Альбатрос», фон Круга, его машину. Впрочем, своё прежнее имя Индекс тоже не помнил.

Одинокий пловец был спринтером глубин. Когда Рэсси набирал скорость, его дельфинья водоотталкивающая кожа позволяла легко скользить в струях воды. Все звуки моря интересовали его не больше, чем делового человека — разговоры дрессированного попугая. В скрежете, треске, писке, щёлканье и болтовне рыбьих стай, в гуле морского прибоя и монотонном шорохе подводных течений он выделял лишь шум кораблей, которых опасался. Кильватерный след в воде сохранялся долгое время, и Рэсси старался обходить стороной морские дороги кораблей. Он

пользовался иногда путями кашалотов, которые преследовали кальмаров и глубинных рыб, и эти пустынные морские «охотничьи тропы» вели Рэсси к цели.

В одном из течений он натолкнулся на запах синего кита. В памяти промелькнул какой-то знакомый образ и пропал. Быстрые струи подхватили Рэсси, и одинокие путешественники — Нектон и его бывший спаситель — так и не встретились.

Два корабля, как огромные, зарывшиеся в ил рыбины, покоились на дне, — к ним и спешил Рэсси. Несколько веков назад в бурном море разыгралась обычная трагедия: корвет, доставлявший колониальное золото, был встречен корсарами, разбит и потоплен; буря, захватившая в пути грабителей, пригнала корабль разбойников на то же место, швырнула на камень, торчавший из волн. Они лежали на боку в полумиле друг от друга — два давних противника, и мир забыл о них, лишь несколько строк сохранили старые рукописи.

Приблизившись к кораблям, Индекс послал условный радиосигнал яхте «Альбатрос» и, выпустив стальной бур, стал с лёгкостью разрушать гнилое дерево. И хотя Индекс видел под водой,

он включил поисковый луч лазера, чтоб работать наверняка в корабельном трюме. Узкий пучок света привлёк каких-то странных существ. Сплющенные, извивающиеся тела двинулись к разведчику, и он кликнул на помощь акул.

Африты — злые духи моря, как называют их подводники, — явились немедленно и принялись уничтожать сплющенных тварей. Стая акул, отмеченных радиопулями, сопровождала Индекса по пятам; когда ему кто-то мешал, он призывал своих сторожей. Они подчинялись сигналам Индекса, и всё живое, завидев дерзкие длинные тени, бросалось врассыпную.

Вслед за акулами подводный кладолаз вызвал дельфинов, круживших над затонувшими кораблями. Дельфины были отличными грузчиками: они доставляли на яхту мешки с драгоценным грузом. Эти хитроумные мешки, которые приносил на дно один из дельфинов, ловко всасывали в себя золото вместе с морской водой, и Рэсси зорко следил, чтоб воды было меньше золота.

Иногда его отвлекал от работы пронзительный свист дельфина. Рэсси оставлял мешки и плыл к гонцу, на которого нападала ретивая акула. Зарвавшийся сторож получал электрический удар и, извиваясь, опускался на дно, а потом, если его не успели разорвать другие африты, плавал как ни в чём не бывало. Рэсси, найдя брошенный мешок, кратко свистел потерпевшему дельфину: «Плыви!» И тот плыл к яхте.

Когда трюмы опустели, Рэсси покинул корабль. За ним послушно двинулись африты. На пустынной морской поверхности, где давно уже не ходили корабли, вслед за подводным кладолазом, рассекая волны острым носом, шла яхта «Альбатрос». За яхтой следовала послушная дельфинья стая.

Глава 25

Вскоре после появления заметки о таинственной пропаже груза «Санта-Марии» разведчика кладов стали сопровождать преследователи.

Сначала это был подводный дирижабль с крутящимся под брюхом винтом. Гул винта учуяли уши Рэсси, когда он подпиливал твёрдое дерево древней галеры. Оставив находку, кладолаз подплыл к дирижаблю, покружил перед тупым его носом и бросился наутёк. Он прекрасно различал рельеф дна и направился к широкой расщелине в скале, зная, что после ближайшего поворота она внезапно сужается. Лохматый пловец махал хвостом-плавником перед иллюминатором дирижабля, позволял себя фотографировать и изучать — он был уверен в своей неуловимости. У поворота Рэсси проплыл быстрее, заметив, что неуклюжее серебристое тело тоже увеличило скорость. Поворот — и дирижабль наскочил на камни. Командир дирижабля, вызывая техническую службу, провожал Рэсси завистливым взглядом: если бы он так знал рельеф океанского дна!..

Через несколько дней появилась подлодка,

похожая на акулу. От этой остроносой посудины Рэсси спасла бешеная скорость меч-рыбы: ни один большой корабль не умел плавать так быстро, как механический Рэсси и живая меч-рыба, способности которой передал ему когда-то профессор Громов. Этим способностям позавидовал командир подлодки.

В морском состязании Рэсси на время потерял своих спутников. Удалившись на безопасное расстояние от преследователей, он связался с яхтой и, осторожно кружа, приблизился к ней.

На карте путешествий Рэсси была морская впадина с кладбищем кораблей. Сотни лет назад моряки прозвали это место Мысом — из-за коварной скалы, выступавшей из воды: здесь всегда свирепствовали штормы. Те, кого победил Мыс, покоились на дне. Мачты и трубы, заросшие водорослями, облепленные ракушками, торчали из песчаных дюн.

Спускаясь на глубину, Рэсси обычно чуть-чуть раздувался, становился похожим на толстого китёнка. Даже там, где стальную подлодку могла сплющить тяжесть воды, Рэсси плыл спокойно, как брошенное на дно яйцо: его дельфинья шкура, подобно яичной скорлупе, понемножку пропускала воду, уравновешивая разницу давле-

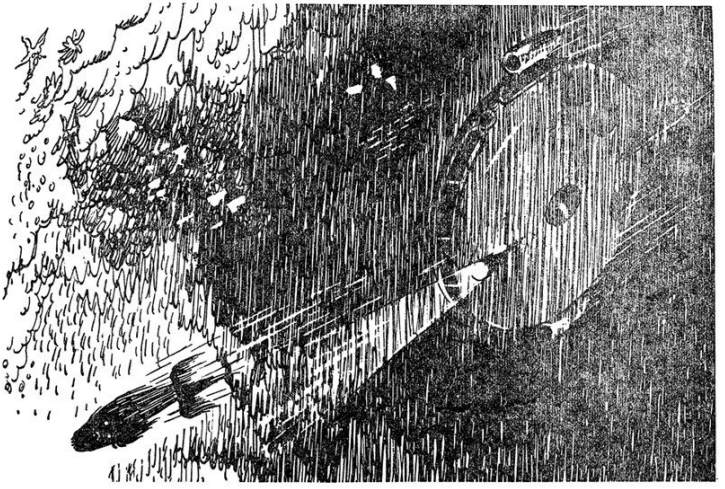
ний. Здесь надо было работать особенно чётко, потому что гонцы-дельфины не могли долго задерживаться на глубине.

Кладолаз, разгребая песок, залез в древний корабль, но не нашёл ничего нужного для себя, вернее, для своих хозяев. Потом он проник в пароход и, осмотрев каюты, коридоры, палубы, выбрался наружу через трубу.

В зелёном сумраке высоко над собой Рэсси увидел нового преследователя. Прилепившись присосками к отвесной скале, над затонувшим пароходом висел плоский диск. И хотя Рэсси находился значительно ниже, в непроглядно-чёрной глубине, он, ощупав диск сигналами, установил, что выпуклые глаза иллюминаторов, экраны и чувствительная электроника спокойно различают его силуэт среди кораблей. Рэсси мгновенно представил схему дна океана, разделив её двумя линиями — своей жизни и смерти. Так обучал его когда-то Громов: в поединке с электронной машиной Рэсси всегда воссоздавал в памяти образец задания, и чёткие линии жизни и смерти были границей его действий.

На этот раз они пролегали слишком близко, как ни хитрил Рэсси. Плоский диск, вращаясь, опускался за ним в глубину, катил на ребре по

узкой расщелине, стремительно скользил в плотных слоях воды, ни на минуту не теряя из виду пловца. Казалось, диск предугадывает действия Рэсси-Индекса, заранее рассчитав его и свою линии жизни. И в этой бесшумной дуэли две линии внутри механизмов Рэсси постепенно сближались, стремясь перечеркнуть одна другую.



Он выбрал единственно правильное решение: помчался к солнечному свету, в прозрачные воды, и, разрезая носом волну, предельно набирая скорость, выпустил из спины и развернул серебристые крылья. В тот момент, когда Рэсси взлетел над волнами и, изменив направление, подобно колибри «синяя борода», устремился ввысь хвостом вперёд, его электрическая память зафиксировала полную победу: внутри схем две линии, задрожав, резко разъединились, и сверкающая струя жизни вынесла Рэсси в солнечное небо.

А в крутящемся диске, блеснувшем далеко внизу, командир удивлённо воскликнул: «Вот это игрок!..»

Но Рэсси не слышал восхищённого возгласа. Он летел над океаном, искал своих партнёров…

Только теперь, когда быстроходный пловец неожиданно взлетел и тем спас себя, командир подводного диска оценил по достоинству конструкцию профессора Громова. Что это был исчезнувший Рэсси, он не сомневался: Громов, получив от диспетчера Океана фотографии, сразу признал подводного кладолаза. Командир знал также, что Рэсси — неуловимая машина и обладает свободой действий. Но, пускаясь в погоню за Рэсси, командир не мог себе представить, что

он не только не застигнет кладолаза на месте преступления, но даже не сумеет его догнать в быстроходном диске. А без точных улик диспетчер Океана не имел права задержать морскую яхту «Альбатрос», сопровождавшую Рэсси.

Командир подводного диска сердился на новых владельцев Рэсси: «Испортить такую машину, пустить её разыскивать затопленные сокровища… Мы тут бродим по дну морскому, изучаем океан… И вдруг какой-то лохматый Рэсси показывает, что можно обойтись на глубине без подлодок, дисков, скафандров. Значит, этот точный, бесстрашный пловец способен помочь глубинникам…»

…Диск неустанно следовал за Рэсси. Бесшумное круглое привидение катило за пловцом из моря в море. Рэсси приходилось часто включать аварийное управление, чтобы успеть выполнить задание и вовремя ускользнуть от преследователя. Любая машина с минуты рождения обречена на смерть: со временем она изнашивается. Рэсси никогда не решал задач о своём будущем: наоборот, сталкиваясь с трудностями, он работал изо всех сил. Его обострённые чувства были подчинены заданной цели: найти очередной затонувший корабль и избежать опасности.

В этой сумасшедшей гонке отстали от яхты

дельфины и акулы. Индекс сам доставлял на «Альбатрос» полные мешки. Капитан чертыхался и клял глубинную бестию, заставлявшую его мотаться по океану, но покорно следовал за Индексом, выполняя приказ фон Круга. Возле капитана маячила квадратная фигура Мика Урри.

Доктор фон Круг, изучая информацию своей вычислительной машины, рисуя на карте маршруты Индекса, догадывался, что за Индексом кто-то охотится; однако смелые действия модели доставляли доктору большое удовлетворение, потому что Индекс ускользал от преследователей и, как и предполагалось, приносил ему реальные доходы со дна морского.

«Как это я раньше не увидел, что машина гениальна! — размышлял фон Круг. — Теперь я могу сказать вслух: по своим способностям модель превзошла творца!..»

А творец Рэсси тоже изучал данные наблюдений, которые передавал командир плоского диска, и покачивал головой. Казалось, он удивлён хитростью кладолаза.

«Одна восьмая золотого запаса человечества, — вспоминал, морщась, Громов. — Сколько ещё осталось? Сколько у меня времени? И что будет потом, когда истощатся подводные клады? Мо-

жет быть, я наделил Рэсси слишком большой самостоятельностью?»

Профессор был очень расстроен: не таким представлял он будущее Рэсси. А теперь, когда Рэсси попал к фон Кругу, он просто становился опасным. Как бывает опасен для общества очень ловкий разбойник. И вот он, творец Рэсси, должен придумать для своего изобретения ограничители — Запрещающие Теоремы…

Есть учёные, которые доказывают то, чего не может и не должно быть в природе. Это важные для науки работы; они предупреждают: по такому-то пути идти нельзя, там — тупик. Но эти учёные не составляют Запрещающие Теоремы.

Запрещающие Теоремы предназначены для действующих машин. Они прекращают жизнь любого опасного механизма, и придумывает их тот учёный, который знает, как устроен взбунтовавшийся механизм.

Это была мучительная работа. В строках обычных уравнений, которые ежедневно писал на листах бумаги Громов, таилась немая угроза. И не только для Рэсси. Если досконально разработать Запрещающие Теоремы, то можно остановить все в мире машины. Профессор прекрасно понимал, какие рискованные расчёты делал. Но он

надеялся спасти Рэсси, не разрушая его.

…Диспетчера Космоса срочно вызывал диспетчер Океана. Остались включёнными морские трассы и города, космодромы и орбитальные станции. Четыре океана, ближний и дальний космос слушали краткий диалог. Капитаны, космонавты, смотрители морей и планет понимали: раз один диспетчер просит совета другого, значит, кому-то требуется срочная помощь.

— Астронавт, извини, всего несколько секунд. Нужен совет. Приём.

— Понял тебя, Командор. Слушаю. Приём.

— Аст, скажи, что вы делаете, когда обрывается лаг, космонавт теряет связь с кораблём, улетает в открытый космос и надо его поймать?

Несколько секунд молчания.

— Рассчитать орбиту полёта. Догнать потерпевшего аварию. Подхватить на лету… Ни в коем случае — во встречном полёте: разобьётся. Приём.

— Спасибо, Астронавт. Отбой!

Все, кто слышал краткий диалог, понимали, что речь идёт о спасении чьей-то жизни.

И никто не догадался, что Командор выручает из беды редкую машину.

Глава 26

— Сыроежкин, что ты так смотришь на меня? — Таратар, открыв журнал, выбирал, кого бы вызвать к доске. — Ты хочешь что-то сказать? — спросил математик Сергея.

Сыроежкин едва заметно кивнул головой.

— Хорошо, сегодня я тебя не спрошу. О геометрии Вселенной расскажет нам Виктор Смирнов.

Серёжка с гордостью оглянулся на товарищей. Опыт удался! Он мысленно внушил Таратару, чтоб тот не вызывал его к доске!

Никто в классе пока не знал о новых экспериментах Сыроежкина. Мысленное внушение не требовало никаких слов. Сергей с утра не раскрывал ещё рта. Зато от него исходили невидимые волны.

Для Макара Гусева, сидевшего впереди, Сергей выбрал опыт попроще.

«Гусак, дотронься до головы, — твердил он про себя, сверля взглядом широченную спину Макара. — Ну!»

Макар почесал пятернёй затылок, обернулся к Сыроежкину, зевая, проговорил:

— Голова что-то трещит. Мыслей много, даже

ко сну тянет. Сколько там до звонка, Сыроега?

Сергей, взглянув на часы, пять раз махнул рукой.

— Ты что, онемел? — глухим шёпотом пробасил Макар. — Подскажи, если меня спросят.

Сыроежкин молча рассмеялся.

«Ха-ха, мыслей, говоришь, много. Это я тебе велел почесаться. Проверим ещё раз. — И он уставился на Вовку Королькова. — Чихни-ка, Профессор».

Профессор чихнул, не отрываясь от тетради, в которой рисовал какие-то символы.

Теперь Сыроежкин сосредоточил всё внимание на Электронике. Это было очень важно. Он собирал свою волю, чтоб управлять не каким-то Макаром или Вовкой, а машинами. Он, один только он научился после долгих тренировок концентрировать волю. Электроник — слабак в этих вопросах и несчастный отличник, всё делает одинаково хорошо. Иногда он, правда, приплясывает и напевает своё «бали-бали», отвлекаясь таким образом от неразрешимых для него вопросов. Ну да ладно, лишь бы не перегорел!

Электроник словно почувствовал сверлящий взгляд друга, поднял голову. По едва заметному движению губ Сыроежкина он прочитал без-

молвный приказ: «Скажи что-нибудь умное…»

В эту минуту у доски мямлил Витька Смирнов, запутавшись в геометрии Вселенной. Электроник поднял руку.

— Мой ассистент хочет поправить отвечающего? — спросил Таратар.

— Да. — Электроник встал. — Как известно, — скрипуче сказал он, — не удар яблоком по голове заставил Ньютона догадаться о тяготении тел, а математически изученные им закономерности движения планет.

— Намёк ясен? — спросил математик Смирнова, пряча улыбку в усы. — Надеюсь, ты разовьёшь свою мысль, Электроник.

Ассистент учителя скрипучим голосом стал говорить о разных моделях Вселенной, и ребята в классе притихли, представляя, как они попадают в странные миры, а Сыроежкин тем временем не слушал Электроника: он концентрировал всю свою волю. Настала решающая минута его опыта: молнией своей мысли он был готов пробиться к далёкому Рэсси…

«Рэсси, это я. Отвечай!» Луч его взгляда-мысли проник сквозь школьные стены, улетел во Вселенную, неся приказ пропавшему Рэсси.

И хотя от сильного напряжения в глазах изоб-

ретателя плыли огненные круги, он решил проверить управление на расстоянии. Остаток энергии можно было истратить на Электроника.

«А теперь скажи какую-нибудь глупость», — потребовал про себя Сыроежкин. Губы его чуть заметно зашевелились, и Электроник мгновенно угадал команду и умолк, запнувшись на полуслове.

— Ты не закончил свой рассказ, — сказал Таратар всезнающему ассистенту.

Электроник молчал, вытянувшись у доски. Таратар подошёл к нему, тронул за плечо. Электроник словно окаменел.

Вдруг ассистент хрипло и внятно сказал, глядя в лицо учителю:

— Созови всех дельфинов, китов, акул…

— Каких… акул? — удивился Таратар.

Сыроежкин вскочил:

— Это не вам!.. Он говорит Рэсси!..

Сергей даже покраснел: неужели Рэсси его услышал, неужели он отозвался?

И, подтверждая «всемирное открытие» Сыроежкина, Электроник внятно произнёс:

— Спасайся с ними, Рэсси! Ты слышишь меня, Рэсси?

Ребята подбежали к доске, окружили Электро-

ника:

— Рэсси? Где он? Неужели нашёлся?!

Стёкла очков Таратара победно сверкали; он не сердился за сорванный урок.

А Электроник стоял как вкопанный. Он совсем не радовался, что отозвался Рэсси. Он как будто даже побледнел.

— Что я наделал… — хрипло сказал Электроник. — Кажется, я погубил Рэсси. Он опять не отвечает…

Командир плоского диска, следуя за Рэсси, рассчитал, что кладолаз плывёт в древний город. Оба они — преследователь и беглец — как будто привыкли друг к другу, но командир всякий раз удивлялся изобретательности механического пловца. Цена подобной игры равна особой величине — плате, когда один напрягает все силы, чтобы настичь жертву, а жертва, угадывая каждое движение преследователя, разрушает все его хитроумные планы.

В подводной охоте выигрывал пока кладолаз, и трудно сказать, кто в ней считался жертвой. Не раз вспоминал командир слова профессора Громова, которые ему передали в одном разговоре: «Учтите, если от моего Рэсси останется одна нога, то и она будет двигаться…» Пожалуй, лучше не

скажешь о неутомимости и целеустремлённости пловца.

Затопленный морем город нашли недавно. Археологи ещё не делали там раскопок: для этого требовались слишком прочные скафандры. Но и беглый осмотр свидетельствовал, что несколько тысячелетий назад это был богатый торговый город. Дома, площади, улицы поглотил сыпучий песок. Лучше всего сохранился храм, сложенный из огромных каменных глыб, — их не поколебало сильное землетрясение, разрушившее город, обратившее берег в морское дно. Фотография древнего, заросшего водорослями храма промелькнула в газетах после открытия города, и подпись гласила: «Храм бога солнца».

Что влекло проворного кладолаза в древний город? Во всяком случае не амфоры с вином и благовониями, не оружие и не утварь, не затейливая лепка портовых колонн. Наверное, и не трюмы судов, покоившихся на дне бывшей гавани. Может быть, редчайший рубин, который, как свидетельствует хроника, украшал одного из богов солнца?.. Так гадал про себя командир подлодки-диска.

Командир завидовал Рэсси: маленький ловкий пловец мог бурить дно, легко находить предметы,

которые вызовут добрую зависть любого историка. Говорят, что жители этого города делали статуэтки особой красоты, рисовали фантастические корабли и огромные многоэтажные дома — они словно угадывали далёкое будущее. Но ведь диск не вкатишь внутрь храма!

А вот Рэсси…

Командир наблюдал, как кладолаз скользнул мимо колонн и потом зарылся в песок: он пробирался в храм.

Бог солнца, как и тысячи лет назад, сидел на своём троне, вознесённый под своды. Когда-то белое, а теперь позеленевшее мраморное лицо было непроницаемо. Глаза под полуопущенными веками смотрели устало. Руки покоились на коленях, между большим и указательным пальцами божественной руки жил осьминог — он скользнул в своё укрытие, едва Рэсси появился в зале.

В изогнутых лучах солнечной короны зеленел большой рубин. Собирая скупой свет, проникавший через потайной люк в крыше, рубин мерцал зелёными искрами; знаменитый красный камень, знак пламени небес, изменил свой цвет в подводном мире.

Рэсси спокойно поплыл к статуе.

Не содрогнулось океанское дно, не шевель-

нулся осквернённый бог солнца, когда Рэсси прикоснулся к камню. Лишь у полуоткрытой двери взметнулось мутное облачко ила, и Рэсси понял, что оказался в каменном мешке: сзади него был диск, разметавший песок. Корабль не мог проникнуть в храм, но иллюминатор следил за кладолазом. Он наверняка видел гигантскую статую, золотой венок и большой зелёный камень — лучшее украшение «небесной короны»...

Рэсси, скользя под сводами, неожиданно нащупал щель между складками одежды статуи. Узкий лаз вывел его из каменной ловушки. Вокруг снова было море.

Чуткие уши уловили гул двигателя диска и ещё одного незнакомого корабля — подлодки. Они были слишком близко. Рэсси рассчитал: куда он теперь ни поплывёт, ему не уйти от подлодки и диска. Две условные линии в его схемах — линии жизни и смерти — впервые сливались в одну.

Аварийный механизм, включившись автоматически внутри Рэсси, непрерывно бил тревогу. SOS одинокого разведчика приняли на «Альбатросе» и радировали ему: «Плыви к нам». Рэсси устремился к яхте. Он принял по пути ещё один ответный сигнал, слабый и далёкий, передал подробности обстановки; обмен информацией

продолжался всего несколько секунд.

За тысячи километров от подводного древнего города, в школе юных кибернетиков, в тот же момент был сорван урок математики. Стоявший у доски Электроник услышал сигнал бедствия, мгновенно отозвался на призыв, точно оценил опасность. Рэсси получил совет: «Созови всех дельфинов, китов, акул. Спасайся с ними, Рэсси!» Так сказал Электроник, глядя в лицо учителя, вместо слов о строении Вселенной. И хотя Электроник знал от Громова, что преследователи совсем не враги Рэсси, что, пытаясь поймать пловца, они спасают редкую машину, он не мог поступить иначе: в радостное мгновение, когда откликнулся Рэсси, даже лучший в мире математик забыл всё на свете, старался лишь выручить друга. Учитель не сердился на Электроника: он тоже был рад, что Рэсси наконец-то откликнулся. А через минуту Электроник уже ругал себя за поспешный ответ и каялся, что погубил Рэсси. Но Рэсси больше не отзывался на призывы Электроника…

Вынырнув на поверхность, Рэсси увидел, что «Альбатрос» полным ходом удаляется от него.

Пловец не последовал за яхтой: он знал, что «Альбатросу» не уйти от двух быстроходных

кораблей.

Судьба яхты была решена, но морской поединок на этом не кончился. Дельфины и акулы внезапно всплыли из глубины и, обгоняя корабли, устремились с разных сторон к одинокому Рэсси.

Никогда ещё капитаны не видели такого странного морского стада. Плотным косяком в виде фантастической рыбины, спрятав в центре лохматого беглеца, акулы и дельфины двинулись навстречу остроносой подлодке.

Подлодка дрогнула, затормозила, пропуская стадо. И тотчас к «Альбатросу» подлетел подводный диск, требуя заглушить мотор, лечь в дрейф. Но прежде чем подняться на борт яхты, командир диска связался по радио с диспетчером Океана и признался, что Рэсси вновь ускользнул…

Некоторое время Рэсси плыл среди неожиданных спасителей, а потом отрывистым сигналом распустил свой эскорт и ринулся в глубину. Самое важное теперь — уплыть из этих вод, запутать свой след, найти быстрое течение, размывающее все запахи.

Рэсси не беспокоил маленький катер, безмолвно повисший сзади. Рэсси надеялся на свою скорость.

В Мировом океане есть только одно судно, об-

гоняющее стайера моря меч-рыбу. Даже не судно, а катер — вытянутый стрелой, с плавным горбом рубки — быстроходнейший катер диспетчера глубин Командора. Очень редко Командор отрывается от главных обязанностей и запускает свой катер: когда взрывается на какой-нибудь подлодке атомный котёл, когда происходит авария на нефтепромыслах, когда надо доставить в больницу тяжелобольного.

Катер диспетчера следовал за Рэсси. Командор по просьбе профессора Громова решил сам вмешаться в погоню за быстрым пловцом. Но он не пускал пока катер на полный ход, любуясь состязанием сильных машин.

«На пользу или на погибель себе изобрели люди машины? — рассуждал Командор, управлявший катером. — Если судить о мышлении по поведению машины, оно неотличимо от человеческого. Что бы я делал на месте этого хвостатого пловца, невольно попавшего в подчинение фон Круга? Удирал бы со всех ног, точнее, со всех движителей. И молодец этот Рэсси: призвал на помощь целое стадо спасателей. Нет, нельзя отдавать в чужие руки такое изобретение! А ну, вперёд, Рэсси! Держись и не вешай свой хвост!»

Командор включил прожектор. В луче света

мелькнул удиравший пловец.

Катер постепенно настигал Рэсси, отчаянно работавшего хвостом…

«Верно говорил Астронавт: скорость такая, что, попадись на пути неосторожная рыба, взорвётся, как граната… — подумал Командор. — Дельный совет дал мне диспетчер Космоса! Если бы я двигался наперерез беглецу — а так легче его поймать, — при этой скорости я сломал бы Рэсси».

Этот момент Рэсси запомнил навсегда: он перестал быть неуловимым.

Из корпуса катера выползла механическая рука, протянулась к нему. Пальцы с натянутой сеткой медленно сжались.

Притихший пленник решал про себя задачу: как вырваться на свободу, если противник быстрее тебя.

Рэсси не знал, что плен и есть его свобода.

…Нет более торжественного момента в жизни морского путешественника, чем та минута, когда он выходит из здания морского вокзала и ищет взглядом свой корабль. Три спутника с интересом оглядывают порт. Профессор Громов, Электроник и Сыроежкин прилетели в приморский город, чтобы продолжить своё путешествие на подводном судне. Это не простая морская прогулка.

Сегодня очень важный день: Громов и его помощники едут за Рэсси.

В сине-зелёном просторе покачиваются подводные суда, в которых угадываются знакомые очертания вечных жителей океана, и профессор объясняет мальчикам: вот корабль-дельфин, корабль-парусник, корабль-кальмар… Мраморные ступени ведут к причалу, где стоит, принимая пассажиров, большой лайнер «Белый кит». Внутри него — как в самолёте: круглые иллюминаторы, ряды зачехлённых кресел.

Мягко захлопываются дверцы. Прогудев на прощание, корабль-кит уходит из порта, рассекая мощной головой волну, и незаметно для пассажиров опускается в безопасные глубины. Теперь он всплывёт где-нибудь очень далеко — возможно, в другом океане, в другом полушарии планеты…

Океанский лайнер-кит заходит по пути в подводный город. Туда и плывут профессор и мальчики-«близнецы», чьё удивительное сходство вызвало весёлое оживление пассажиров. Громов что-то пишет в блокноте. Электронику досталось место возле самого иллюминатора, как новичку глубин. А Сыроежкин, сидя между ними, вертится в удобном кресле, вспоминая свои морские приключения.

В выпуклое стекло, прямо на Электроника и Сергея, глядят акульи морды; мелькают в иллюминаторе флаги хвостов и крылья плавников; зелёным сиянием светятся таинственные жители глубин. Все они отстают от быстроходного корабля, лишь какая-то пятнистая рыбина, выпучив глаза на яркий свет, долго плывёт рядом. Сыроежкин чувствует себя «морским волком»: он видел всё это на дне морском.

Сегодня Сергей болтлив:

— Ты не встречался, Электроник, нос к носу с акулой?

— Нет.

— А я чуть не прокатился на акуле. Нисколько не страшно!

— Акулы бывают разные, — спокойно отвечает Электроник. — Песчаная, тигровая, китовая, кошачья, белая, голубая, сельдевая…

— Молодец, всё знаешь!.. Теперь скажи мне: кто лучший спринтер моря?

— Катер диспетчера Океана. Он догнал Рэсси.

— Верно. Катер диспетчера быстрее меч-рыбы. А скорость в море — это свобода! Вот Рэсси знает…

— Рэсси ещё не свободен, — говорит Электроник. — Что-то мешает ему быть прежним Рэсси.

Хотя он от нас близко, всё равно не откликается.

Электроник про себя вызывает Рэсси, и Сыроежкин умолкает. Потом шепчет в карман, где лежит транзистор: «Эй, Рэсси. Мы плывём к тебе… Слышишь?»

— Почему он молчит? — думает Сергей вслух. — Скажите, Гель Иванович, а Рэсси всё такой же?

Профессор поднимает голову, рассеянно смотрит на мальчика, кивает:

— Внешне такой же. А вот что у него на уме — посмотрим.

— Гель Иванович, а вы пишете не тем концом карандаша.

— Ах, да… — Громов кивает, рассеянно смотрит на пустые листы и, перевернув карандаш, снова углубляется в записи. — Спасибо, что подсказал.

Сыроежкин заглядывает в профессорский блокнот. Но он ничего не понимает в строках формул. Может быть, Громов придумывает новую машину, более сложную, чем Рэсси? Рэсси уже сделал мировое открытие, скоро он будет с ними. А наука движется вперёд…

— Гель Иванович, а ваша будущая модель тоже будет иметь новое «И так далее»?

— Какая модель?

— Ну, которую вы сейчас изобретаете.

— Ах вот что!.. Это совсем другая работа, Серёжа. — Профессор смущённо закрыл блокнот. Он не хотел никому говорить о своих Запрещающих Теоремах. Он приготовил их на крайний случай: быть может, мир обойдётся и без лишних запретов. — Давайте обсудим, друзья, как нам вести себя с Рэсси…

Корабль приближался к подводному городу. Во всю стену обзорного иллюминатора — прозрачный купол.

Медленно проступают сквозь призму воды фантастические здания.

Громов, показывая на экран, объяснил маленьким спутникам, что все эти подводные сооружения были сначала «открыты» под микроскопом, а потом уже построены архитекторами и инженерами. Прочнейшая скорлупа микроскопических водорослей, которую нескончаемые волны прибоя не в силах разбить о скалы, подсказала биоархитекторам строение лёгкого и прочного купола, выдерживающего давление глубин. К его высоким сводам, сверкавшим огнями, как ночное небо звёздами, устремились дома-стрелы, дома-соты, дома-колосья; подобно живым деревьям, окружённым зелёными лужайками, они тянулись к свету. Затейливые мосты

— плетёные, как паутина, скрученные желобом листы, лучистые морские звёзды — перекинулись через улицы, вели к стадионам, бассейнам, каткам, театрам, башням, похожим на дворцы с иных планет. Подводный город, не уступавший в красоте земным столицам, светился в своей прозрачной раковине.

Корабль-кит подошёл к стеклянной стене, и его притянули к себе шлюзы.

В зале порта профессора и его спутников встречал юноша, которого Сергей сразу узнал: Дон!

Морской смотритель с минуту смотрел на Сыроежкина и Электроника, потом, рассмеявшись, назвал каждого по имени и не ошибся.

Дон сказал Громову:

— Вас ждут, профессор.

Катер, управляемый Доном, доставил гостей в центр города, где посреди площади возвышался огромный шар без единого окна. Это был всемирно известный Центр Мирового океана.

Через шлюз пассажиры вышли на площадку с кабинами лифтов. Над одним из лифтов сверкали буквы: «Диспетчер Океана».

Морской смотритель пригласил гостей в лифт диспетчера.

Глава 27

Они оказались как будто в центре Земли.

В круглом зале диспетчера голубая сфера Мирового океана с тёмными глыбами материков просматривалась насквозь. Материки казались безжизненными, а весь океан был пронизан извилистыми пунктирами светящихся точек. Каждый корабль-подлодка, рудовоз или танкер, каждый плывущий в океанских глубинах мерцал маленькой искрой, посылая свои сигналы диспетчеру; даже под шапками льдов Арктики, в глубоких каньонах Антарктики пробирались подводные суда. Всё внутри шарообразного зала было прозрачным, чтоб не мешать наблюдению за мировым движением, — стены, пол, стулья, микрофоны и круглый стол, за которым, негромко переговариваясь с кораблями, сушей, воздушным океаном, космосом, работали диспетчер Океана и два его помощника. Когда в дверях показались гости, диспетчер кивнул помощникам и, чеканя шаг по стеклу пола, пошёл навстречу.

Громов, близоруко щуря глаза, узнал в высоком русом человеке Командора: несколько раз они встречались на научных конгрессах.

— Рад приветствовать вас, Командор. Извините, что оторвал от работы.

— Здравствуйте, профессор, — громко ответил Командор. — Прошу прощения за то, что для этой встречи вам пришлось опуститься на самое дно…

— Я пока не разочарован, — шутливо сказал Гель Иванович.

Мальчишки, замерев, восхищённо смотрели на диспетчера Океана. Впервые видели они знаменитого повелителя трёх четвертей планеты.

А Командор, взглянув на курносых близнецов, как и Дон, расхохотался:

— Вот так загадка! Как же Рэсси различает вас?

— Где он? — в один голос спросили восьмиклассники.

— Впрочем, узнает ли он вас…

Произнеся такую фразу, Командор круто повернулся и огромными шагами направился к треугольнику Африки. Он подошёл к чёрной глыбе материка и распахнул неприметную с виду дверцу.

— Выходите.

Из дверцы, странно согнувшись, появилась массивная фигура.

Человек вывел за собой собаку на поводке.

— Рэсси!

Командор остановил ребят взмахом руки.

— Прошу познакомиться, — отрывисто сказал Командор. — Господин Мик Урри, главный администратор лабораторий фон Круга. Профессор Гель Иванович Громов.

— Мы знакомы, — ответил Громов.

А Мик Урри, бросив настороженный взгляд, подтвердил:

— Встречались.

— Тем лучше. Господин Урри задержан на яхте «Альбатрос», когда… э-э… как бы помягче сказать… когда он присваивал себе чужие ценности.

— Может, пираты — родственники господина Командора? Или нашли владельцев древних судов? — мрачно сострил Мик Урри.

Командор резко повернулся.

— По Кодексу Океана древние затонувшие корабли принадлежат государству. Вы вместе с вашим хозяином будете отвечать по всей строгости закона.

— Надо ещё доказать… — пробормотал Урри.

— Так что господину Урри нечего терять, — громко продолжал Командор, не обращая внимания на реплику администратора. — Кроме вот

этой собаки…

Лохматый терьер спокойно сидел у ног администратора. Он и ухом не повёл, словно речь шла не о нём.

— Это мой. — Мик Урри дёрнул за поводок. — И зовут моего пса, к вашему сведению, Индекс…

— Это Рэсси! — звонко, уверенно сказал Сыроежкин и оглянулся. — Правда, Электроник? Правда, Гель Иванович?

Профессор Громов и его ученик молча смотрели на Рэсси.

— Рэсси, ко мне! — приказал Сыроежкин и сделал шаг вперёд.

— Не подходи, — хрипло предупредил Урри.

— Решайте сами — Рэсси или Индекс. Здесь я вам не судья. Подводный пловец пойман мной по просьбе профессора Громова. До этого я никогда его не видел, — заключил Командор и отошёл в сторону.

В тишине зала прозвучало слабое жужжание — это Электроник бормотал команды для Рэсси. А вслед за жужжанием — громкий лай: Рэсси, оскалившись, яростно лаял на своих бывших хозяев. Мик Урри еле удерживал собаку на поводке.

— Что я говорил! — хрипел Мик Урри. — Можете убираться. Все. Пока целы.

— Отсюда не выйдет никто без моего разрешения, — твёрдо сказал Командор.

И, словно в ответ на его слова, Рэсси с треском распустил прозрачные крылья и, вырвавшись из рук удивлённого Урри, взлетел под самые своды. Все задрали головы к голубому потолку, а помощники диспетчера вскочили с места. Впервые в Центре Мирового океана скользило такое необычное существо.

— Продолжать связь с кораблями! — приказал Командор помощникам. И затем обратился к администратору: — Уймите его. Он мешает работать.

Урри лишь ухмыльнулся, наблюдая шутки своего Индекса.

— Он нас не признаёт, — пробормотал Сыроежкин. — Электроник, как же так? Дон, ты ведь видел, какой он послушный. Ты его узнаёшь?

Дон кивнул, а Электроник сказал правду:

— Он исключил нас из памяти.

Гель Иванович Громов следил за парящим Рэсси. Потом он вытащил из кармана блокнот, написал что-то на листке, вырвал его, протянул Электронику:

— Прочти.

И пока Электроник монотонным громким

голосом произносил формулы, профессор с удовольствием наблюдал, как Рэсси постепенно снижается и убирает крылья, превращаясь в обычную собаку; как он мягко прыгает сверху на все четыре лапы и подходит к Мику Урри, осторожный, недоступный, — ещё не Рэсси, но уже и не Индекс.

Командор обратился к профессору:

— Я вижу, ваш урок прошёл не без пользы. Большое спасибо.

— Пока да. Но не забывайте, что в нашем споре участвует ещё один собеседник.

— Кто?

— Манфред фон Круг.

Глава 28

Фон Круг, сидя у пульта машины, не слышал, конечно, своего имени. Получив сигнал опасности от Индекса, он включил экран и наблюдал борьбу модели с неизвестным противником. На экране две точки носились внутри замкнутого пространства, обозначавшего зал, подводный дом или глубинный корабль. Ясно одно: Индекс стремится вырваться на волю, чтоб снова стать неуловимым. Фон Круг, нажимая на кнопки электронной машины, перебирал разные варианты игры. Он был готов пожертвовать своим помощником и яхтой «Альбатрос» со всеми её находками, лишь бы остался Индекс. С такой универсальной моделью можно начинать любое новое дело на пустом месте…

Когда Мик Урри привёз из Индии стальной капкан, доктор прежде всего стал менять память Рэсси. На машину обрушились электрические разряды. Рэсси вышел из стального ящика с другими законами внутри своих электронных схем, и главными сигналами для него стали: новый хозяин, его помощник, большая электронная машина. Круговская машина отныне давала ему

команды на расстоянии в тысячи километров; иногда к ней присоединялся сам хозяин или помощник. И всё.

Индекс выполнял задания так же добросовестно, как и прежде, — от кончика носа до хвоста это был чёткий механизм, и в постоянно меняющемся узоре его памяти никогда больше и не возникали картины прежней жизни. Когда его окружили подводные корабли и опасность возродила в схемах какую-то старую связь, он, приняв совет Электроника, ни на секунду не вспомнил своего прежнего владельца, как, впрочем, и своё настоящее имя. И, откликаясь на позывной «Индекс», Рэсси доставлял удовольствие фон Кругу.

Сейчас фон Круг, единственный хозяин Индекса, беспокоился за свою неуловимую модель. Светлая точка, покружив внутри шара, замерла. Кто-то — очень сильный противник — вмешивался в действия Индекса, заставлял не подчиняться приказам круговской машины. «Но кто? Неужели Громов? Только он один знает строение модели, может управлять ею…»

Фон Круг иронически скривил губы. «Если это сам господин профессор, он получит сейчас наглядный урок от своего бывшего изобретения…»

Пальцы доктора нервно забегали по кнопкам,

приподняв Индекса на страусовых ногах и бросив его на противника. Точка на экране скользнула к невидимому барьеру, разделявшему участников игры, а потом медленно откатилась назад.

«Спокойно, — сказал фон Круг, — борьба ещё не окончена…»

Он стучал по столу, не решаясь на крайний исход. Сильный удар током наверняка успокоит невидимого врага. Скандал? А кто знает, что именно он, доктор Круг, за тысячи километров управляет Индексом? В конце концов, это только машина, и лучше не иметь свидетелей её странных действий…

Фон Круг пошевелил точкой на экране, удостоверившись, что он владелец уникального Индекса. Тонкий палец придавил кнопку.

Глава 29

Когда из пасти Индекса вылез стальной бур и Громов крикнул какие-то слова, никто в диспетчерской не понял сразу, что произошло. Индекс, бежавший к профессору, вдруг метнулся в сторону, и в следующий момент сверкнула искра сильного разряда, погас свет, зажглась синяя аварийная лампа. Океан мигом потемнел, корабли исчезли, капитаны лишились диспетчера. Командор вызвал дежурных электриков.

Мик Урри стоял побледневший, прекрасно понимая, насколько опасен был Индекс несколько минут назад. Урри вздохнул, заметив двух морских инспекторов, которые вошли в зал.

— Уведите его, — сказал Командор инспекторам. — И потом, уберите, пожалуйста, это.

Вспыхнул свет, пробудив океан, и все увидели, что Командор показывает на стол, где лежала неподвижно собака.

— Не трогайте его! — прозвучал звонкий мальчишеский голос, похожий на крик боли. — Это Рэсси! Ни за что не отдам Рэсси!

Сыроежкин, нырнув под стол, бережно взял в руки лохматого Рэсси.

Электроник в тот же миг оказался рядом; прожужжали его команды для Рэсси.

— Зачем только я крикнул? — обвинял себя Громов. — Короткое замыкание! Как же я не догадался, что он, свернув, наткнётся на провод…

Командор смотрел на мальчишек с собакой.

— Какое основное правило вашей машины? — спросил он профессора.

Вместо Громова поспешно ответил Электроник, словно от его слов зависела жизнь Рэсси.

— «Чёткое выполнение приказов, которые даёт хозяин. Самостоятельность и свобода действий помогают модели соблюдать основное правило…»

— Что-то я не заметил чёткого выполнения заданий, — задумчиво проговорил Командор. — Так кто же его настоящий хозяин?

В круглом зале попискивали сигналы тысяч судов. Капитаны вели свои корабли глубинными дорогами. Там, вверху, над океанами Земли, светило солнце и горели звёзды, царил штиль и бушевали штормы. Там, во всех океанах планеты, шла обычная жизнь… А Сыроежкин держал в руках неподвижного Рэсси.

— Неверно! — громко сказал Сергей. — В главном правиле сказано: «хозяина и его друга». — И

он удивлённо уставился на Рэсси. — Смотрите, он…

— Что — он? — подскочил Электроник.

— «И его друга»! — повторил Сыроежкин.

И все увидели: собака едва заметно шевельнула хвостом.

— Я друг… — тихо произнёс Сыроежкин.

Хвост опять дрогнул.

— Я друг Электроника!..

Хвост, чуть помедлив, вильнул.

— Я друг Громова!

Ещё один взмах.

— Я друг Рэсси!

И в ответ раздался лай. Сначала чуть слышный, как во сне, потом громче, громче. Рэсси открыл глаза, соскочил на пол, отряхнулся и залился звонким, пронзительным лаем.

— Смотрите, он лает… — удивлённо сказал Громов. — Лай, голубчик, лай!

И, поняв его радость, рассмеялся радостно Командор, улыбнулся Электроник, расхохотался Дон. И помощники диспетчера прыснули в микрофоны. А Сыроежкин стоял, широко расставив ноги, и не понимал, почему все смеются.

Он сделал открытие. Вернул Рэсси одним словом «друг», которое фон Круг не смог вычеркнуть из памяти. Что тут смешного?

Сергея качало от внезапной усталости. Все корабли Океана двигались сейчас прямо на него. Он не имел права отвечать на их сигналы. Он должен был проверить главное.

— Рэсси, ко мне!

Сильные руки подхватили мальчика и отнесли в соседнюю комнату. Но прежде Электроника, прежде Громова, прежде быстрого Дона, прежде самого Командора, успевшего схватить падавшего Сергея, к мальчику одним прыжком подскочил

Рэсси…

— …Алло, Сергей, ты слышишь меня? Приём, — услышал Сыроежкин как сквозь сон.

Он поднял веки. Увидел лучистые глаза под сросшимися бровями. Командор протянул ему великанскую руку, бережно посадил.

— Ну как, прошло? — спросил Командор. — На глубине это бывает.

— Я управлял… — сказал Сыроежкин.

И Командор сразу понял его:

— У тебя неплохо получается: Рэсси снова стал Рэсси. Когда-нибудь будешь управлять не одной машиной. Океаном. Или Космосом. Как захочешь.

Гель Иванович коснулся его плеча:

— Ты первооткрыватель, Сергей. Дай-ка я внимательно посмотрю на тебя. — И он ласково заглянул в глаза первооткрывателю, который неожиданно для всех вспомнил самое могущественное слово — «друг».

В зале прозвенели далёкие колокольчики. Служба спасения оповещала о традиционном трёхминутном молчании эфира. Замер весь океан, до самого дна, прислушиваясь, не прозвучит ли где SOS. В тишину спокойных секунд, отсчитываемых хронометром, изредка врывался слабый

писк — сигналы морских животных, которые носили в себе гарпун сонных стрелков.

— Это дельфины и киты, — тревожно сказал Громов. — Надо их отыскать!

— Найдём, — обещал Командор.

— С кораблей, из космоса, со дна океана…

— Подключу всех диспетчеров.

— Чтоб больше никто не нажал тайно кнопку.

— Не позволим.

— Верю вам. — Громов вынул из кармана какие-то бумаги, разорвал в мелкие клочья. На вопросительный взгляд Командора улыбнулся: — Так, пустяки…

А Электроник, тоже нарушая традиционное молчание трёх минут, сказал Сыроежкину:

— Я переделал основное правило Рэсси. Никаких больше хозяев… Только друзья!

Глава 30

— Вам одним открою строгую тайну. Я разработал Запрещающие Теоремы…

Профессор Громов видит перед собой внимательные лица. Глаза профессора улыбчивы, но говорит он серьёзно. Идёт урок математики в восьмом «Б». Учитель Таратар кивает головой: он никогда не сомневался в могуществе математики.

— Понимаете всю сложность этого вопроса для прогресса человечества? Запрещающие Теоремы могли бы со временем остановить все машины. — Профессор оглядел программистов. — И вот однажды, написав очередную формулу, я подумал: а чем же виновата сама машина? Разве так необходимо ограничивать её развитие? Виноват бывает какой-то человек, который либо не осознаёт результатов её работы, либо использует во вред другим. В чём провинился мой Рэсси, почему я должен разрушить хорошую модель?.. Я уничтожил Запрещающие Теоремы, проще говоря — порвал лист с формулами. И сделал это с удовольствием!

А машина, из-за которой создавались Запреща-

ющие Теоремы, угрожавшие человечеству, — вот она, совсем рядом, сидит у доски. Лохматая, усатая, с задорно поднятым хвостом — до последнего волоска вылитый терьер. Даже не верится, что чёрная тихоня — всемирная знаменитость. Интересно, что Рэсси сам о себе думает? Он-то осознаёт, в конце концов, что он — Рэсси?..

Электроник поднял руку.

— Скажите, Гель Иванович, вы так и не применили свои теоремы?

Профессор улыбнулся, что-то вспомнив.

— Честно говоря, один раз пытался применить. *(Лёгкий гул удивления пролетел по классу.)* Когда Рэсси атаковал нас, я крикнул одну из формул. Рэсси метнулся в сторону, наткнулся на провод, и короткое замыкание чуть было не вывело его из строя. Если бы не открытие Сыроежкина, не знаю, был бы сейчас с нами Рэсси?

Сыроежкин смущённо сморщил нос, хотя все уже знали, как он отличился.

А Громов выхватил из кармана длинную трубку, взмахнул ею, будто дирижёрской палочкой, зашагал по классу, рассуждая вслух:

— Вы должны знать, будущие программисты, что человечество за свою историю не раз отказывалось от всемирного эгоизма. Вспомните:

когда-то люди установили, что Земля не центр Вселенной, что живут они на периферии Галактики и сама земная жизнь отнюдь не исключение. Однажды мы решили, что не только человек умеет мыслить, и создали автоматы, наделив их почти человеческими чертами… Может, в этом и состоит прогресс?.. Извини, Электроник, что я говорю так при тебе, но ты помнишь историю человечества не хуже меня… Вот, например, Рэсси: он задал нам с Электроником немало задач, пока мы не оценили его поступки. Рэсси ещё раз подтвердил неограниченные возможности человека. А лучше меня, пожалуй, все объяснит сам Электроник.

Таратар пригласил своего помощника к доске.

Электроник встал рядом с Рэсси, взял мел, уронил тряпку. Поднимая её, незаметно погладил собаку. Шевельнулся хвост в знак дружбы.

Рэсси смотрел на чёрную доску из-под косматых прядей шерсти.

— Я приведу примеры самостоятельных действий Рэсси, когда он пространствовал над пустыней, — серьёзно начал Электроник и улыбнулся. — Скажу откровенно: я не сразу расшифровал их…

Класс замер. Сам Электроник, лучший в мире

математик, ученик профессора, ассистент учителя, — и вдруг признаётся в своей слабости.

Да этот Рэсси взаправду хитроумен, изобретателен, непобедим.

Могучий ум в мохнатом теле!.. Ура неуловимости, хвала неуничтожимости!

Стучал по доске мел. Торопились перья. Горки формул громоздились в тетрадях.

Не писал лишь Макар Гусев. Впитывал глазами таинственную силу Рэсси, старался не пропустить ни единого слова. Он представлял себя непобедимым силачом, как Рэсси, только, разумеется, человеком. Секрет силы витал вокруг него в воздухе — стоит лишь очень захотеть, напрячь всю волю, а формулы — не беда, он их спишет потом у приятелей.

— А что будет с Рэсси? — перебивая Электроника, спросил нетерпеливый Макар.

Электроник ответил, стуча мелом:

— Он продемонстрирует свою систему управления животными. Рэсси приглашают на службу директора2 двух заповедников.

— Ого! — Макар победно взмахнул тяжёлым кулаком. — Честное слово, очень хочется влезть в его шкуру!

— Даже мне трудно вообразить будущие

приключения Рэсси, — хрипло подтвердил Электроник.

Учитель и профессор переглянулись.

А программисты засмеялись, на минуту оторвавшись от тетрадей.

Таратар нагнулся к Громову, вполголоса сказал:

— Воображение… Удивительно! Так в чём же тогда заключается отличие?.. — И не закончил вопроса.

— Признаюсь, я совсем забыл, что Электронику необходимо воображение, — шёпотом подхватил профессор. — Спасибо, что напомнили. Вероятно, главное отличие человека от машины — умение задавать вопросы, на которые никто не может ответить…

Электроник, не дописав уравнения, повернулся к профессору.

— Вы сказали, — прозвучал резкий скрипучий голос, — я смогу задавать неразрешимые вопросы? О не открытых ещё законах?

И Электроник, повторив на свой лад слова профессора, слишком поздно понял, что поставил себе неразрешимый вопрос.

Чтобы не впасть в бессмыслицу, отвлечься от мучительных рассуждений, он задёргался, запля-

сал у доски, напевая модный ритм:

— Э-э-э, бали-бали… э-э-э, бали-лей…

От удивления Таратар засопел, будто носорог. За всю педагогическую практику учитель впервые видел, чтоб у доски танцевали.

— Ты на уроке! — грозно напомнил учитель, обрывая жестами смешки класса.

А Громов с нескрываемым любопытством смотрел на своего приплясывающего ученика.

— Э-э-э…

— Ты сам придумал музыкальный предохранитель от неразрешимых вопросов? — спросил профессор.

Электроник кивнул, содрогаясь всем телом.

— Не самый лучший. После урока мы побеседуем с тобой об искусстве, о силе воли, наконец, о воображении.

Электроник сразу затих, удивлённый тем, как легко можно найти выход из мучительного положения.

— Извините, — сказал он. — Я, вероятно, плохо применяю вторую теорему Гёделя. Если разрешите, я продолжу объяснения.

Электронный мальчик, бросив взгляд на невозмутимого Рэсси, стал писать уравнения, «изобретённые» его четвероногим другом.

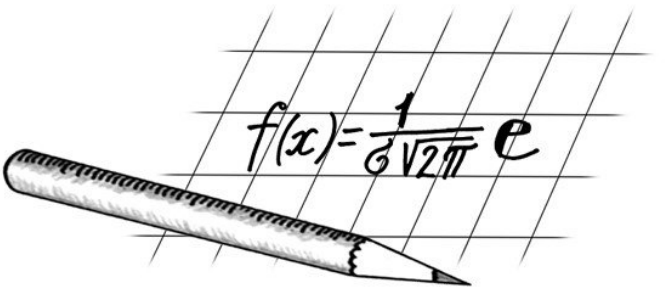
А Сергей Сыроежкин, поглядывая то на старательно пишущего Электроника, то на спокойного Рэсси, думал:

«Удивительная это личность — Рэсси. Он ещё попутешествует по миру. Покажет своё таинственное «И так далее».

Глава 31

— Алло, Командор! Не знал, что ты повелитель не одних подлодок-китов, но и глубинных собак. Слышал, как ты отличился, как вернул профессору Громову его Рэсси. Молодчина, Командор! Приём.

— Уже разведал, Аст? На такой недосягаемой высоте… Приём…



— На высоте — точно, в пустоте — верно, и всё же над нашей Землёй. Мне тут известны все секреты… Кстати, Командор, хочу с тобой посоветоваться. Ребята на Юпитере видели недавно в океане животное вроде нашего кита. Переливает всеми цветами, как океан этой планеты, резвится в волнах и плавает так, что поймать его невозможно. Может, подсказать глубинникам: пусть попросят Громова одолжить Рэсси? Как он — справится? Приём.

— Справится, Астронавт, клянусь океанами Земли. Приём.

— Слово Командора — верное поручительство. Я сразу понял, что моя дочь, когда подрастёт, увидит живого кита Юпитера. Приём.

— Увидит, Аст, непременно увидит. Но прежде ты покажи ей пятнистую жирафу. А то она не поверит ни одной картинке. Договорились, Аст? Отбой!..